человек загадка

Алекс Бертран
ГРОМОВ

ТАЙНАЯ РОЛЬ
КИНОЗВЕЗДЫ
ГИТЛЕРА

ОЛЬГА ЧЕХОВА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В истории найдется, пожалуй, не так уж много женщин, чья жизнь была бы более загадочной и противоречивой. Ее называли «второй Матой Хари», но была ли она на самом деле «шпионкой № 1»? Она блистала в светских салонах Петербурга, Москвы и Берлина; горячими поклонниками ее восхитительного таланта были и Сталин, и Гитлер. До сих пор нет однозначного ответа на вопрос: кто вы, Ольга Чехова, легкомысленная «суперстар» или изворотливая разведчица?

Большинство популярных киноартистов люди публичные: профессия обязывает. И поэтому их биографии, как правило, состоят из двух частей: описание фильмов и съемок, с одной стороны, светская жизнь между этими событиями — с другой. Ольга Чехова уникальна тем, что многие эпизоды её жизни до сих пор содержат нераскрытые загадки. Более того, в них присутствует целый пласт событий, связанный с тайнами сильных мира сего и деятельностью разведок. Именно это до сих вызывает наибольший интерес, порождая споры и гипотезы…

Знак информационной продукции 12+

- «Ты обязательно станешь актрисой»
- Поцеловал — женись!
- За рубеж с кольцом во рту
- Гитлер — "крикливый выскочка"?
- Государственная актриса
- Замуж за бельгийца
- Дружба с Герингом
- Спасение банкира Штерна
- Опасное внимание доктора Геббельса
- Немножко контрабанды
- Самый главный нелегал?
- Война и комедия
- Москву не взять!
- Символ мирной жизни
- Тайные законы мироздания
- Любовь на фоне войны
- Два поклонника сразу
- Письмо Паулюса
- Кинозвезды и подводники
- Как уцелела Белая Дача
- Жажда власти и страх перед миром
- Последние дни войны, первые дни мира

- Русские в Берлине
- Политические настроения жителей Берлина
- Драматург-контрразведчик
- Тайные приказы Гитлера и последняя база
- "Много над этим смеялась"
- Вино для ольги
- "Озлобленность делает человека жалким…"
- Фильмография Ольги Чеховой
- Жизнь после смерти

«Ты обязательно станешь актрисой»

Ольга Чехова родилась в городе Александрополь (ныне Гюмри) на территории современной Армении, а тогда Российской империи в 1897 году. Ее отец Константин Леонардович Книппер приходился родным братом знаменитой актрисе Художественного театра Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой. В семье было трое детей — дочери Ада и Ольга, а также их брат, в будущем известный композитор Лев Книппер, автор популярной песни «Полюшко-поле».

О своем детстве актриса рассказывала немало романтических, почти сказочных историй, полных эмоций, переживаний и невероятных подробностей. «На старом кладбище я чувствую особую привязанность к одной могиле, обсаженной кипарисами и почти полностью заросшей дикой малиной. Ягоды спелые и висят на ветвях, словно капли крови. Я сижу на полуразрушенной надгробной плите, погружаюсь в их созерцание, и перед моим взором проходят отрывочные картины ужасной битвы. Позднее я узнаю, что это и впрямь были видения прошедших событий: когда-то, как свидетельствуют старинные рукописи, на месте кладбища разразилась одна из кровавых битв…»

Но пока девочка воспринимает подобные откровения — она еще не раз будучи взрослой станет замечать за собой способность к необъяснимым снам и предчувствиям — как должное. Когда родители переезжают в Царское Село, то юной Ольге стараются дать всестороннее образование по части изящных искусств. Скульптура, живопись, графика… Ольга потом признавалась, что идей и вдохновения у нее было много, а усидчивости терпеливо доводить замысел до конца — почти никакой. И тут судьба дает ей первый знак о будущем. В своих мемуарах «Мои часы идут иначе» Чехова писала о том знаменательном моменте так: «В это время внутреннего перелома происходит событие, которое, вероятно, становится первым толчком для моего профессионального развития, — Элеонора Дузе приезжает с гастролями в Санкт-Петербург. Сенсация — и не только для прессы. Всемирно известная итальянская драматическая актриса в зените своей славы. Она не нуждается в утрированных жестах и громовом голосе, не признает театральной пафосности, распространенной в то время, каждой своей роли придает индивидуальный рисунок и создает образ изнутри. Она вся светится, даже когда просто стоит и не произносит ни слова. Она

играет изящно, грациозно, утонченно, со своими чудными глазами и узкими кистями рук — женские образы Гауптмана, Ибсена, Метерлинка, Сарду, Чехова, Дюма и д'Аннунцио, которого знала лично».

Элеонора Дузе знакома с тетей Ольги — прославленной Книппер-Чеховой, актрисой театра Станиславского, — и она приходит в петербургский дом семейства Книппер. Она пристально смотрит на юную Ольгу, гладит ее по голове и говорит:

— Ты обязательно станешь актрисой, дитя мое…

Девочка, сама не зная отчего, ударяется в слезы при этих словах.

— Почему ты плачешь? — спрашивает Дузе. — Боишься стать актрисой? Пройдет время, и ты узнаешь, что это такое — обнаженной шествовать по сцене…

Бедная девочка воспринимает это буквально и начинает рыдать еще сильнее. «Обнаженной на сцене! Даже воздушные акробатки в цирке не выступают совсем голыми. Много позднее я поняла, что имела в виду Дузе. Отринуть все условности и каждый раз по-новому, „духовно обнаженной“ представать перед зрителем».

Однако встреча с Дузе сильно повлияла на Ольгу, недаром она потом следила за судьбой театральной звезды, предсказавшей ей будущее. Книппер-Чехова вновь встретилась с Дузе во время гастролей Художественного театра в Америке, в начале 20-х годов, и Ольга с ее слов запомнила, что в Штатах великая трагическая актриса обрела все что угодно, кроме счастья. Элеонора Дузе умерла в 1924 году в Питсбурге (штат Пенсильвания).

«Но самым неизгладимым впечатлением в моих воспоминаниях остается писатель Лев Николаевич Толстой, — пишет в воспоминаниях Ольга. — Однажды я гощу в его имении Ясная Поляна. Чудесно гулять с ним по лугам и лесу и слушать его. И что самое замечательное: он разговаривает со мной как со взрослым человеком. Кажется, меня впервые воспринимают всерьез. Правда, я еще слишком юна, чтобы хорошо осознавать все, что говорит великий писатель. Но, насколько я понимаю, он ненавидит нетерпимость и войну, чем бы ее ни оправдывали. Однажды во время нашей прогулки он совершенно неожиданно останавливается, смотрит на меня серьезно и проницательно, словно его переполняет глубокая забота, и наконец произносит непривычно требовательно: „Ты должна ненавидеть войну и тех, кто развязывает ее“. Позднее я буду часто вспоминать эти слова…»

Через несколько недель после встречи с Дузе Ольга своими глазами увидела и легендарную Анну Павлову; «она танцует „Умирающего лебедя“, еще и сегодня знаменитый балет, который она прославила во всех частях света».

Каждый год семейство Книппер, в полном составе или порознь, отправлялось путешествовать по России, а также и за границу. Ольгу часто отправляли в поездки с тетей. Однажды они побывали в Швейцарии. «Мы видели один из первых полетов дирижабля, цеппелина, над Боденским озером. Удивительно, но на меня он произвел слабое впечатление. Тетя не могла этого понять и посчитала немного задавакой. Наверное, она была не права: в начавшемся двадцатом веке мы, дети, уже столкнулись со многими революционными новшествами, например электрическим светом, телефоном, самолетом и автомобилем. Гораздо большее впечатление, нежели цеппелин, на меня произвел наш первый автомобиль. Крестьяне в страхе разбегались перед „дьявольской“ повозкой, крестясь и с ужасом глядя вслед. Я находила восхитительным нестись со страшной скоростью 50 (пятьдесят!) километров в час».

Л.Н. Толстой

Ольга отмечала потом, что Царское Село представляло собой идеальную площадку для смешения эпох, былое и ультрасовременное встречалось тут, смешивалось в разных пропорциях, порождая причудливые картины бытия. Иногда столкновение восторженной фантазии с действительностью порождало глубокие разочарования. Одним из таких моментов стало для юной Ольги лицезрение императорского семейства. «Как одаренный фантазией ребенок представляет царя и его семью, благосклонно являющих себя народу? Царя — в короне и, конечно же, одетым в ниспадающую волнами пурпурную мантию на соболях, а государыню и принцесс, само собой разумеется, в коронах и дорогих бальных платьях.

Папа, мама, брат с сестрой и я отправляемся гулять. Папа первым замечает открытый экипаж. Мы останавливаемся. Папа говорит, что это едет царь со своей семьей.

Сердце мое отчаянно бьется. Сестра и я делаем глубокий книксен, папа и мама склоняются в поклоне — как и все взрослые вокруг, мимо которых проезжает царь.

Я заканчиваю делать книксен, отваживаюсь взглянуть и обнаруживаю экипаж с позолоченными фонарями, с кучером и лакеями в красных плащах… Я жду, что короны, золото и пурпур ослепят меня, и — крайнее разочарование: ничего подобного! Царь одет в ничем не примечательную офицерскую форму, а его семья — в еще более простые платья».

Бабушка Ольги, которую она называет то придворной дамой, то просто бывавшей при дворе, однажды привозит внукам приглашение в гости к детям во дворец. «Мы с нетерпением ждем этого дня и на месте расстаемся с еще одной иллюзией: и во дворце государь, государыня и их дети ходят без корон; более того, одеты они очень просто, стиль их жизни скромен, почти буржуазен. И даже кровати у них не из чистого золота, а совсем как наши собственные: никелированные, светло-голубой краски и украшенные блестящими шарами.

Оба примыкающих к резиденции замка, построенных Екатериной Великой, больше соответствуют моим представлениям о дворе: Екатерининский дворец — „маленький Версаль“, роскошный, облицованный лазуритом и малахитом и с прелестной Янтарной комнатой, в которой стены, детали потолка и вся мебель сотворены из янтаря, отделанного чем-то голубым и позолотой. В этом дворце проходило большинство официальных приемов, тогда как дворец поменьше, так называемый Александровский, раньше был собственно местом жительства Романовых. Мы играем в дворцовом парке с царскими детьми

Ольгой, Татьяной, Марией, Анастасией и Алексеем.

Правда, Алексей только смотрит на нас. Его сопровождающий — дядька большей частью носит цесаревича на руках. Любая маленькая ранка, любая царапина опасна для его жизни: наследник страдает неизлечимой болезнью крови, гемофилией; врачи из России, Германии и Англии бессильны. Никому не удавалось остановить у Алексея кровотечения, любое из которых могло оказаться смертельным».

Это описание больше похоже на впечатления взрослого человека — вряд ли юная девочка могла так сильно заинтересоваться медицинскими подробностями. Но понятно, что на склоне лет Ольга Чехова была в курсе всех обстоятельств, предшествовавших падению дома Романовых. Однако она, по ее словам — опираясь на тогдашние рассказы бабушки — приводит малоизвестные подробности появления при дворе Распутина. Царевича лечили не только европейские медики, пишет она, но и целитель из загадочного Тибета. Однако справиться с гемофилией полностью не могут даже суперсовременные методы медицины, а в начале XX века не было и их. Медицина нетрадиционная тоже оказывается бессильна. «И доктор из Тибета был вынужден капитулировать. Но тибетский врач знает одного человека в Сибири, которому приписывают сверхъестественную целительскую силу, Григория Ефимовича Распутина, крестьянского сына, монаха, члена секты хлыстов, которые с помощью оргиастических танцев, песнопений и бичеваний доводят себя до экстаза и „приобщения“ к Богу.

Отчаявшиеся родители престолонаследника об этом ничего не знали; они ухватились за последнюю надежду и призвали Распутина из сибирского села ко двору.

Распутин появился во дворце — неотесанный, грубый, грязный мужик в похожем на кафтан одеянии и поначалу робкий и неловкий.

Он постоянно находился поблизости от наследника трона, и ему не пришлось долго ждать своего первого испытания: однажды Алексей сделал неловкое движение и упал — колено стало кровоточить. Распутин положил свою руку на пораненное место и стал утешать Алексея: „Сейчас сразу перестанет…“ Царь и царица поспешили к сыну и не поверили своим глазам: кровь остановилась.

Распутин сделал то, что до него не смог ни один врач…

С этого времени Распутин стал незаменимым человеком при дворе и беззастенчиво пользовался этим для упрочения своей политической власти, которая ускорила падение дома Романовых».

Поцеловал — женись!

Когда детство миновало и Ольга стала прелестной девушкой, родители отправили ее в Москву к тете Ольге Книппер-Чеховой. Под ее покровительством Ольга стала посещать школу-студию при Московском Художественном театре. «Мой учитель Константин Сергеевич Станиславский — один из основателей этого всемирно знаменитого театра. Правда, пока не ему и не его школе-студии отдано мое восторженное девическое сердце, а моему кузену Михаилу Чехову, молодому, талантливому актеру…» Виталий Вульф в предисловии к русскому изданию мемуаров Ольги Чеховой так описывает сложившуюся тогда романтическую коллизию: «В нее сразу влюбились двоюродные братья Чеховы: Владимир, сын Ивана Павловича, и Михаил, сын Александра Павловича. Михаил был артист Первой студии Художественного театра. Еще до Художественного театра он сыграл царя Федора Иоанновича в Суворинском театре. По словам Ольги Чеховой, она была с ним знакома давно и уже маленькой девочкой к нему неравнодушна. Действительно, она вспоминает о своих пылких чувствах, особо ярко вспыхивавших, „…когда он, как правило со своим дядей Антоном Чеховым, бывал у нас в гостях. Мое сердце билось чаще, когда Миша оказывался где-нибудь поблизости, и я постоянно искала и находила предлог, чтобы быть с ним рядом. Разумеется, меня всегда глубоко ранило, когда я замечала, что в конце концов я для него просто маленькая девочка. Живо помню Мишу в то пасхальное воскресенье, когда после церкви по православному русскому обычаю с восклицанием „Христос воскресе!“ принято поцеловаться и он целовал одну взрослую девушку гораздо дольше, чем меня… Михаил Чехов для меня красивее и пленительнее всех актеров и даже всех мужчин. Я схожу по нему с ума и рисую себе в своих ежедневных и еженощных грезах, какое это было бы счастье — всегда-всегда быть с ним вместе…“»

О.Л. Книппер-Чехова

Но, похоже, им было суждено хоть на какое-то время, но оказаться вместе. «И тут на помощь приходит великий случай. Для благотворительного представления мы оба репетируем в „Гамлете“. Миша — Гамлет, я — Офелия. Репетиции полны тайного флирта, но дальше этого дело не идет. Я робка, а Миша — я все еще опасаюсь — недостаточно влюблен… И вот наступает великий день. Спектакль исполняется перед исключительно избранной публикой. Бурные аплодисменты, я преисполнена гордости. Вновь и вновь мы с Мишей появляемся перед занавесом. Станиславский хвалит меня, тетя Ольга поздравляет, это мой первый успех…»

Успех приходит и в осуществлении трепетных мечтаний о любви: «Все решается в этот вечер. Я ухожу с Мишей за кулисы, где нас никто не может увидеть. И тут под замирающие аплодисменты публики он целует меня… Что за странное чувство! Сначала мне кажется, будто я умираю от блаженства. Но потом меня пронизывает глубокий страх: я еще нетронутая, „из приличного дома“ и сексуально абсолютно невежественна; ему

двадцать три, он уже знаменит как актер и режиссер у Станиславского, очарователен, явный соблазнитель и донжуан театра.

„Если меня так поцеловал мужчина, — проносится в моей наивной голове, — то у меня будет ребенок“.

Итак, густо покраснев и смутившись, я лепечу:

— Но теперь ты обязан на мне жениться, Миша…

Он смеется:

— А чего еще я могу пожелать?»

И вот «по сиюминутному влечению, по решению, принятому в несколько секунд», наивная девочка и легкомысленный молодой актер решают вступить в брак. С учетом того, что развод в те времен был если и не совсем невозможным, то весьма затруднительным, из ряда вон выходящим делом, затея выглядит и сейчас более чем авантюрной. В ней, по словам Ольги, «смешались моя неопытность, „страх за последствия“, туманный романтизм, тщеславие, а у него — авантюризм, легкомыслие, мужская гордость „обладателя“ и, возможно, известная доля расчета». Да, описывая свою первую свадьбу, многоопытная Ольга Константиновна уже, конечно, понимала, что тогда Михаил Чехов, хоть и известный театральный деятель с неплохим жалованьем, но, во-первых, он «все, что получает, разбрасывает полными пригоршнями», а во-вторых, собственное жалованье — это совсем не то, что богатое приданое, которое по логике вещей должна получить девушка из весьма и весьма обеспеченной семьи. Но все равно скоропалительный брак оказался сумасбродством, за которое впоследствии придется дорого расплачиваться обеим сторонам…

Свадьба была обставлена как в романе или сентиментальной драме: «Для венчания Миша нашел маленькую деревеньку, примерно в десяти километрах от Москвы, чтобы быть уверенным, что наша тайная свадьба никем не будет расстроена. Правда, попа, который в соответствии с церковными предписаниями настаивает на письменном разрешении родителей, все равно приходится „подмазать“… Так приключение-мечта начинает беспрепятственный и безумный бег: я надеваю свой самый элегантный наряд — черную бархатную юбку, белую шелковую блузку, черные лакированные туфли и спешно укладываю ночную рубашку и зубную щетку. Затем мы встречаемся с шаферами где-то на окраине Москвы и на двух дрожках едем к месту нашего венчания. Я вся дрожу, но не от радостного возбуждения. Мне страшно. Как-то вдруг мне перестает нравиться это приключение. Я обращаю страстные молитвы к Небу, может, еще что-нибудь случится, еще что-нибудь

помешает…

Но ничего не случается.

Миша мужествен и серьезен.

Церковь — маленькая простая часовня — явно не предназначена для того, чтобы поднять мое настроение.

Перед церковью стоят с десяток пожилых крестьян и по обычаю держат в руках зажженные свечи — „как на похоронах“, пронзает меня мысль.

Мы проходим в часовню. Обряд венчания свершается торопливо. Хора нет. Все происходит тихо и с какой-то странной поспешностью. И погода соответствующая: неожиданно налетает вихрь. Церковная дверь визжит в петлях. Каждый раз, когда ветер хлопает ею о стену, я вздрагиваю от хлесткого удара.

М.А. Чехов

После венчания мы едем прямо на Мишину квартиру».

Вот тут-то Ольга осознает, что прекрасные мечты имеют мало общего с не слишком приглядной реальностью. «Едва войдя, сразу ощущаю, что меня ожидает в будущем: от его матери и няньки веет холодом неприязни. Обе безмерно гордятся своим

Мишей. Обе не имели и ничего не имеют против его подружек, которых он меняет как перчатки, напротив, они кичатся этим, их Миша — настоящий мужчина! Мать любит его просто до безумия. А теперь вот прихожу я, избалованная девушка из богатой семьи, его жена, принадлежать которой он должен отныне и навек. Мать Миши возненавидела меня с первого взгляда. Она приготовила скромный свадебный обед. Но я не могу проглотить ни куска, положение ужасное, я ломаю себе голову, как сообщить своей семье о браке. Наверное, через тетушку Ольгу Книппер-Чехову. Ведь это из-под ее опеки я улизнула. А она ни о чем не догадывается, не говоря уже о моих родителях…»

Даже в наши ко всему привыкшие времена исчезновение шестнадцатилетней девушки, практически еще подростка, и ее скоропалительное замужество вызовет, мягко говоря, сильное беспокойство. Что уж говорить о временах, когда подобную ошибку было почти невозможно исправить… «После еды я прошу Мишу позвонить тете Ольге в театр и сказать, что сегодня вечером я к ней не приду, потому что… да, потому что мы поженились, ну и, разумеется, теперь я буду жить у мужа.

Миша звонит.

Тетя Ольга отвечает так громко, что свекровь, няня и я без всяких усилий тоже слышим ее: тетя Ольга велит передать мне, чтобы я без промедления возвращалась в ее квартиру — без промедления и без Миши! Мишина мать и няня злорадно усмехаются; они уже так и видят себя снова наедине с их ненаглядным Мишей.

Пока Миша и я размышляем, что же нам делать, Станиславский присылает друга, который без всяких поздравлений сурово „мылит Мише шею“, называет все произошедшее скверной шуткой и категорически требует, чтобы брак незамедлительно был расторгнут, „чтобы избежать скандала".

Я собираю свои немногочисленные вещички и еду обратно на квартиру к тете Ольге. Миша меня не удерживает“.

Звезда Художественного театра тоже не решается сразу поставить в известность брата. Она телеграфирует его жене, матери Ольги: „Срочно приезжай — по поводу Оли“. Та мчится в Москву, а узнав, что случилось, поначалу проявляет завидное хладнокровие:

— Вышла замуж… что ж, слава Богу, это еще не самое страшное…

Ольга не знает, что делать. То ли все случившееся признано нормальным и инцидент исчерпан, то ли можно считать, что вообще ничего не было? „Однако, когда мы остаемся вдвоем, она

яснее излагает мне свою точку зрения:

— Ты самовольно вышла замуж, что же, теперь изволь сама отвечать за последствия. Я дам тебе добрый совет: не сделай второй глупости. Смотри не забеременей, пока вы оба как следует не узнаете друг друга!

И все. Никаких упреков, жалоб, лишь еще одно утешение „на всякий случай“:

— Ты всегда можешь вернуться, если станет невыносимо.

Тем не менее уже следующим вечером мы в спальном вагоне выезжаем в Петербург. Тринадцать бесконечных часов. До отъезда я Мишу не видела и с ним не говорила.

В поезде у мамы довольно времени, чтобы разработать свою стратегию. „Приедем домой, ты сразу ляжешь в постель, — вслух размышляет она, — папа еще будет в министерстве, а когда вечером вернется, решит, что ты больна. Остальное предоставь мне…“

Что мама собирается сказать папе, она умалчивает. А я ее не спрашиваю. Она советует мне снять обручальное кольцо и спрятать паспорт, чтобы папа прежде времени не открыл, кто обвенчал меня и Мишу“.

Ольга, по ее словам, пролежала в постели два дня, непрерывно рыдая. „Папа входит в мою комнату восемнадцать часов спустя. В соответствии с девизом „нападение — лучший вид обороны“ я демонстрирую ему лучшие образцы своего актерского таланта. Я впадаю в истерику… Прежде чем у папы находятся слова, я кричу: „Если ты будешь меня упрекать, выброшусь из окна!““ Решение отца озвучено им спокойно и сурово:

— Что же, дитя мое, теперь ты можешь возвращаться к своему мужу — правда, без денег, без приданого и без драгоценностей. Разумеется, можешь забрать свое белье и платья…

И вот Ольга возвращается в Москву. „Миша и его мать забирают меня с вокзала. По дороге „домой“ мы почти не разговариваем. Как только я переступаю порог крошечной, полутемной трехкомнатной квартирки, меня встречает притворно-ласковая улыбка няни. Я в замешательстве. Миша помогает мне разобрать багаж.

Няня между тем готовит ужин; она суетится, гремит посудой, у нее явно не руки, а крюки. Свекровь кричит на нее, та не смеет и пикнуть. За едой они вновь безмолвно объединяются против меня в холодном неприятии. Я торопливо ем и поспешно ухожу… Свекровь никак не может заснуть — брюзжит, ворочается в постели и зовет няню. Маша, так зовут это несчастное создание, должна, как обычно, почесать ей перед сном пятки.

Маша чешет. В это время „мама“, всхрапывая и без

сновидений, проваливается в объятия Морфея.

Мне становится дурно. Миша улыбается. Не следует воспринимать все так серьезно, считает он, добавляя, что уже давно к этому привык…

Он ведет меня к своей, к нашей постели.

Я стою, словно окаменев, и пытаюсь понять, что это означает: „наша постель“.

В какое-то мгновение я вновь чувствую его поцелуй, какой он подарил мне после того спектакля в школе-студии.

Но на губах остается пресный привкус.

В квартире дурно пахнет. И поблизости все так же храпит Мишина мать.

Я тоскую по свежему воздуху моей девичьей комнаты в Царском Селе. Я говорю Мише, что сильно устала. Я не лгу…“

Однако постепенно у молодых супругов налаживается какое-то подобие упорядоченной интимной жизни — вполне достаточное для того, чтобы породить новую жизнь. „Я говорю Мише, что жду ребенка. Он только бросает на меня взгляд, пожимает плечами и уходит из дому. Я словно в столбняке, бесцельно брожу по улицам, не замечая, что одета слишком легко, и сильно застужаю почки. Мне приходится неделями проводить в постели и пить много жидкости. Я распухаю; можно подумать, что у меня будет двойня. Когда я снова могу встать, часто ухожу гулять, чтобы оказаться подальше от дома“.

Однако будущий отец вовсе не чувствует себя скованным не только супружеской верностью, но и приличиями, как таковыми. В этой части воспоминаний Ольга к нему беспощадна: „Далеко за полдень. Я возвращаюсь с очередной прогулки. Моя комната занята. Мать Миши и няня заняты починкой и штопкой; они разложились со своими вещами, словно собираются оставаться здесь и дальше.

Я прошу их перейти в свою комнату; они обмениваются взглядами, словно две заговорщицы из романа ужасов. Няня глупо ухмыляется; Мишина мать не говорит ни слова и продолжает шить. Мне тяжело стоять с моим отекшим телом. Я ищу стул. На стульях в моей комнате сидят Мишина мама и няня. Я направляюсь к двери соседней комнаты, в которой обычно обитают эти женщины.

Дверь заперта. Я слышу за ней женское хихиканье.

Через несколько минут Миша выходит с девушкой, „не замечает“ меня, мимоходом кивает матери и няне и с улыбкой говорит:

— Теперь можете возвращаться…“

В таком духе продолжалось, по словам Ольги

Константиновны, все время ее беременности. В последний месяц ситуация лишь чудом не обернулась трагедией. „За три недели до предполагаемых родов я еду с мужем и его матерью на так называемую дачу под Москвой. Дача — маленький, совсем примитивный домик, что снимают лишь на короткий срок.

Поблизости от дачи есть теннисный корт. Миша хорошо играет в теннис. Я сопровождаю его на корт.

Когда мы подходим, как раз заканчивает играть одна юная девушка с подругой. Миша предлагает этой девушке сыграть еще партию и обворожительно улыбается:

— Возможно, мне удастся исправить ваш удар слева…

Они играют и флиртуют. Они так бесстыдно флиртуют и после игры, что у меня сдают нервы: я кричу на Мишу, слезы льются из моих глаз.

Миша раздражен, или, точнее, ему неловко от моей сцены.

Я с яростью смотрю на него. Я еще не знаю, что бессмысленно пытаться удержать мужчину слезами.

Миша просто оставляет меня одну.

Позднее, прямо сразу после нашею развода, он женится на этой девушке…

Я ухожу с теннисного корта так быстро, насколько позволяет мое состояние, и не замечаю, куда бегу. Хочется просто пособирать ягоды в лесу — ни о чем не думая и не анализируя. Лес в этих местах большой и нехоженый. Мне он совсем незнаком.

Время бежит. Внезапно темнеет. Я в отчаянии ищу дорогу. Но ничего не нахожу. Вокруг меня одни тени. Спускается ночь…“

Действительно ли Ольге пришлось не только ночевать в лесу, но и столкнуться там с медведем, сказать трудно. Но в воспоминаниях она писала, что проведя ночь в каких-то кустах, поскольку залезть на дерево она в своем состоянии уже физически никак не могла, утром она услышала „хруст сучьев и звуки, знакомые мне с детства: это ворчание медведя“. Дальнейшее бегство она описывает как полумистическое следование за „белым пятном, которое высвечивает перетекающие одну в другую картины сна. Световое пятно удаляется. Я бегу за ним, как в трансе, метр или километр — трудно определить. При этом совершенно отчетливо ощущаю на затылке горячее дыхание медведя. Вдруг я сильно ударяюсь головой и сразу же прихожу в себя. Я выбежала по лесной просеке к телеге с дровами. Выстрелы разрывают тишину“.

Описанная история выглядит на удивление кинематографично, но в такой необычной судьбе могло быть подобное. „Бледный крестьянин на телеге опускает ружье и

ошеломленно смотрит на меня. Его выстрелы отпугнули медведя.

— Ты бежала впереди него как сумасшедшая, — бормочет он испуганно. — В твоем положении… Матерь Божья, спаси и сохрани!

Он крестит меня. Его короткая молитва, похоже, услышана: в целости и сохранности он доставляет меня на дачу.

Мишина мать тотчас едет со мной в Москву в клинику. Миша остается на даче; он обещает приехать, как только придет время родов“.

Вскоре начинаются схватки, Ольга вспоминала, что чувствовала себя на грани жизни и смерти. „Жизнь побеждает. Так в мир приходит моя дочь Ада. В мир, в котором бушует война и заявляет о себе русская революция“.

Брак Ольги и Михаила вскоре распался. Виталий Вульф пишет: „После четырехлетнего замужества она ушла от Михаила Чехова с неким Фридрихом Яроши, бывшим австро-венгерским военным, красивым, обаятельным авантюристом, обладавшим большой внутренней силой“.

Михаил Чехов описал решающий момент так: „Помню, как, уходя, уже одетая, она, видя, как тяжело я переживаю разлуку, приласкала меня и сказала: „Какой ты некрасивый, ну, прощай. Скоро забудешь“ — и, поцеловав меня дружески, ушла“.

Ольга о Яроше не пишет ничего, повествуя лишь, как забрала свою малышку и вернулась к матери. Ей довелось пережить в России страшные годы революционной разрухи и голода, но она выжила и все это время продолжала играть на сцене.

Но в ее судьбе назревали значительные изменения.

За рубеж с кольцом во рту

Согласно версии, которую в предисловии к мемуарам Ольги Чеховой излагает Виталий Вульф, она решилась переменить свою жизнь именно под влиянием Фридриха Яроша — в январе 1921 года актриса уехала с ним в Германию.

Сама же Чехова в воспоминаниях пишет, что получила в то время разрешение на полуторамесячную поездку в Германию от Луначарского, благодаря связям Ольги Леонардовны. Причем это было сложное и опасное путешествие регулярного железнодорожного сообщения все еще не было. Единственный шанс уехать, по словам Чеховой, заключался в том, чтобы пристроиться в эшелон с освобожденными пленными: "Один-два раза в неделю идут составы с военнопленными — немцами, австрийцами, венграми и другими — на Запад; от случая к случаю они берут с собой гражданских. Муж одной из моих школьных подруг — начальник такого немецко-австрийского состава с военнопленными. Я отдаюсь под его покровительство…"

Актриса потом вспоминала, что чувствовала себя готовой к сложному пути по опасной земле (в России еще не закончилась в полной мере Гражданская война) — ей шел двадцать четвертый год, юность она считала уже прошедшей, но все же энергии и легкости было пока предостаточно. Пережитое — неудачный брак, война, революция, голод — научили ее в любой ситуации определять и выделять то немногое, что было действительно важным.

Имущества в дороге у нее был самый минимум: "То, что я взяла с собой в поездку из носильных вещей, можно перечислить в одном предложении: старое перелицованное пальто мамы, тонкий платок, пара сапог на картонной подошве из коврового материала и кольцо. Кольцо не просто украшение — оно должно дать мне средства для моего пребывания в Германии, но это и опасно: украшение, как объект мены-продажи, представляет интерес повсюду. Поэтому во время поездки патрули Красной армии постоянно выискивают драгоценности. Кто будет схвачен с кольцом или колье, завершает свое путешествие на ближайшей станции. Я везу свое кольцо под языком и говорю при этом тихо, но без особого труда — благодаря занятиям сценической речью в школе-студии…"

Драгоценный перстень и его ловкая обаятельная хозяйка благополучно пересекли все границы и добрались до Берлина. Подруга Чеховой, встречавшая ее на вокзале, была, по словам артистки, потрясена тем, как та истощена и измучена. Первым

делом дамы отправились в ближайшее приличное кафе, где подруга принялась угощать Ольгу пирожными со взбитыми сливками. "Я в Германии, — думала тем временем Чехова, — в бедной, разрушенной войной и инфляцией и тем не менее богатой стране, если помнить о нищете в России".

Ее измученный организм не выдержал внезапных лакомств и следующие несколько дней актриса вынуждена отлеживаться в комнатке пансиона на Гроссбееренштрассе: "Как и большинство владелиц маленьких пансионов в так называемых приличных жилых кварталах, моя хозяйка потеряла своего мужа-офицера на войне. Она знавала лучшие дни и соответствующим образом держит себя. Хозяйка ведет себя несколько сухо, но в то же время старается привести мой желудок в порядок и отдает горничной точные распоряжения, полагая, что в этих случаях нужно пить много отвара ромашки".

Слегка придя в себя, Ольга вынуждена наконец-то искать способ реализовать привезенное с такими ухищрениями кольцо. Вместе с подругой, исполняющей обязанности переводчицы, она направилась к ювелиру. "Ювелир — маленькое, с блестящей лысиной проворное существо — прыгает вокруг, словно резиновый мячик, беспрестанно усаживает нас, извергает слова, как водопад, изучает кольцо. Нет, он священнодействует, исследует кольцо, как выжига, одобрительно поджимает губы и называет цену, от которой моя подруга бледнеет. Я вопросительно смотрю на нее. Цена намного ниже стоимости… Ювелир продолжает вертеться вокруг, беспрестанно треща, жалуется на ужасные времена, дико жестикулируя, твердит "жаль, жаль", готов накинуть еще сотню марок и причитает, будто дает такую цену себе в убыток".

Спектакль, разыгранный золотых дел мастером. Ольгу не обманул ни на секунду. Конечно, в ту эпоху инфляции золото и бриллианты еще оставались одним из немногих надежных вложений средств. "Но я не мшу ждать так долго. Мне необходимы деньги для повседневной жизни. Итак, я оплакиваю мое миленькое колечко невидимыми слезами и кладу его на столик ювелира. Потом иду с подругой покупать туфли, настоящие туфли. Я уже не снимаю их, а мои русские сапоги на картонной подошве прошу упаковать. Я выхожу из обувного магазина, словно княжна из бального зала…"

А.П. Попов в своей книге "Русский Берлин" подробно описывает, как в начале XX века в сей чудный германский город с разными целями устремились толпы (в смысле — много их было) отечественной интеллигенции и что "крупнейшим событием в театральной жизни предвоенного Берлина стали гастроли

Московского Художественного театра (МХТ) в начале 1906 г.". Художественные выставки здесь устраивал Сергей Дягилев. Так на русском вернисаже в 1898 году были представлены работы Л. Бакста, И. Левитана, В. Серова, М. Врубеля. А за год до начала Первой мировой войны в берлинской галерее журнала "Штурм" был устроен Первый немецкий осенний салон, на котором были представлены 336 работ из 15 стран. Среди выставленных русских мастеров были: Давид и Владимир Бурлюки, Василий Кандинский, Марк Шагал и Михаил Ларионов…

Болгария, Франция, Македония, Египет и Латинская Америка — после поражения Белого движения сотни тысяч бывших подданных Российской империи, оказавшиеся без Родины, отправились на поиски новой… В двадцатые годы прошлого века в Берлине жило свыше 300 тысяч русских, эмигрировавших из СССР. Так возник "русский Берлин" — город в городе, кварталы, рестораны и магазины, газеты и театры. За этим городом с интересом наблюдал Илья Эренбург, не только много писавший для местных (но при этом — русских) газет и журналов, но и опубликовавший в Берлине несколько своих книг (на русском и немецком языке), в том числе и прославленные "Похождения Хулио Хуронито и его учеников" и даже два сборника стихотворений.

По инициативе Н. Бердяева и других русских при поддержке германского правительства и Лиги Наций в Берлине был открыт Русский научный институт с отделениями духовной культуры, права и экономики для русских студентов. С 1923 по 1925 год Горький выпускал в Берлине "аполитичный" журнал "Беседа", в котором публиковались авторы самой разной идеологической ориентации. В это же время здесь жил певец Александр Вертинский, не только выступавший для местного населения, но и открывший на улице Уландштрассе бар-ресторан "Черная роза" под девизом "Танцы — пение — настроение"…

С.П. Дягилев. Художник В.А. Серов

Гитлер — "крикливый выскочка"?

В первое время Ольге Чеховой приходится подрабатывать изготовлением шахматных фигурок, но потом пришел кинематографический успех. Хотя, по собственному ее признанию, поначалу она вообще не знала, что такое кино. "Однажды подруга берет меня в гости к знакомым. Они в свою очередь приглашают меня на маленькую вечеринку, на которой должны присутствовать кинематографисты. О кинематографистах я не имею представления; в России я играла лишь в театре… Я встречаюсь с людьми из мира кино, в том числе с Эрихом Поммером, выдающимся кинопродюсером Германии… В России я не видела ни одного фильма. По рассказам знаю, что на родине для артистов это дополнительный приработок, на который образованные актеры обычно не идут. Короче говоря: я еще никогда не была в кино… Итак, чтобы приобрести опыт, я бегаю в Берлине из одного кинематографического храма в другой и смотрю все без разбору: детективы, драмы, образовательные, исторические, любовные, приключенческие фильмы и всякие поделки. От большинства картин я вовсе не в восторге. Что за утрированные, неестественные движения! Что за патетические, смешные жесты!.."

Но тем не менее она смогла быстро усвоить принципы нового визуального искусства, что помогло ей стать звездой еще немого кинематографа "золотых двадцатых" годов.

При этом у нее было не так уж много иллюзий, "золотые двадцатые" не казались ей райским временем, даже когда они миновали: "Я не понимаю, почему их так назвали. Как никогда раньше, да, впрочем, и потом в эти годы тесно переплелись блеск и нищета, подлинное и мнимое, безделье и напряженный труд, богатство и нужда, отчаяние и надежда, безумие и рассудок, духовное и бездушное. И есть почти все то, что появится позднее, после Второй мировой войны, лишь слегка подновленным: мини-юбки, ночные и стриптиз-клубы, наркотики, чарльстон, джаз… За исключением немногих действительно богатых, в "золотых двадцатых" не существует широкой зажиточной прослойки, напротив: миллионная армия безработных каждую неделю вырастает на десятки тысяч".

Но даже безработные готовы иной раз и на еде экономить, лишь бы погрузиться на час-другой в сладкое забытье темного кинозала и сияющего экрана. Поэтому развлекательные ленты идут в большинстве своем на ура. Политика пока еще не в моде, вернее, она считается занятием, подходящим лишь для

профессиональных политиков, которые не только учиняют полемику в газетах и поливают грязью конкурентов на выборах, но и "посылают на улицы наэлектризованные военизированные отряды, чтобы придать своим аргументам в прямом смысле слова большую убойную силу: политические противники стреляют, режут или избивают друг друга. Ежедневно раненые и убитые…"

Тень национал-социализма уже нависала над Германией. А его все еще никто из образованных людей и богемы не воспринимал всерьез. Среди тех, кто блистал в берлинском обществе, Чехова отмечала "Колина Росса, известного писателя-путешественника, издателя Эрнста Ровольта, первую автогонщицу Берлина фройляйн фон Сименс, ее знаменитого коллегу Ханса Штука; я болтаю с "теннисным бароном" фон Краммом, выдающимся дирижером Вильгельмом Фуртвенглером, Томасом Манном и многими, многими другими. Политически все мы более или менее умеренны, по крайней мере за таковых себя выдаем…" Новомодные течения в искусстве от кубизма до дадаизма казались намного важнее политических тенденций. Гитлер представлялся большинству "всего лишь крикливым выскочкой, — как писала Чехова в мемуарах. — И я не воспринимаю всерьез "крикливого выскочку". О том, что через несколько лет он станет рейхсканцлером, а я буду бывать на его приемах, догадаться трудно. Если бы мне кто-нибудь напророчил такое, я бы высмеяла его…"

Намного больше ее интересовал в то время рейхсминистр иностранных дел Густав Штреземан, "дипломат старой школы, тонкий ценитель искусств, социалист по духу и на деле, но любезный и в личном общении обворожительный человек". Он расспрашивал Ольгу Чехову о России, говоря, что "Германия — "страна Центральной Европы" и Россия — "страна, где встречаются Европа и Азия" — не имеют права враждебно противостоять друг другу". Рейхсминистр помог Чеховой получить германский паспорт.

Но уже наступало время "крикливого выскочки". Гитлер звал немцев вернуться в фатерланд, и так получилось, что русская актриса стала своеобразным символом этого возвращения…

Государственная актриса

Инициатором знакомства Ольги Чеховой и фюрера был, по большинству свидетельств, Мартин Борман. Рейхсляйтер пообещал Гитлеру представить ему русскую актрису, но тот поначалу более чем скептически отнесся к такой перспективе — по его разумению, славянка, тем паче русская, никак не могла оказаться объектом, достойным внимания. Но Борман осуществил свое намерение. Гитлер восхитился стройной красавицей с фиалковыми глазами и предъявил своему сподвижнику новую претензию: "Ты обманываешь меня, Мартин. Русские бабы, насколько мне известно, толстые и скуластые. А эта — настоящая арийка!"

Впоследствии Василий Скоробогатов, которому во время службы в Берлине довелось лично видеть прославленную артистку, приведет в своей книге о коменданте Берзарине такие слова Чеховой, адресованные уже после войны наркому госбезопасности Меркулову: "Не хвастаюсь. Но от моих взглядов Адольф превращался в того простоватого ефрейтора его родного 16-го запасного баварского полка, среды обитания его окопной юности. Тогда связист Адольф Шикльгрубер получил Железный крест первого класса. В тот день конца мая 1941 года на нашем свидании я томно сказала Адольфу, что страшно тоскую по российской родне. В припадке нежности ему захотелось утешить мое чувство ностальгии. Сбиваясь, заговорил: "Дорогая, это произойдет очень, очень скоро". Он схватил мои руки и прижал к своей груди. Продолжил: "Мы разрешим проблему жизненного пространства для Германии не позднее 1943–1945 годов. А выступим в поход в четыре часа утра 22 июня. В воскресенье…""

Но до этого произошло еще множество самых разных событий. Ведь не только Гитлер стал рейхсканцлером, но и доктор Йозеф Геббельс — рейхсминистром народного просвещения и пропаганды. "Изменившиеся нравы этого Третьего рейха дают о себе знать необычным приглашением: в один прекрасный день мама сообщает мне на студию по телефону, что меня ждут во второй половине дня на приеме у господина министра пропаганды. Будет фюрер, он же рейхсканцлер. Мама, дама старинного воспитания до мозга костей, крайне возмущена: что за манера с утра по телефону приказывать даме прибыть по приглашению во второй половине дня?.."

Сама же Ольга, у которой приоритеты были выстроены уже чуть иначе, озадачилась не нарушением традиционного этикета, а проблемой, как совместить это повелительное приглашение, в

котором явно было заметно пренебрежение к "установленному и дорогостоящему съемочному времени", с жестким графиком съемок и условиями контракта. "Обычно съемки идут с семи утра до семи вечера. У кого одновременно и спектакли в театре, должны прямо из павильона ехать в свою гримерную и освобождаются не раньше 23 часов".

Конечно, первой мыслью было — как уклониться от навязанного светско-официального мероприятия. Ольга рассказала о ситуации режиссеру, очень надеясь, что тот воскликнет что-то вроде: "Фрау Чехова, нам дорога каждая минута на площадке! Вы никуда не можете сегодня отлучиться!" Однако все оказалось совсем не так: "Продюсер, несомненно, предчувствует развитие событий гораздо лучше, нежели я… режиссер и руководство разрешают, распорядившись отснять меня раньше". Чутье не подвело продюсера — пройдут считанные месяцы, и всякое пожелание ведомства, возглавляемого Геббельсом, будет восприниматься творческими деятелями как приказ, обязательный к немедленному исполнению.

А пока, вспоминала Чехова, "доктора Геббельса мне описывают как человека, который "завоевал" Берлин для национал-социалистов, человека, без сомнения, с острым умом и способного пропагандиста, блестящего оратора. Итак, теперь он рейхсминистр народного просвещения и пропаганды, а его "вождь" Адольф Гитлер сделался рейхсканцлером — ненадолго, как уверяют. В этой раздробленной республике без республиканцев национально-консервативным кругам Гитлер нужен как "барабанщик", щит от возрастающей коммунистической угрозы. После того как он "отбарабанит" необходимое время, его снова уберут, так это представляет себе кое-кто…".

Съемки в тот знаменательный день завершились только к пяти часам пополудни. А вечером Ольге предстояло играть в театре, так что она неторопливо вышла со съемочной площадки, будучи уверена, что все же сумеет проигнорировать правительственный прием — поскольку теперь нужно хотя бы немного отдохнуть, разгримироваться, переодеться… "Дальше зайти в своих размышлениях я не успеваю: как только собираюсь покинуть студию, навстречу спешит надутый чиновник министерства пропаганды и везет меня как есть — непереодетой, в полуспортивном костюме — на Вильгельмштрассе". Видимо, тогда пресловутый полуспортивный костюм все же еще не был идентичен современному варианту "штаны + свитшот", хотя бы жакет имелся — раз актриса, чтобы "предстать на правительственном чаепитии не совсем уж "голой"", попросила остановить машину и купила розу в петлицу.

В здании министерства актрису встречает фрау Геббельс.

— Так поздно, фрау Чехова? — с упреком произносит она.

— Я приехала прямо с работы, фрау Геббельс, кроме того, меня известили по телефону только сегодня утром…

Магда Геббельс делает вид, что не расслышала.

И вот наконец происходит знаменательная встреча. "Перед помещением, в котором сервирован чай, стоит Гитлер в цивильном. Он тотчас же заговаривает о моем фильме "Пылающая граница", премьера которого состоялась только что. Я играю польскую революционерку. Гитлер осыпает меня комплиментами. Мое первое впечатление о нем: робкий, неловкий, хотя держит себя с дамами с австрийской любезностью; ничего "демонического", завораживающего или динамичного. Это впечатление разделяют многие, кто сталкивался с Гитлером в узком кругу. Поразительно, почти непостижимо его превращение из разглагольствующего зануды в фанатичного подстрекателя, когда он оказывается перед массами. Тут он воспламеняет тысячи, а позднее и миллионы".

За чайным столом Ольга видит именитых знакомых из мира искусства — Вернера Краусса, Ойгена Клёпфера, Генриха Георге, Кэте Дорш, Георга Александера, Вилли Фрича. Гитлер, по ее наблюдениям, "тщетно старается быть обаятельным" — он многословно рассказывает о своих былых художественных амбициях, показывает акварельные рисунки и графические наброски. Чехова потом признавалась, что ни одна работа фюрера-художника ей не запомнилась совершенно.

А вот Геббельс, при всей своей невзрачной внешности, показался ей и впрямь весьма обаятельным, причем без напряжения: "…покрытый ровным кварцевым загаром, он рассыпает шутки направо и налево, непринужденно острит… явно наслаждается министерским постом и возможностью собрать вокруг себя деятелей культуры".

Ничего удивительного — ведь сам Геббельс имел гуманитарное образование и действительно защитил диссертацию по теме "Вильгельм фон Шютц как драматург. К вопросу об истории драмы романтической школы". Однако признания и качестве драматурга, писателя или хотя бы критика он так и не смог добиться, хотя очень старался. И надо думать, ему доставляло немалое удовольствие демонстрировать свои властные полномочия тем, в чей круг он так и не сумел войти на равных.

Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер показался Чеховой похожим "на землемера на пенсии, со своим круглым мещанским личиком, он в основном молча топчется и явно чувствует себя не в своей

тарелке. На одном из более поздних приемов мне удается шокировать его: я являюсь в глубоком декольте. Он каменеет от изумления. "Когда женщина сильно обнажается, это приводит его в исступление", — рассказывают мне те, кто его близко знает". Так что кого-кого, а Гиммлера ничуть не озадачил "полуспортивный" с розой в петлице костюм Ольги на том министерском приеме.

Вскоре она покинула министерство, сославшись на необходимость скоро выходить на сцену в театре. "Следующее приглашение не только необычно, оно трагикомично и имеет какой-то призрачный оттенок. Мы — видные коллеги-актеры и я в том числе — после спектакля сидим за длинным столом в задней комнате партийного ресторанчика. Ничтожества, вознесенные партией в кресла функционеров, председательствуют в униформе С А и СС. Они устроились вольготно. Перед ними лежат снятые портупеи и кобуры с пистолетами. Битый час функционеры разглагольствуют о наших "обязанностях художников" в Третьем рейхе и разражаются непотребными нападками на иностранных и еврейских коллег".

Кончилось дело скандалом — знаменитый Фриц Одемар потребовал, чтобы партайгеноссен прекратили говорить гадости о прославленных звездах, независимо от их национальности, и предложил соратникам по искусству покинуть заведение. Все так и поступили, как выяснилось, — себе на горе. "Месть этих маленьких шавок от искусства я ощущаю на себе очень скоро; как выясняется, власть их простирается далеко: на роли, которые предназначались мне, берут других актрис — разумеется, всегда с "глубоким сожалением", с беспомощным пожиманием плеч".

Впрочем, от Геббельса и его ближайших помощников тогда пострадала не только Ольга Чехова. Лени Рифеншталь вспоминала: "Со стороны Геббельса последовали и другие каверзы… Геббельс передал мне через своего секретаря Ханке требование: фильм об Олимпиаде должен состоять только из одной серии, и чернокожих спортсменов не следует показывать слишком часто. И вновь я не обратила внимания на это распоряжение. Всего несколько дней спустя Минпроп сообщил мне, что по указанию министра я должна немедленно уволить пресс-секретаря Эрнста Егера — в связи с его браком с "женщиной-неарийкой". Я в очередной раз отважилась проигнорировать указание. Мне было ясно, что долго с моим сопротивлением мириться не будут. Так оно и случилось. Геббельс решил окончательно добить меня и забрать мой фильм об Олимпиаде под опеку своего министерства… Для спасения картины мне виделся лишь один шанс — разговор с Гитлером".

Рифеншталь удалось попасть на прием к фюреру. "Гитлер, как всегда, приветливо встретил меня и справился о моей работе. Нервы у меня были настолько напряжены, что я не выдержала и расплакалась. Захлебываясь слезами, я сказала, что не могу здесь больше работать и что в создавшейся ситуации должна буду покинуть Германию.

— В чем причина? — удивился Гитлер.

В отчаянии я воскликнула:

— Меня ненавидит доктор Геббельс!

Тут Гитлер рассердился:

— Что за чепуха! Отчего это доктор Геббельс должен вас ненавидеть?

Меня удивило то, с какой настойчивостью Гитлер защищал своего соратника, а мне совсем не хотел верить…" Подействовал только рассказ Лени об аресте ее операторов, отказавшихся бросить работу с ней ради фильма, который снимал Ханс Вайдеманн, возглавлявший в ведомстве Геббельса отдел изобразительного искусства.

Ольге Чеховой не давали работать в течение целого года. У нее не было сбережений, на которые можно было бы столько времени жить с семьей, которая целиком зависела только от нее. Пришлось продать автомобиль, уволить шофера и научиться ездить на велосипеде. Часть вещей Ольга тоже постепенно продавала, и вот, когда она рассматривала свой любимый ковер и думала, что теперь придется продать и его, раздался телефонный звонок.

Звонил не кто-нибудь, а сам уже тогда прославленный Альфред Хичкок из Лондона. Он предложил Ольге главную роль в детективном триллере "Мэри" и приличный гонорар. "Хичкок оказывается необыкновенно умным, любезным человеком с обезоруживающим, совершенно особым чувством юмора; и похож он на кого угодно, только не на англичанина, скорее русского — своей дородностью и хлебосольством". А потом в Лондоне Чеховой удается заключить контракт на съемки в Париже — фильм "Деньги" по роману Золя.

Работа есть, деньги есть, кажется, благополучие вернулось. "Но и в Париже политика настигает меня, точнее, мой автомобиль. Возвращаюсь из студии на Елисейских Полях в свой отель и вижу — он полностью искорежен, на груде обломков грубо нацарапано: "Боши — свиньи". Причина подобного вандализма в том, что немецкие войска без объявления вошли в Рейнскую область, занимаемую Францией со времен Первой мировой войны".

И вот Ольга Чехова снова едет в Германию. Там отношение к

ней уже изменилось в лучшую сторону: "Возможно, свою роль сыграл положительный резонанс в международной прессе, меня снова стали воспринимать как немецкую актрису, которая содействует восстановлению мирового культурного значения Германии. В любом случае я опять занята. Более того, становлюсь "государственной актрисой": в одно из воскресений нам в дверь звонят двое господ, чинно просят прощения за вторжение, представляются чиновниками министерства пропаганды, торжественно выстраиваются передо мной и зачитывают указ: за "вклад в киноискусство и театр" меня производят в государственные актрисы".

Сие громкое звание не сулит никаких выгод — ни дотаций сейчас, ни пенсии по старости. Зато причиняет новое ненужное беспокойство: "Я езжу на иностранном автомобиле, подержанном "паккарде". Но мне дают понять, что немецкая государственная актриса не должна ездить на "иностранном". "Это нежелательно", — передает мне министр Геббельс через доверейных лиц. Пришло время, когда в Германии все должно быть немецким. Через тех же доверенных лиц я отвечаю министру, что на "мерседес", к примеру, денег у меня нет, но я согласна садить на любой другой представительной немецкой машине, если правительство мне ее подарит". Геббельс улавливает иронию и велит передать фрау Чеховой, что государственные автомобили не предусмотрены для государственных актеров. Но больше вопрос о ее машине не поднимается.

Замуж за бельгийца

Неужели у Ольги Чеховой в это время не было никакой личной жизни? Вокруг красавицы кинозвезды должны были увиваться стаи поклонников. Так оно и было, но… "Должны были быть причины, что друзья в меня влюблялись, поклонялись мне, восхищались мной, но ни один из них не предлагал руку и сердце. Дело было во мне самой, в том, что я все еще испытывала безотчетный страх перед замужеством, в том, что семейная жизнь мне никогда не казалась такой же важной, как очередная роль, полученная мной… Брак в моем представлении — это нечто обременительное, опутывающее по рукам и ногам".

Причиной такого отношения был не только печальный опыт брака с Михаилом Чеховым, но и желание в полной мере реализовать себя в профессиональной сфере. Повседневные заботы, бытовая рутина тоже ничуть не привлекали Ольгу. Она уезжала из дома рано утром на съемки, возвращалась поздно вечером уже из театра. "По счастью, и мать и сестра, которая теперь тоже живет со мной, избавляют меня от быта. Мой вклад в домашнее хозяйство ограничивается постоянно повторяющимся вопросом: "Деньги тебе нужны?" Возможно, друзья чувствовали, что я слишком самостоятельна для длительного союза с мужчиной и уз брака".

Особенно учитывая тот факт, что, несмотря на завоеванное женщинами право работать, брак все еще воспринимался подавляющим большинством общества сквозь призму самых что ни на есть традиционных ценностей. Ольгу Чехову роль просто чьей-то фрау взамен разноцветья ее театральных и киноролей явно не устраивала. "Вероятно, это ощущали мои настоящие друзья, а о других я и вовсе не хочу говорить, о тех коллегах, которые заводили любовные интрижки поочередно (а то и параллельно) почти с каждой смазливой актрисой, или о тех "творческих личностях", которые каждую сексапильную даму представляли исключительно в горизонтальном положении".

Кому-то и такой расклад позволял в полной мере демонстрировать храбрую самостоятельность. Или, по крайней мере, удачно играть ее. Чехова в качестве примера описывает Адель Зандрок, которая к моменту событий утвердилась на амплуа "комической старухи" в немецком кино, а когда-то была звездой "Бургтеатра", блиставшей в "Даме с камелиями" и покорявшей всю Европу не только талантом, но и красотой. Но время безжалостно. "И тут кто-то открывает ее удивительно смешное дарование… Внутренне она отторгает это амплуа, живет

воспоминаниями о своем великом прошлом, игнорирует то, что происходит вокруг нее, или все зло вышучивает. Меня — всегда величественно — Адель одаряет милостью своей дружбы. Она зовет меня "Мышка"…"

Чехова вспоминала ее многочисленные соленые шутки и экстравагантные выходки, а также неожиданные откровения: "Если бы ты знала, кто в те времена всё бросал к моим ногам, когда я гастролировала с "Дамой с камелиями", — великие князья, а однажды уж одним-то из них я полакомилась. Я бы и царя не пощадила, думаю, да жаль… жаль, он уже был болен. А вообще — мужчины! Все они трусы, моя дорогая Мышка, все… ну, скажем так: почти все. Я понимаю, почему ты не выходишь снова замуж".

А. Гитлер

Однажды Адель Зандрок попросила Чехову отвезти ее на прием в министерство пропаганды, поскольку своей машины у нее нет, а ехать как обычно на такси вместе с сестрой легендарная звезда не может — сестру не пригласили. В одиночку Зандрок нигде появляться не желает.

"Итак, мы вместе приезжаем в министерство; Адель, как всегда, закутана в широкие, ниспадающие волнами одеяния, на руке висит огромная вышитая сумка… В этот момент входит Гитлер и начинает, как обычно, сразу же с монолога. Он знает

"Бургтеатр" с юношеских лет, с восхищением вспоминает великие спектакли и тут же сожалеет, что в те времена также "добились чести и славы и еврейские актеры". Гитлер намеревается и далее развивать эту тему как вдруг происходит нечто, чего до сего момента уж точно не случалось: его перебивают!

Адель безмятежно и отчетливо произносит:

— Господин рейхсканцлер, оставим эту тему. Я не желала бы об этом ничего слышать. Но если это вас интересует — и между нами: моими лучшими любовниками всегда были евреи.

Гитлер столбенеет.

Адель поднимается, с достоинством кланяется и спокойно бросает:

— Au revoir, господа. — Поворачивается ко мне и приказывает: — Отвези меня, пожалуйста, домой, Мышка".

Возможно, и впрямь в окружающих ее мужчинах Чеховой не хватало силы и цельности. Или просто никто всерьез не нравился, несмотря на слухи о ее многочисленных романах?

Но вот однажды во время съемок в Вене ее внимание привлек какой-то посторонний господин, внимательно наблюдавший за кинематографической суетой. Поначалу он своим присутствием отвлекал, раздражал и сердил актрису, хотя она отметила, что он вполне достойно выглядит. А потом он… пригласил ее поужинать в знаменитое кафе "Захер". В первый момент Чехова была намерена отказаться, но почему-то слово "нет" так и осталось непроизнесенным. "За ужином Марсель Робинс доказывает, что он незаурядная личность. Беседа его увлекательна, шарм необыкновенный. Я узнаю, что он бельгийский промышленник, и ловлю себя на удивительной мысли. До сих пор, размышляю я, ты существовала для других — для мамы, детей, брата и сестры, друзей, знакомых… Не жертва, конечно же нет. Но если бы вдруг появился некто, кто живет и груди гея только для тебя, кто о тебе заботится и защищает, если бы так было…"

— Могу ли я засвидетельствовать нам свое почтение в Берлине, мадам?., учтиво интересуется Робинс.

Она соглашается. И приехав в Берлин, Робинс делает ей предложение. Ольга отвечает "нет". "Я действительно отказываюсь: моя профессия и моя вошедшая в плоть и кровь самостоятельность…"

Но тут вмешивается мама, та самая ревнительница традиций и правил приличия. "Мама советует мне сказать "да", завести свой дом. Не буду же я вечно актрисой, говорит она и добавляет: "Может, не так уж и плохо иметь возможность при необходимости уехать из Германии, если дела пойдут так и дальше…" Я размышляю над фразой"…не вечно же быть актрисой"… Это

точно".

Но запасной аэродром Ольга уже готовит для себя самостоятельно, намереваясь после окончания кинокарьеры стать косметологом, она собирается в скором будущем получить в Париже соответствующий диплом.

"Со времен Голливуда, с тех пор, как я там увидела, что для каждого утром все может быть кончено, я поняла, что стану косметологом. Я уже готовлюсь к получению моего первого диплома в Париже". Но в голосе мамы ей слышится и другая тревога: надо иметь возможность покинуть Германию, если… Если что? Пока актриса не видит повода для беспокойства, но… "Здешняя политическая сумятица все же должна улечься, все снова должно прийти в норму. Не могут же люди идти против всего света… и кроме того: здесь мы все вместе — мама, дети, моя сестра и я. Мы живем своей жизнью. Я снимаюсь из фильма в фильм, играю в театре, мне никто ничего не диктует. Я могу сниматься и играть то и так, как хочу… Впрочем, время от времени уже приходится… как-то подлаживаться. Точно. Скажем, на этих смертельно скучных официальных приемах с их удивительно напряженной атмосферой и недоверием, которое испытывают друг к другу почти все. Все чаще хочется отказаться. Чаще — да, но всегда ли?.. Какая женщина не любит поклонения?.."

Марсель Робинс настойчив, он делает второе предложение.

— С женщиной, которую я люблю, я не вступаю в связь, — говорит он и продолжает упорную осаду сердца кинозвезды.

Ольга Чехова соглашается. Они договариваются, что актриса будет приезжать к супругу в промежутках между съемками, и заключают брак в Берлине в 1936 году. Свидетелями на регистрации становятся дочь Ольги — Ада и ее муж, их брак, к слову, свершился так же рано и скоропалительно, как когда-то поженились Ольга и Михаил Чехов. "После регистрации брака мы выпиваем по бокалу шампанского в отеле "Бристоль" на Унтер-ден-Линден. На вечер в мою квартиру на Кайзердамм приглашены около сорока друзей. Само собой разумеется, пришло, как это у нас водится, гораздо больше. Пришли и русские — для подобного торжества факт немаловажный…"

И тут сразу оказалось, что интуиция недаром предостерегала Ольгу от брака вообще и брака с Марселем в частности. "С самого начала атмосфера устанавливается непринужденная и очень скоро даже шаловливая. И почти каждый заклинает Марселя оставить меня такой, какая я есть, и не превращать в настоящую домохозяйку. Марсель явно чувствует себя чужим среди этого раскованного творческого люда. Моя профессиональная

одержимость, о которой так много и при каждом удобном случае говорится в шутливых речах, не очень-то поднимает его настроение. Он держится вежливо, но официально. Вероятно, он прикидывает, а что будет, если он потребует от меня чуть большего внимания к себе".

Пока чопорный бельгиец осознает, в какую авантюру он, кажется, ввязался, русские гости решают еще больше повысить градус веселья: "…они не могут удержаться, чтобы не продемонстрировать русские свадебные обряды, и именно на "живом объекте", на Марселе. Они кладут его на растянутую простыню и трижды подбрасывают в воздух после каждой круговой чарки… Марсель растерян. Он пытается выбраться из простыни, и так неудачно, что падает на пол и несколько секунд лежит без сознания".

Ольга спешно везет новоиспеченного супруга в ближайшую клинику. Врач успокаивает ее — признаков сотрясения мозга и серьезных повреждений внутренних органов нет, видимо, это просто результат шока вследствие сильного нервного и душевного напряжения. Очнувшийся Марсель просит жену вернуться к гостям. "Если мы дадим ему немного времени, он тоже освоится с нашими суровыми "немецко-русскими нравами".

— Ну, иди же к своим сиротам, — улыбается он.

Я вздыхаю. В конце концов, и врачи иногда ошибаются. Марсель кажется таким непринужденным…"

Разумеется, веселье продолжилось, но утром, когда Ольга с друзьями вновь приезжает в клинику, Марсель выглядит так, что она попросту пугается. "Друзья тотчас всё понимают и оставляют меня с ним наедине. В отличие от вчерашнего Марсель напряжен, нервозен, погружен в себя. Врач не ошибся. Я еще раз прошу Марселя сказать мне, что его угнетает. Он говорит с трудом, отрывисто. За несколько недель до нашей свадьбы Марсель понес серьезные финансовые убытки. Нервы его были нас только расшатаны, что он был вынужден отправиться в санаторий. Ко дню свадьбы Марсель еще не совсем выздоровел".

— Почему ты ничего не рассказал мне?! — восклицает Ольга.

— Я люблю тебя!.. Начинать наш брак с рассказа о санатории?..

Ольга растерянно умолкает. Марсель невесело усмехается:

— А вот к немецко-русскому празднику я все же оказался не готов… Я должен сам разобраться с собой.

С этими словами он покидает Берлин и жену, отправляясь в родной Брюссель. Ольга приступает к съемкам в фильме с многозначительным названием "Любовь выбирает странные пути". В ближайшем будущем у нее новый спектакль, Ольга будет

"играть в "Чернобурой лисице", венгерском водевиле".

Пока съемки закончены, а репетиции еще не начались, она садится в машину и едет к мужу в Брюссель. "Марселя по сравнению с днем нашей свадьбы в Берлине словно подменили. Он, как и в Вене во время нашего ужина в "Захер", очарователен, гостеприимен, умен. Мы переживаем чудесные дни. Только через неделю я решаюсь сказать ему, что уже подписала новый театральный контракт. Он оказывается на удивление чутким, просит рассказать меня о роли, заранее радуется тому, что будет приезжать на выходные ко мне в Берлин, и с гордостью представляет своим друзьям: "Это моя жена — мадам Чехова"".

И кажется, все прекрасно. "Чернобурая лисица" идет с огромным успехом, контракт продлен. "Марсель часто бывает в Берлине. Он неизменен: любит свою "фанатичную жену", читает всю критическую прессу и не упускает возможности очаровывать меня в наши краткие совместные часы… В Брюссель я возвращаюсь только после того, как спектакль "Чернобурая лисица" сходит с репертуара".

К этому времени установлены строгие ограничения в обмене валюты. "Мне, например, разрешается брать за границу лишь десять марок. В день моего приезда Марсель дает званый ужин. Перед этим мне хочется сходить к парикмахеру. Моих десяти марок для этого недостаточно, и я прошу Марселя дать мне денег или еще лучше чек, чтобы я, как мы договаривались, во время моего пребывания могла пользоваться его счетом.

Он бросает на меня странно напряженный взгляд:

— Зачем тебе деньги?

Вопрос выводит меня из себя — сама его постановка: разве я должна давать объяснения? Давать отчет? Он что, не доверяет мне? Как это возможно?..

— Прежде всего на парикмахерскую, — озадаченно говорю я.

— Разве ты не обменяла свои десять марок?

— Но их же не хватит.

— Для дешевой парикмахерской вполне достаточно…"

Опешившая актриса не находит, что сказать, а тут еще вбегает дочь Марселя от первого брака, и папаша приказывает прислуге купить девочке "самую красивую куклу в Брюсселе", цена не имеет значения…

Ольга изо всех сил старается сохранить лицо, принимает вечером гостей, лишний раз убеждаясь, что Марсель не стеснен в средствах — стол накрыт роскошный. А когда большинство гостей расходится, Марсель зовет Ольгу и близких друзей в бар. "Вскоре я понимаю, что мы не просто в баре, а в "заведении". Мой муж и его друзья флиртуют со смазливыми девицами, словно

меня нет. Марсель обещает Лу, особенно породистой красавице, навестить ее на следующей неделе". И тут Чехова не выдерживает — она настаивает, чтобы муж отвез ее домой, а там требует ответа на вопрос, почему он так унизительно с ней обращается.

— Я ожидаю от моей жены, — слышит она в ответ, — что она будет всегда рядом. Мне нужна она. Мне нужна и физическая близость, постоянно, каждый день и каждую ночь. Если моя собственная жена избегает меня, я иду к другим женщинам… я вынужден это делать, понимаешь ли ты меня, я вынужден…

— Когда же я избегала тебя?..

— Тебя не бывает неделями, часто месяцами.

— Ты же знал, что я не откажусь от своей работы. Ты был с этим согласен.

— Я надеялся, что однажды ты меня полюбишь больше, чем свою работу. И я был твердо уверен, что ты покинешь эту ужасную страну…

— Я не брошу свою профессию, — отрезала Ольга.

— Если это делает тебя счастливой…

Вскоре после возвращения фрау Чеховой наносят визит гестаповцы в штатском. "Они знают, что по особому разрешению мне дозволяется постоянно выезжать к моему мужу в Бельгию ("выезд за границу отныне требует специального разрешения…"), им также известно, что мне дозволено сохранить немецкий паспорт, хотя после замужества я стала бельгийкой, — все это им известно, разумеется, "хотя… — один из них иронично улыбается, — с таким интернационализмом мы сталкиваемся редко: муж-бельгиец живет в Брюсселе, жена-бельгийка и одновременно немка проживает в Берлине да еще и родилась в царской России, да к тому же мать, дочь и племянница — переселенцы из большевистской России, ну да, да…""

Актриса крайне встревожена, она восклицает: "Это допрос?" Но визитеры пока учтивы и угрожать не настроены. "Что вы, милостивая госпожа, ничуть. Всего лишь парочка уточнений. Ничего особенного… просто отношение вашего мужа к новой Германии, его и его друзей… нейтральное, тенденциозное, критическое?.. Не пытался ли он оказать на вас политическое давление?.. Нет, ну хорошо… тогда все в порядке… мы хотели всего лишь удостовериться… собственно, мы были уверены… но по долгу службы обязаны проверять все подозрения — даже когда узнаём анонимно… в большинстве случаев это завистники или пустомели — вот как и в данном случае…

Господа делают вид, будто кланяются, и уходят.

Я изображаю улыбку и провожаю их. Когда дверь за ними захлопывается, перевожу дух".

Брак Марселя и Ольги вскоре распадется. Причиной будет, конечно же, то, что фрау Чехова так и не соглашается смириться с единственной ролью просто жены. А поводом станет надвигающаяся война. "Кое-что все же вселяет надежду: пакт о ненападении с Россией, подчеркнутые заверения власть предержащих в своем миролюбии. Марсель развенчивает иллюзии: "Будет война…"… Марсель спрашивает меня, решилась ли я наконец ехать к нему в Бельгию. Я колеблюсь. Я пытаюсь представить себе все это: ведь я не одна, тут моя мама-сердечница, тут моя дочь и племянница… Забирать и их с собой?.. Мама никуда не поедет, она уже заявила мне об этом. Марсель достаточно ясно дает понять — он имеет в виду только меня, а не мою семью…"

Такого Ольга представить себе оказалась не способна — бросить близких в Германии, уехать… А будет ли она там востребована профессионально?

"Тебе больше не потребуется твоя профессия, ты будешь моей женой", — жестко резюмирует он.

При этих словах Ольга вспоминает унижение из-за денег на парикмахера и то, как муж привез ее в бордель. Она и раньше не хотела ни от кого зависеть, а с такими воспоминаниями… "Итак, ты остаешься? — Да. — Я понимаю тебя, но и себя переделать не могу. — Как и я…"

Получить развод оказывается не так просто, как хотелось бы. Аргументы вроде "не сошлись характерами" или невозможности поддерживать упорядоченные супружеские отношения не принимаются. Приходится, как вспоминала Чехова, идти на риск: "Мой адвокат получает от судьи дельную подсказку: "неподчинение властям" остается одной из немногих причин развода, признаваемой в чадолюбивом Третьем рейхе… Чтобы избежать возможного ареста, Марсель возвращается в Брюссель. Мой адвокат обвиняет его в клевете на фюрера и рейхсканцлера и других министров. Наш брак расторгается в несколько минут…"

Дружба с Герингом

Но насчет близости войны Марсель не ошибся. И назвав Германию "этой ужасной страной", он тоже не слишком погорячился. "Марши "коричневых колонн" и море знамен со свастикой все больше отличают город и его жизнь. Насильственное приобщение, подгонка всех под национал-социалистическую идеологию никого не минует, в том числе кино и театр. Несмотря на ото, Берлин пока еще остается Меккой творческих людей и мастеров своего дела; и, к раздражению министра народного просвещения и пропаганды, как раз среди актеров больше всего упрямцев…"

Среди самых заметных "упрямцев" Ольга упоминает Густава Грюндгенса, с которым незадолго до прихода Гитлера к власти играла в фильме знаменитого режиссера Макса Офюльса "Любовные игры" по Шницлеру. Он никогда не был ей ни другом, ни даже просто приятелем. "Но теперь, в Третьем рейхе, он вызывает мое, и не только мое, а всеобщее безоговорочное уважение: как главный художественный руководитель, он ограждает Прусский государственный театр от Геббельса и всех национал-социалистских попыток его политизации… Чтобы иметь возможность реализовать свой взыскательный и свободный от господствующей идеологии репертуар и поддержать политически уязвимых коллег, он идет на союз с рейхсмаршалом и министром-президентом Пруссии Германом Герингом".

Провернуть подобную комбинацию Грюндгенсу позволяет то обстоятельство, что Геринг женат на Эмми Зоннеманн, бывшей актрисе. Через нее Грюндгенс дает понять министру-президенту, что тот смог бы стать патроном Прусского государственного театра, лишь бы театр остался оазисом культуры, свободной от пропаганды и господствующей идеологии. Идея приходится тому очень даже по душе. "В качестве покровителя Геринг с наслаждением использует любую возможность показать Геббельсу, которого он терпеть не может, что государственные театры его не касаются. Геббельс кипит. Относительно "неарийских" актеров и их жен Геринг заявляет: "Я сам определяю, кто еврей"… Грюндгенс лучше других знает подлинный лик Геринга. Он знает, что за внешностью добродушного толстяка, делающей его таким популярным, скрывается жестокий циник, человек, который за несколько лет до еврейских погромов устранял политических противников сотнями. И несмотря на это, Грюндгенс идет на союз с Герингом, чтобы спасти театр и его труппу…"

Ольга Чехова тоже регулярно общалась с могущественным рейхсмаршалом, чья жена была ее подругой. По ее словам, Геринг, "верный рыцарь фюрера", "имперский егермейстер", фанатик униформы, знает толк в представительстве, или, точнее говоря, он умеет принять людей, придать государственным приемам внешний эстетический лоск. "Точно не помню, в котором это было году, когда приезжал из Югославии король с женой. Кажется, в 1938-м, были большие чествования четыре дня подряд. Весь Берлин был украшен и освещен как никогда. Первый день их принимал Гитлер у себя, потом спектакль (опера Вагнера), второй день на даче у Геббельса в Ланке (по дороге в Шорфхейде — 60 км от Берлина по шоссе на Пренцлау), на третьем приеме я была — это было вечером в 11 часов, и хоть я отказывалась (для меня это было всегда утомительно), пришлось поехать — королевская чета видела меня в фильмах, а королева, как русская, хотела со мной познакомиться. Прием в Шарлоттенбургском дворце был дан Герингом — значит, все было очень богато. В прусском старинном дворце комнаты были освещены свечами в старых люстрах, все присутствующие были в костюмах времен Фридриха Великого. Геринг с женой встречали гостей. После ужина я сидела с королевской парой в саду, говорили о моих фильмах, о моих гастролях, о Художественном театре…"

Э. Удет

На том приеме ей выпало сидеть рядом со знаменитым летчиком Эрнстом Удетом, прославившимся еще в Первую мировую. "Мне бросается в глаза, что бокал Удета все время пуст. Кельнеры обносят его.

Я спрашиваю о причине. Он отвечает мне тихо, что "Герман (Геринг) строго запретил ему пить. В этот момент Герман не смотрит в нашу сторону. Тогда Удет молниеносно меняет свой пустой бокал с моим, быстро приветствует меня, приподняв его, и осушает одним махом.

Уловка в течение вечера удается еще несколько раз. Теперь Удет в прекрасном настроении; он веселится, как большой ребенок, ибо снова оставил Геринга в дураках.

— Я их выношу только со спиртным, — шепчет он мне, — со спиртным их еще всех можно вытерпеть, только со спиртным…"

Спасение банкира Штерна

Ольга Чехова — как и многие немцы — убедила себя, что она долгое время пребывала в неведении, что в Германии существуют концентрационные лагеря, что не имела представления о терроре СС. Слухи доходили, однако верить не хотелось. Но в Бельгии эмигранты рассказали ей такое множество ужасов, что сомнения исчезли.

Как можно пребывать в неведении, общаясь с фюрером и слушая его разглагольствования о расовой правильности, человеку со стороны понять трудно. Но таковы защитные механизмы человеческой психики…

Осознав, что это вовсе не слухи, Ольга начинает всерьез тревожиться о тех знакомых, чье происхождение не дотягивает до заявленного в Третьем рейхе уровня расовой чистоты. "Я вспоминаю банкира Штерна, который однажды спас меня из, казалось бы, безвыходного положения, и еду к нему в Лейпциг. Он действительно в ближайшее время ожидает самого худшего. Тогда я безотлагательно спешу к Герингу.

— И что вам дался этот Штерн? — спрашивает он меня скептически…"

Причина, побудившая Ольгу вступиться за банкира, была очень даже впечатляющей. За некоторое время до того она согласилась с предложением неких предпринимателей вместе с ними основать собственную кинофирму — "Ольга Чехова Фильм-Лтд. Лондон — Париж". В порядочности партнеров актриса не сомневалась. "Передав генеральную доверенность на ведение дел упомянутым коммерсантам, я сама отказалась от участия в управлении… Поначалу мне все очень нравится. Я горжусь моим — моим собственным! производством. Мы снимаем ленту "Диана", которая сразу же вызывает оживленные споры, потому что она — несколько преждевременно для того времени затрагивает проблему лесбийской любви. Сборы вроде бы неплохие, и если мне нужны деньги — я никогда не беру много, — я снимаю необходимую сумму со счета фирмы. И вот однажды — наверное, в те годы это была единственная моя прихоть — оплачивается новый автомобиль. Я покупаю его и выписываю автомобильной фирме чек. И тут происходит нечто, что огорошивает меня: директор банка просит навестить его. Выясняется, что на моем счету осталось 30 марок и мое поведение при соответствующей интерпретации точно подпадает под состав преступления одного уголовно наказуемого деяния. Более того, банковский дом "Штерн" в Лейпциге предъявляет мне

к оплате непокрытые векселя на сумму в четверть миллиона рейхсмарок".

Партнеры скрылись. Кредиторы были в панике, а сама Ольга — в полном отчаянии. "И тут происходит чудо: мне наносит визит один пожилой господин, крупный и седой, джентльмен, словно из детских книг, — господин Штерн, шеф банкирского дома "Штерн" в Лейпциге. Без особых предисловий он объ-ясняет, что не в последнюю очередь ввиду приближающегося еврейского праздника Йом Кипур он более не желает быть моим кредитором и считает мой долг погашенным.

— Я почитаю вас как женщину и артистку и не допущу, чтобы вы отчаялись. Нет, вы должны без забот заниматься творчеством… — добавляет он, в то время как я растерянно смотрю на него, пораженная самим чудом существования такого человека. Прежде чем я успела прийти в себя, он поцеловал мне руку и исчез…"

Всю эту историю Ольга рассказала Герингу, и, к ее удивлению, рейхсмаршал воспринял ее с пониманием. Откуда вдруг взялась такая человечность, она для себя так и не смогла понять. "Что стоит для людей, которые упрятывают в лагеря тысячи невинных, вдруг сжалиться над одним-единственным из них? Означает ли это, что в каком-то уголке их сознания все-таки живет ощущение вины, и они стараются отделаться одним добрым делом?" Штерн благополучно уехал из Германии и потом до самой смерти постоянно обменивался с Ольгой трогательными письмами.

Опасное внимание доктора Геббельса

А Ольга Чехова продолжает жить в Германии со всеми неприглядными реалиями нацистского режима. "Очень скоро я убеждаюсь в существовании лагерей самым удручающим образом: Геббельс советует мне предупредить Вернера Финка. Он самый известный в Германии артист кабаре, но это, по словам Геббельса, не спасет его от "печальных последствий", если он будет продолжать "высмеивать Третий рейх". У гестапо нет чувства юмора, "неважно, как бы остроумно это ни было преподнесено". Финку следовало бы, несомненно, понимать это". Конечно, она попыталась предостеречь Финка, но тот отказался от перспективы вести себя осторожнее. Вскоре он был арестован гестапо, и вмешательство Ольги на этот раз ни к чему не привело.

Впрочем, тучи регулярно сгущаются и над ее собственной головой. На сотое представление пользующейся успехом постановки "Любимой" Хайнца Кобьера, где Ольга играет с такими партнерами как Карл Раддатц и Пауль Клингер, приезжает Геббельс. "Слабость Геббельса к искусству, в особенности к его представительницам, общеизвестна, — замечает по этому поводу Чехова. Он не пропускает ни одной возможности, так что ничего удивительного и его визите в театр нет".

Но визиту министра пропаганды сопутствует другое неожиданное обстоятельство. Сама почтенная фрау Юпитер желает понаблюдать за игрой дочери в юбилейном спектакле. И это лишь чудом не приводит к большой беде. "Мама редко выходит из дому, по сегодня вечером она сидит в директорской ложе, и министр во время антракта высказывает пожелание познакомиться с ней. Сквозь дырку в занавесе я наблюдаю за встречей. Странно, Геббельс уже после нескольких слов покидает ложу. "Нелюбезный патрон", — думается мне. Дома после спектакля мама с полным удовлетворением слово в слово передает свой диалог с министром:

Я не понимаю вашего беспокойства, сударыня! Разве ваша дочь не сделала при нас весьма успешную карьеру? Разве мы не оказывали ей всемерную протекцию?

— Вы, господин министр? Я нахожу это несколько преувеличенным. У моей дочери было имя уже задолго до 1933 года, и не только в Германии. О вас же, напротив, я услышала только после 1933 года, правда, слышала много, признаю, в связи

с профессией моей дочери…""

Ольга цепенеет от ужаса. Болезненное самолюбие Геббельса уже известно всем, равно как и его мстительность. Она не спит всю ночь, ожидая зловещего звонка в дверь. На рассвете около дома притормаживает машина. "Гестапо имеет обыкновение приходить рано утром, как мне уже известно…" Но автомобиль едет дальше.

И вот все тот же спектакль выдерживает уже сто пятьдесят представлений. На новый юбилей снова приезжает Геббельс и преподносит актерам подарок — два роскошно отделанных, позолоченных дуэльных пистолета времен Французской революции, они идеально подойдут в качестве реквизита для этой постановки.

Карл Раддатц, который ненавидит Геббельса и не желает это скрывать, при виде этого презента усмехается:

— Теперь я мог бы вызвать вас на дуэль, господин министр, или вы находите это опасным?

Но тут главный пропагандист Третьего рейха не лезет за словом в карман:

— С вами дуэль не опасна, просто это было бы не совсем честно с моей стороны. Я хороший стрелок, и вас я наверняка убью!

Геббельс продолжает приударять за актрисами, в особом фаворе у него Лида Баарова, красивая чешка, — звезда фильма "Баркарола". Она живет в Кладове по соседству с Ольгой. Геббельс регулярно наносит ей визиты. Этот роман уже ни для кого не тайна, так что даже фюрер вмешивается. Он настоятельно советует Геббельсу снимать свои комплексы как-нибудь иначе и вообще побольше заботиться о законной семье и многочисленных детях, а то и до отставки недалеко. "Геббельс не подает в отставку, — пишет Ольга Чехова. — Он расстается с Лидой Бааровой. Но не сразу. Пока он еще навещает ее, сохраняя "маскировку": до или после своего рандеву он наносит краткий визит тому или иному известному коллеге прелестной Лиды Бааровой, чтобы внешне все выглядело пристойно. Так, иногда он приезжает и ко мне, к крайнему маминому неудовольствию.

Й. Геббельс

Ничто не властно заставить ее встретить гостя или сделать приветливую мину. Когда министр приезжает, она скрывается. Слава Богу, она хоть понимает, что я не могу заставить стоять под дверью министра, правда, не более того".

Но помимо мамы в ближайшем окружении Ольги есть и другие источники проблем. Однажды Геббельс заезжает к Чеховой, когда она с друзьями сидит в "маленьком домашнем баре на антресолях, куда ведет узкая кованая лестница. На верхней площадке стоит деревянная скульптура в метр высотой, готическая Мадонна. Сама же лестница в полумраке и освещена лишь фонарем с двумя мягко светящими свечами. Это создает настроение, а для тех, кто знает каждую ступеньку, не опасно. Геббельс же, с трудом передвигающийся на коротких ножках, запинается о ступеньку, спотыкается об основание скульптуры, виснет на ней и скатывается по лестнице обратно вниз; еще во время падения он судорожно обхватывает тяжелую деревянную фигуру, безуспешно пытаясь найти в Мадонне опору…".

Вся компания, конечно, перепугана, однако тот самый Раддатц громко хохочет и комментирует:

— Что-то новенькое, господин министр, совсем уж небывалое: ну и как ощущения в объятиях святой девственницы?..

Впору подумать, что мстительность господина министра была слегка преувеличена — ведь несмотря на все эти откровенные выпады, Раддатц благополучно пережил эпоху Третьего рейха.

Немножко контрабанды

Сама Ольга старается воздерживаться от явных конфликтов, предпочитая небольшие изящные авантюры. Однажды под Рождество, когда она заканчивала съемки в Париже и уже заказала место в спальном вагоне в Берлин на 23 декабря, ей в отель незадолго до отъезда доставили "огромный пакет с шоколадом, пирожными, орешками, сдобой. Но самое удивительное находится на дне пакета: портрет Гитлера с его собственной поздравительной надписью. Что делать со всем этим?.. Мне приходит в голову фантастическая идея: шоколад, пирожные, орешки и т. д. я обмениваю на контрабанду — дорогие духи и другие подарки…".

В вагоне проводник предупреждает, что таможня сейчас особо свирепствует:

— На границе, мадам, не знают снисхождения. Таможенники и СС захотят посмотреть, что там, вам придется раскрыть пакет…

Актриса воспринимает предупреждение с полнейшим равнодушием, поскольку духи и прочие вещицы прикрыты тем самым портретом с подписью. "Проводник оказался прав. На германской границе я должна открыть пакет. И вновь я улыбаюсь, но уже не мысленно, и стараюсь скрыть внутреннее беспокойство — удастся ли проделка!

Таможенник и эсэсовец таращатся на лик вождя, а затем переводят взгляд на меня — потрясенно, слегка недоверчиво…

— Что это? — спрашивает один из них не очень-то умно.

— Фюрер, — отвечаю я сухо.

Теперь наступает решающий момент: человек наклоняется к портрету и остается в полусогнутом положении, как будто его схватил радикулит. Глаза расширяются, он обнаруживает дарственную надпись, прочитывает ее, благоговейно бормоча: "Госпоже Ольге Чеховой в знак искреннего восхищения и уважения. Адольф Гитлер".

Человек, дернувшись, распрямляется, словно его укусил тарантул, вскидывает правую руку вверх, молодцевато выкрикивает: "Хайль Гитлер!", подает знак своему товарищу и почтительно покидает купе. А контрабандные мыло и духи еще долго доставляли мне и моим дамам особую радость…"

Авантюристкой величала свою племянницу и сама Ольга Леонардовна Книппер-Чехова. В 1937 году, по пути домой из Парижа после триумфальных гастролей МХАТа, она получила разрешение остановиться в Берлине, чтобы повидать родных и поселилась, естественно, в доме Ольги Чеховой. Та устроила в

честь тетушки такой прием, что перепуганная Ольга Леонардовна поспешила вернуться в Москву раньше намеченного срока. И только одной самой близкой и доверенной подруге она осмелилась поведать, что в тот вечер в гости к "авантюристке" собралась вся верхушка Третьего рейха. Для Ольги Чеховой в этом не было ничего особенного, а вот Ольга Леонардовна пережила натуральное потрясение, оказавшись за одним столом с теми, кого всячески проклинали советские газеты — до подписания пакта Молотова — Риббентропа еще оставалось два года. Подруга оказалась надежной, молчала об этом рассказе несколько десятилетий, да и потом поведала о нем только нескольким близким.

А. Шпеер в своих мемуарах "Третий рейх изнутри. Воспоминания рейхсминистра военной промышленности. 1930–1945" так описывал кинематографические пристрастия фюрера: "Выбор фильмов Гитлер обсуждал с Геббельсом. Обычно показывали то же самое, что демонстрировалось в берлинских кинотеатрах. Гитлер предпочитал легкий жанр: любовные фильмы и истории из жизни светского общества. Все фильмы с Эмилем Яннингсом и Хайнцем Рюманом, Хенни Портен и Лиль Даговер, Ольгой Чеховой, Зарой Леандер и Енни Юго он приказывал привозить, как только они выходили на экран. И он явно любил фильмы-ревю с обилием голых ножек. Мы часто смотрели зарубежные киноленты, включая и те, что не показывали немецкой публике. Очень редко попадались фильмы о спорте и альпинизме, флоре и фауне, путешествиях. Гитлер не испытывал склонности и к комедиям вроде тех, которые любил в то время я, — с Бастером Китоном или Чарли Чаплином. Многие понравившиеся фильмы показывали два и даже более раз, но никогда не повторяли фильмов с трагическим сюжетом. Особенно часто мы смотрели феерии и фильмы с любимыми актерами Гитлера. Его предпочтения и привычка смотреть один-два фильма каждый вечер сохранялись до начала войны".

Но иногда поведение, которое в любое другое время было бы воспринято самое большее как дамский каприз, может привести к тяжелым последствиям. Ольга приглашена на государственный прием в честь Муссолини в мюнхенском Доме искусств. Дочь Ада сопровождает ее, хотя и неохотно. Бабушка, фрау Книппер, так неосторожно демонстрировавшая свою неприязнь к доктору Геббельсу, на сей раз убеждает ее, что надо ответить на это приглашение, чтобы не поставить всех под удар. "Улицы, примыкающие к Дому искусств, перекрыты. За спинами эсэсовцев толпятся зеваки… В холле Гитлер, его приверженцы и господа из протокольного отдела приветствуют каждого гостя по

отдельности. Нас с Адой проводят за стол неподалеку от центрального стола. Зал уже почти заполнен, вскоре прибывают и итальянские гости: Муссолини в сопровождении своего зятя, итальянского министра иностранных дел графа Чиано и итальянского посла в Берлине графа Аттолико, окруженные свитой адъютантов. Сцена, достойная театральных подмостков: подтянутые фигуры в эффектной форме. Муссолини удается сохранять эту позу на протяжении всего обеда…" После трапезы гости расходятся по различным залам, Ольгу приглашают в маленький салон, куда направляется и Муссолини с небольшой частью своей свиты.

Адъютант Гитлера тем временем приглашает Аду за стол фюрера. Тот по обыкновению рассуждает о великой немецкой науке и промышленности, о новоизобретенном синтетическом чулочном волокне, но тема чулок оставляет дочь Ольги равнодушной, и она почти не дает себе труда скрывать скуку и отвращение.

А сама Ольга в это время пьет крепкий кофе в обществе Муссолини и графа Чиано. "Мы говорим о немецком и русском театре. В ходе беседы с Муссолини слетает вся его деланная сановность, и он оказывается образованным и начитанным собеседником. О политике не говорится ни слова. Внезапно сцена меняется. За наш стол садятся Геббельс и его жена. Геб-белье, впрочем как всегда" склонен иронизировать. Он что-то говорит Чиано, что я не совсем понимаю, однако выражение лица графа красноречиво. Следствие этого потрясающе: Чиано резко встает и покидает помещение. Геббельс семенит вслед за ним и через переводчика пытается объяснить, что тот его неправильно понял…"

И тут появляется Ада, сбежавшая от монологов фюрера о капроновых чулках. Она и Ольга направляются к выходу, но путь заступает один из адъютантов:

— Дамы, вы не можете покинуть общество раньше фюрера…

— Если мне нехорошо, я вольна поступать так, как мне нужно! — перебивает его Ада и требует подать машину.

С этого дня, по словам Ольги, в рейхсканцелярии ее вычеркнули из списка лиц, приглашаемых на государственные приемы.

Самый главный нелегал?

Так ли это было на самом деле? Переводчик Валентин Бережков, работавший со Сталиным и Молотовым, в своей книге "С дипломатической миссией в Берлине. 1940–1941" вспоминал, что на всех правительственных раутах в честь Молотова в Берлине рядом с руководством Третьего рейха непременно присутствовала и Ольга Чехова.

Сохранилось много свидетельств, что она была дружна и с Евой Браун.

А вот как описывал отношение Гитлера к Чеховой знаменитый генерал-танкист Гудериан в своих "Воспоминаниях солдата": "28 мая министр иностранных дел Италии граф Чиано посетил Берлин. Министр иностранных дел рейха устроил в его честь большой прием. Чтобы принять больше гостей, он разбил две большие палатки, образовавшие одну общую крышу над всем его садом. Но в эти майские дни было очень холодно, и палатки пришлось протопить. Трудно выполнимая затея! Гитлер тоже присутствовал на этом торжестве. Гостей развлекали легкими сценическими представлениями, например, танцами Гёпфнеров, на которые собрались в одной из палаток, где для этой цели была оборудована сцена. Пришлось обождать некоторое время с началом представления, так как Гитлер хотел сидеть рядом с Ольгой Чеховой, которая вот-вот должна была приехать. Гитлер любил людей искусства и охотно бывал в их обществе. Предостеречь Гитлера от войны — такова, вероятно, была политическая цель визита Чиано. Мне трудно судить о том, выполнял ли он это поручение Муссолини с достаточной энергией и последовательностью до самого конца своего визита".

Но личный переводчик Гитлера Ойген Доллманн утверждал в своих воспоминаниях ("Переводчик Гитлера. Десять лет среди лидеров нацизма. 1934–1944"), что граф Чиано так и не сумел оценить аристократическую красоту Ольги Чеховой — его куда больше привлекали развлечения с девицами откровенно древнейшей профессии. После подписания "Стального пакта" руководители рейха и представители Италии покинули рейхсканцелярию и вышли на террасу, где их встретила ликующими криками толпа. По словам Доллмана, граф Чиано вел себя так, "словно он только что вошел в Берлин победителем". А самым грустным в тот вечер был Геринг, который, в отличие от Риббентропа, не получил звания "кузена короля-императора Италии", которое давалось только тем, кому вручали высший итальянский орден "Ожерелье Святой Девы". Ордена Герингу не

досталось. "В тот же самый вечер Риббентропы дали прием в шатрах в своей резиденции на Ленцеаллее, в Далеме. Был установлен шатер А для сливок общества и шатер Б для простых смертных. В саду стояли жаровни, поскольку вечер был сырой и холодный, как и атмосфера на самом приеме. Настроение Чиано все больше ухудшалось. Он пересел с предназначенного для него места и со злостью прошипел мне в ухо, что насмотрелся на кинозвезд и примадонн у себя в Риме и вовсе не желает любоваться ими в Берлине. Он надеялся при первом же удобном случае сбежать отсюда и приступить к изучению ночной жизни Берлина, в особенности знаменитого "Салона Китти", этого храма сексуальных утех, который служил Гейдриху политическим постом для прослушивания, о чем Чиано конечно же не знал. Многочисленные девушки, великодушно приглашенные на прием ради него, совсем ему не понравились — он посчитал общение с ними ниже своего достоинства. Кроме того, он замерз, а итальянцы не переносят холода. Расшевелить его не удалось никому — даже Ольге Чеховой…"

Игорь Бунич в книге "Гроза Кровавые игры диктаторов" подробно описывает, как в начале Второй мировой войны некогда блестящая и шумная дипломатическая жизнь в Берлине поблекла. Стали выглядеть нежилыми и заброшенными посольские особняки с окнами, затянутыми светомаскировочными шторами… "Дипломаты, аккредитованные в Берлине, обращались больше друг с другом, нежели с германским министерством иностранных дел, бесконечно устраивая всевозможные рауты, главной целью которых было получение нужной информации даже на уровне простых слухов. А слухов в первые месяцы 1941 года по Берлину ходило великое множество, главным образом о перспективах дальнейшего хода войны. Когда начнется вторжение в Англию? Скоро ли вступят в войну Соединенные Штаты? Будет ли нарушен нейтралитет Швеции, Швейцарии и Турции? Каковы дальнейшие планы Советского Союза?

Сам посол Владимир Деканозов вращался в самых высоких кругах нацистского общества и чаще всего — с рейхсмаршалом Герингом, который принимал советского полпреда в своем поместье Каринхолл, обставленном со средневековой роскошью… Пока советский посол вел приятные, полезные и взаимообогащающие беседы с руководителями Третьего рейха, его подчиненные тоже трудились не покладая рук. Валентин Бережков был неизменным лицом, представляющим посольство СССР на всех дипломатических раутах. Там же присутствовала и вся берлинская богема, изнывающая от скуки в пуританских ограничениях военного времени, очаровательная Ольга Чехова —

кинозвезда, от которой млели все нацистские бонзы, начиная с самого Гитлера, неизменно приглашающего племянницу великого классика русской литературы на все торжества в имперской канцелярии…"

Павел Судоплатов в своих мемуарах приоткрывал и другую сторону тогдашней жизни артистки: "Помимо этих источников, в 1940 году к ним добавились сотрудничавшие с нами на основе доверительных отношений и вербовочных обязательств знаменитая актриса Ольга Чехова и князь Януш Радзивилл, имевшие прямой выход на Геринга. Резиденту НКВД Гудимовичу вместе с женой Морджинской удалось в Варшаве создать мощную группу, осуществлявшую тщательное наблюдение за немецкими перевозками войск и техники в Польшу в 1940" 1941 годах. Серьезные агентурные позиции мы имели также в Италии. Резиденту Рогатневу, "Титу", удалось привлечь к сотрудничеству племянника графа Чиано…"

Кроме того, по словам Судоплатова, "актриса Ольга Чехова, бывшая жена племянника знаменитого писателя, была близка к Радзивиллу и к Герингу и через родню в Закавказье связана с Берией…".

Князь Януш Францишек Радзивилл, один из знатнейших польских аристократов, получил в Германии образование в области экономики и юриспруденции, был членом правительства Польского Королевства, созданного в 1916 году после оккупации Германией и Австро-Венгрией принадлежавшей Российской империи части Польши. Это правительство просуществовало до объявления независимости Польши в ноябре 1918 года. Потом он был верным сторонником Пилсудского, хотя и противником каких-то аспектов проводимой Пилсудским политики "санации", прежде всего преследования оппозиции.

17 сентября 1939 года принадлежавшая Радзивиллу ординация Олыка оказалась на советской территории и перестала существовать. Сам князь через три дня был арестован НКВД и помещён во внутреннюю тюрьму на Лубянке, где его допрашивал лично Лаврентий Берия. Радзивилла выпустили через три месяца — вроде бы по просьбе итальянской королевской семьи. Павел Судоплатов в своих воспоминаниях пишет, что Станислав Сосновский, бывший резидент польской разведки в Берлине, также арестованный НКВД и согласившийся сотрудничать, предложил использовать связи Радзивилла, сделав его посредником между советским руководством и Германом Герингом. Радзивилл и Геринг были хорошо знакомы, регулярно вместе ездили на охоту в Ромницкую пущу.

Судоплатов утверждает: Берия сумел убедить Радзивилла

принять на себя эту роль посредника между Сталиным и Герингом ради решения деликатных вопросов во взаимоотношениях СССР и Германии.

Зиму 1939–1940 годов Радзивилл провёл в Варшаве. В начале 1940 года он выехал в Берлин, чтобы добиться снижения масштаба гитлеровских репрессий в Польше. Судоплатов утверждал, что именно он занимался организацией этого отъезда.

Один из ныне живущих потомков знаменитого рода князь Матей Радзивилл в интервью сайту "Историческая правда" рассказывал, что от немедленной расправы большевиков его знаменитого родственника спасли местные жители, уважавшие князя за то, что он всячески старался наладить отношение между польскими " панами" и населением. "После смерти Юзефа Пилсудского, — рассказывает князь Матей, — когда новое "санационное" правительство Польши начало проводить крайне националистическую политику в отношении национальных окраин Польши (прежде всего в Западной Украине), Януш Радзивилл предпочёл уйти из политической жизни Второй Речи Посполитой. При этом, безусловно, стоит отметить, что он продолжал оставаться влиятельным политиком, был знаком с многими влиятельными людьми из политической сферы, в том числе с одним из руководителей Третьего рейха Германом Герингом".

Многие европейские и американские историки утверждают, что именно Ольга Чехова и была тем глубоко законспирированным агентом, с которым всю войну поддерживал связь из Швейцарии советский разведчик Шандор Радо.

Т.К. Гладков в своей монографии "Легенда советской разведки — Н. Кузнецов" описывает и еще одну ипостась семейства Книппер, и в частности Ольги Чеховой: "На случай, если немцы все-таки захватят Москву, в ней заранее создавались независимые друг от друга разведывательные и диверсионные сети. Одной из них, к примеру, должен был руководить майор госбезопасности Виктор Дроздов, для конспирации он был даже назначен заместителем начальника… аптечного управления Москвы!

Другим подпольем должен был руководить начальник контрразведки Петр Федотов. Одна из групп этой сети, возглавляемая бывшим белым офицером, ставшим известным советским композитором Львом Книппером (автором популярнейшей песни "Полюшко-поле"), должна была уничтожить Гитлера в случае его прибытия в Москву. Мало кто знал, что Книппер был братом постоянно проживающей в Германии знаменитой актрисы Ольги Чеховой, которая одно время была

женой еще более знаменитого артиста — Михаила Чехова, племянника гениального классика русской литературы. В свою очередь, Ольга и Лев были племянниками ведущей актрисы МХАТа, народной артистки СССР, вдовы писателя Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой. Ольга Чехова вращалась в высших кругах Третьего рейха, что давало ей возможность оказывать серьезные услуги нашей разведке"

Виктор Суворов в книге "Самоубийство: Зачем Гитлер напал на Советский Союз?" тоже уделяет Чеховой совершенно недвусмысленное внимание: "Следует вспомнить и подругу жены Геринга, звезду первой величины нацистского кино Ольгу Чехову. Эта женщина сверкала на небосводе Берлина ослепительной красотой и необъяснимой, нестандартной, невиданной даже в той среде жестокостью. В 1936 году по распоряжению Гитлера Ольга Чехова была удостоена звания народной актрисы Германии… На приемах она всегда была рядом с Гитлером. А в 1945 году народная актриса Третьего рейха почему-то была обласкана товарищем Сталиным и удостоена высших советских степеней отличия. Представим подобную ситуацию, только наоборот. Гитлер взял Москву. Кто тут самая сверкающая звезда советского кино? Любовь Орлова? Вот тебе, Любовь Петровна, Железный крест с дубовыми листьями! Трудно представить? А разве подвиги Ольги Чеховой легче воспринимаются? А ведь товарищ Сталин зря никого не жаловал".

Судоплатов утверждает, что в 1942 году НКВД был разработан план убийства Гитлера, в соответствии с которым Радзивилл и Ольга Чехова должны были при помощи своих друзей среди немецкой аристократии обеспечить советскому агенту Игорю Миклашевскому доступ к Гитлеру.

Этот агент происходил из театральной семьи. Отец, Лев Александрович Лащилин, был известным артистом балета, хореографом и педагогом Большого театра, а мать — Августа Леонидовна Миклашевская — актрисой Камерного театра. Сестра отца Инна Александровна была замужем за знаменитым актером Всеволодом Блюменталь-Тамариным.

Игорь во время обучения в школе демонстрировал большие способности к языкам, в частности, блестяще выучил немецкий, а также спортивные достижения. Вскоре после окончания школы получил звание мастера спорта по боксу В 1938 году был призван в армию, служил в Ленинграде в зенитных частях, участвовал в Советско-финской войне. Стал чемпионом Ленинградского военного округа по боксу в среднем весе. Великую Отечественную войну встретил сержантом — заряжающим зенитно-артиллерийского орудия на Ленинградском фронте.

Спортсмен, хорошо владеющий немецким языком, просто обязан был попасть в поле зрения спецслужб. Что и произошло в конце 1941 года. С ним работали комиссар госбезопасности, начальник 3-го отдела Секретно-политического управления НКВД В.Н. Ильин и сам П.А. Судоплатов. Игорь согласился на выполнение специального задания в тылу врага, суть которого ему не раскрывалась, и в 1942 году прошёл соответствующее обучение в разведшколе, расположенной в городе Слободском недалеко от Кирова. В декабре 1942 года были инсценированы его побег через линию фронта и сдача в плен. Немцы выяснили его родство с Блюменталь-Тамариным, который в конце 1941 года вместе с женой добровольно ушел с отступавшими от Москвы частями вермахта.

Блюменталь-Тамарин выступал по радио с пародиями на Сталина и призывами к солдатам Красной армии сдаваться, за что и был 27 марта 1942 года Военной коллегией Верховного суда СССР заочно приговорен к смерти.

Проведя несколько месяцев в лагерях для военнопленных и вступив для получения доверия у немцев в так называемую "Русскую освободительную армию" (РОА) генерала Власова, Игорь был отправлен в Берлин и поселился в квартире, выделенной немецкими властями супругам Блюменталь-Тамариным. Постепенно он осваивался в Берлине. На одной из театральных премьер дядя представил его Ольге Чеховой, с которой он был знаком ещё до войны, а через неё информация о благополучном прибытии Миклашевского поступила в Москву.

Игорь Миклашевский поначалу думал, что его задание будет заключаться в ликвидации дядюшки-предателя, но оказалось, его готовили к охоте на куда более крупную дичь. Советские спецслужбы составили план ликвидации Гитлера, сделав ставку на князя Януша Радзивилла и "любимую актрису фюрера" Ольгу Чехову. Эту версию подробно описывает не только Судоплатов, но и английский историк Энтони Бивор. Чехова и польский князь должны были при помощи своих влиятельных друзей обеспечить доступ к Гитлеру группе агентов во главе с Миклашевским.

Тот, освоившись в Берлине, доложил в Москву, что фюрер регулярно посещает спектакли, в которых играет Чехова. Поэтому имеется реальная возможность убить во время одного из представлений не только самого Гитлера, но и Геринга, который тоже часто появляется на спектаклях с участием Чеховой. Но Москва остановила подготовку покушения. Об этом писали и Судоплатов, и Владимир Карион, и уже упомянутый Энтони Бивор. Сталин справедливо заподозрил, что в случае гибели фанатичного фюрера немецкая верхушка поспешит попробовать

заключить сепаратный мирный договор с союзниками. Вдобавок шло уже лето 1943 года, отгремела битва на Курской дуге, навсегда отобравшая у вермахта стратегическую инициативу… В конце 1944 года, находясь в Берлине, Миклашевский получил сообщение, что подготовка покушения на Гитлера окончательно прекращена.

В. А. Блюменталь-Тамарин

Игорь был тяжело ранеи во время боев в Нормандии, где в составе "восточного батальона" РОА участвовал в боях против высадившихся союзников. Блюменталь-Тамарин писал своему приятелю художнику Черкашенинову: "Судьба продолжает искушать меня: тяжело, почти смертельно ранен наша последняя надежда, наш приёмный сын (родной племянник моей жены, сын её брата Льва Лащилина) Игорь. Он по собственному почину пошёл в добровольческую армию, принимал участие в боях за Карантен в Нормандии и тяжко, почти смертельно ранен, но, кажется, выживет".

Миклашевский выздоровел, хотя спортивная карьера стала для него невозможной. Из власовской армии его уволили по ранению. Вместе с дядюшкой зиму 1944–1945 года он провел в Берлине, затем они перебрались в город Мюзинген. Там Блюменталь-Тамарин был убит при обстоятельствах, которые так до конца и не выяснены. А. Ваксберг, ссылаясь на документы из

архивов ФСБ, утверждает, что Блюменталь-Тамарин был убит 10 мая 1945 года, и сделал это Игорь во исполнение заочного смертного приговора советского суда. Судоплатов относит это событие к чуть более раннему времени: "Миклашевский бежал во Францию в 1944 году после ликвидации своего дяди". Как бы то ни было, Игорь действительно перебрался во Францию, попал в плен к союзникам, назвался советским разведчиком и встретился осенью 1945 года в Париже с представителями советского командования. Еще два года он работал во Франции, выслеживая бывших власовцев, а в 1947 году вернулся в СССР, где был награждён орденом Красного Знамени. Стал известным тренером по боксу и прожил долгую жизнь. Но с Ольгой Чеховой он больше никогда не встречался.

Блюменталь-Тамарин был реабилитирован в 1993 году "по формальным обстоятельствам". Согласно Закону Российской Федерации "О реабилитации жертв политических репрессий" от 3 сентября 1993 года № 5698—1 (Статья 5): "Признаются не содержащими общественной опасности нижеперечисленные деяния и реабилитируются независимо от фактической обоснованности обвинения лица, осужденные за: а) антисоветскую агитацию и пропаганду; б) распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный или общественный строй".

После Варшавского восстания добрый знакомый Ольги Чеховой князь Радзивилл был арестован гестапо и заключен вместе с женой в тюрьму Моабит. После неожиданного освобождения, уже в ноябре 1944 года, поселился в своей усадьбе в Неборове. Имение было конфисковано у него после прихода советских войск в Польшу в 1945 году. В январе 1945 года князя и его жену снова арестовали — уже чекисты. Судоилатов утверждает, что после этого Берия решил использовать Радзивилла в переговорах с послом США Гарриманом, поскольку Радзивилл и Гарриман были знакомы. Радзивнлл был помещён под домашний арест на конспиративную квартиру и вместе с Судоплатовым под видом переводчика принимал участие во встрече с Гарриманом в начале 1945 года.

Княгиня Анна скончалась в советском плену — в лагере для особо важных персон в подмосковном Красногорске в 1947 году. В том же году Радзивилл возвратился в Варшаву, но через три недели после приезда был задержан польским Министерством общественной безопасности. После освобождения, лишённый всего имущества, он поселился в скромной квартире в Варшаве. Политикой он больше не занимался, однако после смерти был погребен коммунистическими властями как подобает

официальному государственному лицу.

Князь Матей Радзивилл о пребывании родственника в советском плену рассказывал так: "В семье практически ничего не сохранилось, чтобы напоминало о том времени. Сегодня по воспоминаниям наших родственников мы знаем, что это было не обычное место заключения. К тому же к Радзивиллам там было особое отношение. Уже то, что семья Януша Радзивилла не была разделена, говорит о многом. Советский "чёрный кардинал" Лаврентий Берия испытывал к Янушу Радзивиллу не только интерес, но и уважение… В последнее время появляются версии о том, что Януш Радзивилл мог быть советским шпионом. Данная версия мне кажется маловероятной. Впрочем, Олыкский ординат был достаточно влиятельной политической фигурой и после окончания Второй мировой войны в Кремле на этого человека могли делать определенную ставку…"

Война и комедия

Начало Второй мировой войны застало Ольгу Чехову на сцене. Она играла в "Берлинском театре" в легкомысленной комедии "Шестая жена" с Биллом Домом в роли Генриха VIII — а ее героиней была Екатерина Парр, которой повезло не потерять корону и пережить женолюбивого короля. "Дом неподражаем. И вопреки или благодаря начавшейся войне он день за днем и вечер за вечером со священным трепетом служит своему бесподобному чревоугодию: еще до начала спектакля хлопает пробкой шампанского, закрыв глаза, пробует температуру, одобрительно кивает, наполняет свой стакан и с просветлевшим взором делает первый глоток. Затем, плотоядно выпятив губы, поворачивается к подносу с изысканными блюдами, которые ему обязана ежевечерне посылать в театр фирма Борхерт".

Актеры во главе с Ольгой тоже ищут возможности хотя бы ненадолго отрешиться от проблем, которых с началом войны постепенно становится все больше. "В первые месяцы войны мой дом в Кладове еще больше, чем прежде, становится спасительным островком для добрых друзей и коллег: Отто Эрнст Хассе, Вальтер Янсен, Карл Шёнбёк, Зигфрид Бройер, Хуберт ("Хубси") фон Мейеринк, Вилли Фрич, Карл Раддатц и многие другие были завсегдатаями, регулярно "отправлялись в Сибирь", как в шутку говорил Хассе. Пока съестных припасов достаточно, каждый приносит из погреба бутылку своего любимого вина и болтает о "путях мира". Пути мира в данный момент неисповедимы. Никто не знает, что последует за "блицпобедой" над Польшей. Наше будущее в тумане. Поразительно, что и у нас, в кругу коллег, все чаще обсуждается вопрос: "Если бы знать, что будет?.." Гадания, ясновидение, гороскопы вдруг становятся актуальными темами бесед многих вечеров и долгих ночных часов…"

Москву не взять!

В июне 1941 года Гитлер отдает приказ о нападении на Советский Союз. Существует версия, что именно Ольга Чехова была тем агентом, кто сообщил Сталину точную дату начала войны, да так, что он наконец-то в это поверил. Однако она сама в мемуарах на это даже не намекает.

Июльским утром 1941 года Ольге звонит фрау Геббельс — приглашает на обед на загородной вилле Геббельса в Ланке. Правительственная машина уже выслана. Дневного спектакля нет, уважительной причины отказаться не предвидится. Ольга садится в автомобиль и едет в гости к Геббельсу. "Нас около тридцати пяти человек: мои коллега, дипломаты, партийные функционеры. Застольная речь Геббельса пропитана национализмом и высокомерием. Он уже сейчас предсказывает падение Москвы. Я думаю о бесконечных русских просторах, убийственной зиме…"

И тут Геббельс поворачивается к ней:

— А ведь у нас за столом эксперт по России — фрау Чехова. Не полагаете ли вы, что эта война закончится еще до наступления зимы, что на Рождество мы будем в Москве?..

— Нет, — отвечает актриса.

— Почему же "нет"? — спокойно переспрашивает рейхсминистр.

— Наполеон тоже недооценил расстояния в России…

— Между французами и нами маленькая разница, — усмехается Геббельс, — за нами поддержка русского народа, мы идем как освободители. Большевистская клика будет сметена гигантской волной революции!

— Революции не будет, — возражает Ольга. — В момент опасности все русские объединяются.

— Очень интересно, — цедит Геббельс сквозь зубы. — Итак, вы не верите в силу германского вермахта? Вы предсказываете победу русских?

— Я ничего не предсказываю, герр министр. Вы спросили меня, будут ли наши солдаты еще до Рождества в Москве. Я высказала свое мнение. Оно может быть верным, а может быть ошибочным…

За столом тишина. Ольга осознает, что это открытое столкновение, из тех, которые Геббельс не прощает.

И тут ситуацию спасает итальянский дипломат. "Он со своим обворожительным акцентом выражает восхищение прелестными окрестностями вокруг дома, словно мы только что вовсе не говорили о России. Я бросаю ему благодарный взгляд. Геббельс

действительно ничего не забывает…"

Ольгу вызывают в гестапо. Но тут актриса уже выбирает правильную тактику: "Моя политическая наивность действует на них настолько обезоруживающе и одновременно убедительно, что часа через два они отпускают меня с "признательностью за сведения"".

Символ мирной жизни

Виктор Некрасов на страницах своей знаковой книги "В окопах Сталинграда" описывал тоску по былой мирной жизни, непременным атрибутом которой, оказывается, были фильмы с нашей героиней, хотя для мальчишек довоенной поры мелодраматические страсти были не так привлекательны, как приключения, погони и перестрелки: "Я и теперь иногда гуляю по Крещатику. Завернусь в плащ-палатку, закрою глаза и иду от Бессарабки к Днепру. Останавливаюсь около Шанцера — это самый лучший в мире кинотеатр. Так казалось нам в детстве. Какие-то трубящие в длинные трубы скульптуры вокруг экрана, жертвенники с трепещущими, словно пламя, красными ленточками и какой-то особый, возбуждающий кинематографический запах. Сколько счастливых минут пережил я в этом Шанцере!.. "Индийская гробница", "Багдадский вор", "Знак Зерро"… Бог ты мой, даже дух захватывает!.. А чуть подальше, около Прорезной, в тесном, с ненумерованными местами "Корсо" шли ковбойские фильмы. Погони, перестрелки, мустанги, кольты, женщины в штанах, злодеи с тонкими усиками и саркастическими улыбками… А в "Экспрессе" — потом он почему-то стал прозаическим "Вторым Госкино" — шли салонные фильмы с Полой Негри, Астой Нильсен и Ольгой Чеховой. Мы их не очень любили, эти фильмы, но у нас в "Экспрессе" был знакомый билетер, и мы обязательно ходили туда каждую пятницу".

Тайные законы мироздания

На фоне войны и террора тайной полиции, как это часто бывает в подобные времена, буйно развел интерес ко всевозможным мистическим явлениям, ясновидению, хиромантии, астрологии… Ольга признавалась, что не хотела бы узнать свое будущее — подобное знание, особенно если бы в нем было что-то плохое, парализовало бы ее, лишило воли. Поэтому она предпочитала скептически относиться к обсуждению таинственных связей между человеческими судьбами и небесными светилами.

Она вспоминала, что имела возможность наблюдать за работой знаменитого берлинского мага Эрика Яна Хануссена во всемирно известном театре "Скала", где сама она иногда играла в одноактных спектаклях. "О Хануссене тогда говорил весь Берлин. Благодаря удачным предсказаниям он был принят и у Гитлера. Некоторые менее благоприятные предсказания стоили ему жизни; нацисты уничтожили его. Мне кажется, Хануссен на деле был не кем иным, как ловким, чрезвычайно талантливым и к тому же весьма деловым актером не без дара ясновидения…"

То есть скепсис скепсисом, но само по себе существование подобного дара она не отрицала… Более того, в мемуарах актриса признавалась, что "открыла в себе дар и способности к парапсихологии и телепатии: я с вниманием выслушиваю свою дочь, когда она рассказывает мне о бирюзовых морях, красных горах, желтых деревьях и конях, которых она поит разноцветными водами.

Я уверена, что между мной и дочерью не только кровное родство, но что мы и душевно, духовно давно знаем друг друга по одной из прошлых жизней в нематериальном мире… Я уверена, что эта моя "гастроль" здесь, на Земле, не первая и не последняя…"

Еще Ольга Чехова утверждала, что однажды ночью в самом начале Второй мировой войны она впала в странное состояние между сном и явью и отчетливо увидела лодку, в которой Черчилль и Сталин спорили о том, кто будет сидеть у руля…

"Мне представляется, что не следует смешивать друг с другом физику и метафизику ведь обе подчиняются собственным законам. Но так же мало я склонна опрометчиво считать суеверием то, что сегодня не поддается разумному толкованию. Обсуждая все это с коллегами в первые месяцы войны, я еще не знаю, какие необъяснимые события поджидают меня: так, одна знакомая хиромантка изучает линии на ладони моей дочери Ады

и говорит мне, что ее брак будет длиться шесть лет, но уже после трех лет совместной жизни она охладеет к своему мужу… Хиромантка оказалась права".

Э.-Я. Ханиссен

А какова же сама Ольга Чехова с точки зрения астрологии? Астропсихолог Арти Д. Александер так анализирует ее личность:

"Женщина — Овен — Кролик…

Женщина — Овен, это в первую очередь человек вызова, склонна к соперничеству, любит лидировать, энергична, инициативна во всем — и в доме, и в работе, и в любви.

Ей нравится руководить, быть первой, но даже если ее постигнет неудача, там, где другой отступит, она превращает неудачу в анализ, чтобы победить в следующий раз.

Типичный пример женщины-Овна — Скарлетт О'Хара — жизнерадостная и страстная, но с ней бывает нелегко. Она импульсивна, горда, и если ей бросить вызов, она примет его, даже если будет в невыгодной ситуации, потому что ей сложно отступить, она в каком-то смысле азартна.

Она сверкает и очаровывает, а через минуту пугает своей вспышкой гнева, отталкивает. Это тот тип людей, который не проходит незаметно, она не оставляет равнодушных, ее или любят, или ненавидят, но равнодушных нет.

Она склонна принимать решения импульсивно и быстро.

Упряма, сильна и, как правило, неглупа и удачлива. Экстраверт. Требовательна и резка. Не единожды может начинать новое дело, например, пробовать себя в разном бизнесе, при этом у нее нестандартный подход, она бунтарка, и она не любит обычные методы. Вообще у нее присутствуют яркие мужские характеристики, желание победы, первопроходец, имеет высокую мотивацию, стремление сделать карьеру, достичь успеха, и с мужчинами ей легче общаться.

Любовь к вызовам это одновременно ее сила и слабость, это возносит ее в случае победы, но в случае проигрыша даже ее безопасность может встать под вопросом, потому что она не склонна думать об этом, прежде чем шагать вперед. Она не любит ограничения, ото может проявиться сильнее, если в детстве ее пытались воспитать как "правильную и хорошую девочку". Она не домашняя, прилежностью в учебе не отличается, и быть домохозяйкой не в ее стиле.

Зато на работе, в сочетании с влиянием Кролика, она на удивление усидчива, внимательна и исполнительна.

Из недостатков можно назвать эгоизм, нетерпеливость, вспыльчивость, упрямство, дерзость, а также привычку врываться во что-либо, а потом так же внезапно исчезать. Ей часто недостает гибкости и творческого подхода.

Однако влияние Кролика смягчает женщину-Овна, даже может ей придать скромность, но также дарит ей целеустремленность, стратегический ум, так что если она что-то решит, поставит себе цель, не стоит стоять на ее пути.

Семья для нее становится важна, но именно дома, где все четко распределено и все роли понятны. Только в этом случае она сможет расслабиться и стать более женственной, тогда она начнет проявлять заботу и любовь. Кролик позволит Овну совмещать несовместимое, поможет быть успешной не только в бизнесе, но и дома, при условии, что партнер будет интересовать ее на всех уровнях, не только интеллектуально или физически, а совместно, она ищет идеального партнера, настоящего мужчину, уверенного в себе и не ревнивого, этого она не любит, хотя сама может быть весьма ревнива.

Кстати, сама она, при всей любви к сверканию и привлечению внимания к своей персоне, и даже, быть может, любви к флирту, как правило, верна, потому что ей жаль тратить время на двух мужчин, и не в ее стиле скрываться и изворачиваться. Но полностью исключать такой вариант нельзя, и есть несколько причин, которые могут подтолкнуть ее к измене:

Жажда приключений — например на курорте, если ей кто-то вдруг понравится, она может принять импульсивное решение и

провести с незнакомцем по сути страстную ночь.

Скука — если супружеская страсть иссякла.

Подавленный гнев, вызов.

Уважение — если по каким-то причинам муж потерял ее уважение, она не сможет его любить.

Ревность — если муж начнет ее ограничивать, то она и правда может начать искать партнера, который не будет ограничивать ее свободу".

Любовь на фоне войны

Но предсказывать судьбу самой Ольге в тот момент никто не брался. Слишком много факторов было переплетено в ее жизни, явной и яркой под софитами, тайной — на опасных шпионских путях, которые и сейчас остаются укрытыми мраком недомолвок.

А самое непредсказуемое в жизни актрисы — это, конечно, любовь. Казалось бы, очередной недавний неудачный брак вкупе с переживаниями юности должен был навсегда отвратить ее от романтических приключений. Но пути любви неисповедимы.

Третий рейх требовал от своих звезд не только политической лояльности, но и усилий по поддержанию бодрого духа вермахта. "Многие принимают участие в "обслуживании войск", вспоминала Чехова. — Профессионалы обязаны выступать перед войсками и гем самым вносить свой вклад в "поднятие и укрепление духа в тяжелые времена". Итак, вместе с моими коллегами я отправляюсь в "турне". В большинстве случаев его постановки с минимумом декораций и шестью-семью персонажами. Я играю в Париже в "Театре на Елисейских Полях", где гримерная великой Сары Бернар полностью сохранена, как и при ее жизни; я гастролирую в Лионе и в брюссельском "Королевском театре", который по своей акустике и архитектуре просто театр мечты. И вот однажды вечером мы играем в Лилле "Любимую". Здесь, во Франции, после капитуляции французской армии — тишина, зловещая тишина. В маленьких городках немецкие оккупационные части начинают скучать. И Люфтваффе совершает только разведывательные полеты над Англией. Несколько месяцев спустя все изменится: за разведывательными полетами последуют бомбардировки, беспощадные бои, "воздушная битва за Англию". Но тогда в Лилле мы еще не догадываемся об этом".

По окончании спектакля комендант города приглашает актеров на стаканчик вина. Ольга не очень-то стремится на это, говоря по-современному, афтер-пати. "Мои коллеги уговаривают меня. Как "звезда", я не имею права отказаться. "Круговой чаркой" обносят в боковой комнате маленького ресторанчика.

Здесь более или менее регулярно собираются на вечеринки немецкие офицеры. Ничто не предвещает, что этот вечер будет чем-то отличаться от других: те же разговоры, те же шутки, плохо скрываемое любопытство, за внешней корректностью маленькие фривольности…"

И вот появляется немного запоздавший гость, офицер люфтваффе, "рослый и самоуверенный, но без следа надменности". Он не выглядит завсегдатаем пирушек —

останавливается в дверях и оглядывает комнату, будто ищет кого-то. Потом подходит к Ольге и произносит:

— Я знал, что встречу вас.

Между ними легко завязывается разговор, будто они знакомы давным-давно. Офицер признается, что не собирался этим вечером никуда идти, но будто неведомая сила заставила его отказаться от тихого отдыха и направиться в ресторанчик, где он почти никогда не бывает. "Мы смотрим друг на друга: это было предопределено.

Йеп — командир эскадрильи в истребительном полку.

Как это часто бывает среди людей, духовно близких, нам с Йепом для взаимопонимания не нужен ни телефон, ни какие-либо другие средства связи. И наши письма, собственно, всего лишь дополнительное выражение того, что мы вместе ощущаем, думаем и чувствуем. Наш контакт не прерывается ни на секунду даже когда между нами тысячи километров".

Йеп писал Ольге подробные письма, рассказывая о своих боевых вылетах, впечатлениях и переживаниях. Она потом всю жизнь их хранила…

Январь 1940

"Вчера у меня был кровопролитный воздушный бой, в котором все-гаки не повезло англичанину и он со своей машиной нашел смерть… я убийца… я все время твержу себе: меня не свалишь…

Думал ли мой противник то же самое?

Как долго мне будет везти?

Эта ужасная война! Она все время загоняет нас в безумное положение обороняющегося.

Когда вчера после боя, мокрый от пота, я вернулся к себе на квартиру, в темноту (электрический свет не горит, лишь на столе одна свеча), то нашел там три письма от тебя, одно от 29.12, другие от 1.01 и 2.01.

Как раз в этот день мыслями я был с тобой, и мне захотелось иметь маленький медальон с твоим портретом. Когда я раскрыл письмо и действительно обнаружил там медальон, я только повторял: "Спасибо, спасибо, спасибо". Ты услышала мои мысли.

Я так радуюсь медальону с маленьким фото потому, что теперь всегда могу носить его с собой. Всегда, когда мне захочется, я смогу посмотреть на него, оно будет со мной в тысячах метров над Англией, оно разделит мою судьбу, сгорит, пойдет в плен или замерзнет вместе со мной в ледяных волнах.

На улице воет ветер. Я вслушиваюсь в него — я хочу услышать твой голос и твои легкие шаги и вправду слышу их…"

Их встречи были редкими и недолгими. Война не делает поправок на любовь, даже если это роман знаменитой актрисы и блистательного летчика-аса. "У Йепа отпуск. Он сидит в за городном домике в Кладове у рояля и импровизирует. Он очень хорошо играет. Я люблю его слушать.

Теперь мы все живем в загородном доме. Моей городской квартиры больше не существует. Сохранился лишь остов. Лохмотья штор беспомощно рвутся в проемы вырванных с корнем окон, в которых когда-то были стекла. Когда падали бомбы, никого из нас не было дома".

В минуты отдыха Йеп, по воспоминаниям Ольги, не любил носить военную форму. И вот, думая о войне, о скорой разлуке и возвращении любимого на фронт, Ольга спросила его:

— Зачем ты это делаешь?

— Я не хочу этого. Но все же в конце концов мы все в ответе. Отговорок не существует. Или все-таки есть? "Судьбоносная борьба"… "отечество в опасности"… "долг"… "не щадя сил"… "готовность к жертве"… но это говорят другие. Все это не так.

— А как же?

— Это подъем духа, бессмысленный или вполне осознанный, кто может судить об этом, — старт, взлет, отрыв от противника, атака в свободном пространстве… это всегда приключение, приключение с неизвестным… это опасность — мы ищем ее, провоцируем, преодолеваем или погибаем от нее… Смысл? Разум? Разум отключается. Это как наркотик — как и у других… — Йеп смотрит на меня и задумчиво повторяет: — Совершенно определенно, как и у других.

— У кого — других?

— У "томми"… Там, наверху, никто из нас не думает о Гитлере.

Март 1941

"Вчера я снова бродил, при атом проходил мимо французского кинотеатра, в котором шел фильм "Los mains libres" ("Освобожденные руки"). Я видел фильм раньше, но мне захотелось снова увидеть тебя. Я счастлив. И замечаю там много детален: например, твою сумочку с монограммой "Le Journal d'Olga Tschechowa". Ты все время старалась держать ее так, чтобы нельзя было прочесть твое имя…

Мне было приятно видеть тебя, но ты не стала ближе. Ты ведь и так всегда со мной. И все же я радовался мелочам, которые знаю в тебе. Не было твоего голоса — какая-то француженка тусклым, приглушенным голосом говорила вместо тебя. Так

комично, когда слышишь синхронизированный голос, голос, который совсем не подходит человеку…

В одной газете я сегодня увидел снимок с тобой и Вилли Домом, из спектакля "Шестая жена"…

Ты права, когда пишешь, что я снова был в деревушке. В тот момент, когда ты писала эти строчки, я уже вернулся. На следующий день я услышал тебя по радио… Ты так нежно описываешь, как тебе снится, что я, с маленьким чемоданчиком, небритый, сижу около тебя. Как верны твои сны — я действительно часто небрит…

Мое сердце всегда рядом с твоим.

Недавно мне приснилось, будто я должен спрыгнуть над Англией на парашюте; я приземлился в старом, немного заросшем парке небольшого замка и нашел там тебя. Тебя одну.

Стены чудовищно толстые, и двери тоже. В огромном камине тлели большие поленья. Мы вместе стояли на коленях перед огнем. Ты сказала мне: "Отныне тебя ожидает тишина и покой, сюда не придет ни один человек, и никто не догадается, кто живет у меня, пока идет война, а она будет идти долго. Ничто не проникнет сюда из внешнего мира… Но и ты ни за что не должен выходить отсюда, иначе ты пропал!"

И я больше не желаю никуда уходить…

Потом сон растворился в каком-то шуме, возникшем неподалеку от дома.

Мне хотелось и дальше смотреть этот сон. Но он уже не вернулся.

Когда я совсем очнулся ото сна, то подумал: не тот ли это страх, который постоянно прячется в подсознании, — страх, что можно упасть над Англией, что, возможно, неизбежен плен на многие годы, что любая связь с тобой прервется да что, собственно говоря, я уже давно мертв для всех… для тебя…

Все это затем преломляется во сне в желаемую противоположность… Сновидение — что за странный, вневременной, желанно вневременной мир…"

Некоторые письма Йепа примечательны драматическими описаниями воздушных поединков.

"Я веду соединение, которое состоит из двух эскадрилий — каждая по шесть машин, — на свободную охоту над восточным побережьем Англии. Как уже сотню раз до того, мы ввинчиваемся ввысь на несколько тысяч метров. На высоте 7000–8000 метров попадаем в облачность.

При подлете к побережью я оказываюсь только с шестью

машинами моей эскадрильи. Вторая эскадрилья оторвалась, И тут почти сразу далеко под нами я вижу кучу маленьких точек, которые быстро приближаются. Пока еще трудно определить, какого типа эти самолеты "спитфайеры" или "харрикейны". Разница в высоте минимум пятьсот метров.

Англичане тоже обнаружили нас — как только я хочу пропустить их под нами, все соединение довольно круто задирает носы самолетов и устремляется нам навстречу.

Тогда я, используя преимущество в высоте, собираюсь с правого виража зайти англичанам в хвост. Это "харрикейны" числом от 18 до 20 машин.

Но англичане тотчас выполняют крутой правый разворот с набором высоты и сразу же угрожающе рассредоточиваются. Я понимаю, что ситуация складывается не в нашу пользу, и приказываю уходить.

На полном газу с ревом мы вшестером разворачиваемся на юго-восток и скрываемся в дымке. Через несколько минут мы снова разворачиваемся в сторону Канала.

"Харрикейнов" больше не видно.

Где-то над Фолкстоуном я вдруг замечаю несколько неясных силуэтов англичан слева, справа, впереди под нижней кромкой облачности. Я собираюсь стремительно атаковать справа, как вижу слева еще одного англичанина; и когда я хочу подойти к нему, передо мной появляется еще пара силуэтов. В это время строй эскадрильи рассыпается. Каждый занят самим собой. Ситуация мне кажется безнадежной, и тогда я на приличной скорости ухожу вниз и в сторону Канала.

На середине Канала я снова виражами набираю высоту до 7000 метров и опять лечу по направлению к Дувру. Самолеты эскадрильи исчезли.

Неожиданно на той же высоте появляются силуэты самолетов, летящих на север. Далеко за ними видны еще и еще. Понимаю, что это "спитфайеры", и ухожу в сторону вражеских машин, туда, где разрыв между ними больше всего. Последний "спитфайер" от меня в 400–500 метрах. Теперь я снова над английским побережьем. Прежде чем я настигну переднего "спитфайера", окажусь в глубине суши. Кроме того, и за мной идут машины. Хотя возможно, что они и наши. Ситуация становится щекотливой.

Справа от меня, на 500—1000 метров ниже, облако. В нем мне следует попытаться развернуться и скрыться.

Однако стоило мне только выйти со снижением из облака, как справа появляется машина, которая подбирается ко мне. Пока еще трудно определить, "спитфайер" ли это или один из наших

истребителей. Я только говорю себе: благоразумнее всего своевременно оторваться — и даю полный газ.

Машина позади меня делает то же самое…

И тут я слышу по радио: "За вами 109-й".

Я выравниваю машину, злясь на особенности освещения, которое не дает определить, кто же, собственно, идет за мной. Между тем машина приблизилась, и я, оглядываясь через правое плечо, узнаю радиатор "спитфайера".

Обеими руками я жму на рычаг от себя, мне становится жарко — он уже стреляет…

Скоро я буду над нашей территорией.

Со скоростью 700 км/час приближается мыс Грис-Нез. Я с трудом удерживаю штурвал. Впереди вижу облако, в которое ныряю, поднимаясь рывками. В облаке делаю крутой разворот снова в сторону моря. Когда опять проясняется, я больше не обнаруживаю "спитфайеров".

Теперь замечаю в 1000 метрах надо мной Ю-88, который летит через Канал от нашего побережья. Через несколько мгновений далеко позади Ю-88 обнаруживаю маленькую машину, которая устремляется к нему: "спитфайер"!

Я подхожу сзади, "спитфайер" на полном газу поднимается вдогонку за "юнкерсом", расстояние все время сокращается…

Тут я вижу, что англичанин замечает меня и, явно нервничая, начинает менять курс, но пока еще не удирает. Возможно, он ждет моих первых выстрелов.

Я медлю несколько секунд, и вот мне приходится открывать огонь, чтобы не оказаться сбитым самому. Мои пушки и пулеметы вступают в дело. Как и ожидалось, при первых выстрелах "спитфайер" делает переворот через крыло. Точно так же быстро я сбрасываю газ и тоже делаю вираж со снижением, хотя знаю, что англичанин может делать разворот гораздо круче меня. Но нужно попытаться.

Без газа, обеими руками взяв регулятор управления на себя, я оказываюсь в хвосте у англичанина, который круто лезет вверх. У меня рывком выходят подкрылки; но я все еще где-то позади англичанина, который теперь не медлит ни секунды и начинает крутить фигуры высшего пилотажа.

Во время второго переворота через крыло англичанин снова на краткое мгновение раскрывается для залпа. Каждый раз, когда он хочет взять курс на Англию, я даю упреждающую очередь, чтобы не пропустить его, и он не решается пролететь сквозь шквал моего огня — все время отворачивает.

Я не знаю, что за фигуры мы выполняем. Я чувствую, что моя рубашка все больше и больше промокает от пота… "Спитфайер"

делает еще несколько оборотов — он попадает под мой прицел в третий раз. Струя огня точна.

Я вижу, как машина стремительно падает вниз и по прямой старается дотянуть до нашей территории.

Я лечу намного выше вслед за ней, радуясь, что у "томми" есть возможность совершить вынужденную посадку, что он останется в живых и будет взят нашими в плен.

Вечером я, вероятно, смогу с ним побеседовать. Мне приятно сознавать, что вынудил противника сесть, не убив его. Я надеюсь…

Между тем "томми" на побережье уже довольно далеко углубился в сторону суши — и, конечно же, через несколько секунд наши зенитчики все портят, открыв ураганный огонь из 20-миллиметровок.

И "спитфайер", еще не окончательно добитый, начинает смертельную борьбу, выполняя такие фигуры, какие мне приходилось редко наблюдать.

Я тоже кручусь как сумасшедший на хвосте у "спитфайера". Светящиеся разрывы наших малокалиберных зениток осыпают конфетти этот танец…

Вдруг "томми" круто разворачивается мне в лоб и, приближаясь, открывает огонь…

Я прямо смотрю на мерцающую струю огня его пулеметов. Мне не остается ничего другого, как еще круче заложить вираж, чтобы зайти "томми" в хвост, — и это удается через несколько секунд…

У меня самого нет ни царапины. Есть ли пробоины у машины, я пока не знаю. Над нашей территорией это не имеет значения.

Я не понимаю, почему "томми" до сих пор не прыгает с парашютом, ведь ситуация для него совершенно безнадежная. Делая "бочки", он продолжает лететь. Потом оперение его хвоста вспыхивает. От огня машина становится неуправляемой и врезается в землю.

Лежа на спине, самолет полыхает там, внизу. В последний раз блеснула черно-белая задняя обшивка одного из его крыльев.

Мне было не суждено подбить эту птицу, не убив человека".

Ольга в мемуарах признается, что когда она читала письма своего летчика, то часто вспоминала свое детство, встречу со Львом Толстым и слова великого писателя: "Ты должна ненавидеть войну и тех, кто ведет ее…"

Январь 1941

"Я только что оторвался от письма к тебе и вошел в нашу

столовую, чтобы выпить кофе. Случайно включил радио — или это было не случайно? — и как раз в этот момент диктор произнес твое имя.

Думаю, в эту секунду я был более взволнован, нежели ты сама. Потом я услышал твой голос, от этого можно было сойти с ума, здесь, в этой убогой деревушке во Франции… Знаешь ли ты, как мне хотелось удержать каждое слово? Но все кончилось слишком быстро. Аплодисменты вернули меня к действительности.

Я был почти уверен, что в начале выступления голос твой перехватываю от волнения. Если бы ты знала, как редко я слушаю радио — в особенности концерты по заявкам! Возможно, перед этим ты думала: "Йеп, слушай сейчас концерт по заявкам — я хочу, чтобы ты меня услышал!.. Я хочу…" Это уже не случайность!

Ты не пишешь, как провела Рождество, Новый год. Часто я думаю о том, что время должно идти быстрее, потом сразу вспоминаю маленькую сказку, помнишь, я как-то написал тебе: о человеке, который не умел ждать…

Радость со мной, и она останется. Ты можешь не писать мне часто. Само ожидание письма уже радость. Тогда с каждым письмом ты становишься мне все ближе. Тогда ты совсем рядом. Тогда две души сливаются в одну".

В конце 1941 года на Рождество у Йепа должно быть несколько дней отпуска. Он собирается быть в Берлине уже 23 декабря. Он обещает прислать Ольге телеграмму, чтобы она встретила его. "В ночь перед этим он снится мне. Он лежит на большом, усеянном цветами лугу, будто бы мирно спит. Вдруг Йеп как-то странно медленно поднимается. Я пугаюсь. Тонкий ручеек крови пересекает его лоб и левый висок. Он торопливо срывает несколько цветков, протягивает их мне вместе с медальоном и тихо восклицает: "Олинка…""

Июнь 1941

"Mon amour, вчера я не писал тебе — бои.

Сегодня я не летал, не нужно было вставать в четыре часа утра, можно было спать до двенадцати.

В среднем мы спим едва ли больше трех часов, так что в течение дня засыпаешь, притулившись на каком-нибудь стуле, среди шума…

Вчера во время полета я много думал о тебе. Мой двигатель работал с перебоями, а вокруг — вода, вода, ничего, кроме воды, насколько простирался небосклон — на сотни километров.

Как легко я мог сгинуть в Северном море — но ведь у меня

была твоя фотография в кармане…"

Утром 23 декабря — ожидаемой телеграммы нет. Ольга, встревоженная зловещим сном, делится своими испугом с матерью. Та успокаивает: если уж Ольге довелось увидеть смерть Йена во сне, он непременно выживет.

Во второй половине дня в дверь звонит ефрейтор из полка Йепа. Он принес его багаж, а теперь говорит, что ему нужно поговорить с фрау Чеховой. Ольга в этот момент почти успокаивается — все в порядке. Храбрый летчик отправил вперед ординарца с вещами, скоро он и сам приедет, возможно, его задержали дела или он покупает подарки…

"Ефрейтор украдкой рассматривает мебель в комнате, уклоняется от моего взгляда. Чтобы скрыть смущение, небрежно бормочет:

— Честно, я все представлял себе по-другому.

— Что вы представляли себе по-другому?

— Ну вообще… — Он доверчиво смотрит на меня: — И вас тоже!..

Ольга хохочет:

— И вы теперь сильно разочарованы?

— Нет, — улыбается солдатик, — в натуре вы еще лучше, чем в киношке.

Август 1941

"Вчера в Бретани я был около утеса, где ты несколько лет назад во время съемок перевернулась на рыбацкой лодке. Маяк все так же стоит неподалеку…

Я сделал пару кругов над ним и был совсем близко от тебя… Можешь не очень бояться, "томми" давно уже не видно…

Нас разделяет более тысячи километров, но мне кажется, что ты всего лишь в нескольких метрах, словно ты в соседней комнате и вот-вот войдешь: сейчас я услышу твой голос — и я забываю… о фронте, этом проклятом фронте, который я ненавижу, как ненавижу всю войну, но в то же время ищу приключения, эти бессмысленные приключения…"

Ольга все еще смеется, глядя на простодушного ординарца, а тот неожиданно севшим голосом говорит:

— Герр гауптман…

И, умолкнув, протягивает ей письмо командира полка, в котором говорится, что Йеп погиб…

В этой романтической истории трагической страсти на фоне Второй мировой войны помимо душещипательных подробностей

присутствует и немалая таинственность, поскольку среди выдающихся асов люфтваффе не так-то легко найти человека с именем, указанным в воспоминаниях прекрасной Ольги, — Вальтер Йеп.

Некоторые исследователи выдвигают версии, что актриса называла возлюбленного прозвищем, образованным от его настоящей фамилии, делая вывод, что честь покорения сердца Ольги Чеховой принадлежит действительно знаменитому летчику-истребителю Герману-Фридриху Йоппину (Hermann-Friedrich Joppien). Он занимал в военно-воздушных силах четвертое место по результативности (всего сбил 70 самолетов). Был награжден Рыцарским крестом с Дубовыми листьями.

А то, что он вроде бы не Вальтер — так у него могло быть еще одно имя кроме Германа-Фридриха. Или это тоже прозвище…

Но если сравнивать факты биографии Йоппина с письмами Йепа, несовпадения становятся очевидными. Летом 1941 года письма от него приходили из северной Франции, в то время как реальный Йоппин в это время воевал уже на Восточном фронте. Там он и погиб — его самолет был сбит огнем советской зенитной артиллерии 25 августа 1941 года. А Ольга Чехова получила трагическое известие о внезапной гибели Йепа накануне Рождества того же года.

Так что загадка пока остается частью тайны, окружающей образ "любимой актрисы фюрера".

Но кроме потери возлюбленного Ольгу поджидали и другие опасности. Вот как описывает ситуацию Судоплатов в своих мемуарах: "К августу 1942 года "Красная капелла" в Берлине, включавшая агентов военной разведки и НКВД, была уничтожена. Но в Германии уцелел ряд важных источников информации и агентов влияния. Некоторые агенты гамбургской группы, созданной Серебрянским и Эйтингоном, не связанные с группой Харнака — Шульце-Бойзена и осевшие в концернах "Фарбен индустри" и "Тиссен" в гамбургском порту, уцелели и ушли в подполье. Избежала ареста агент "Юна", обосновавшаяся в ведомстве Риббентропа — германском МИДе; не были скомпрометированы Ольга Чехова и польский князь Януш Радзивилл. Однако отсутствовали надежные связники с ними. Два наших агента — шведский предприниматель Стринберг ("Густав") и популярный актер Карл Герхард ("Шансонье") годились разве что на роль курьеров. Поездки Стринберга в Германию оказались малорезультативными, а Герхарда вскоре выявили немцы, так как он не скрывал своих антигитлеровских настроений. Агентурная сеть во Франции и Швейцарии продолжала работать".

Два поклонника сразу

Ольга по-прежнему выступала в больших и маленьких городах, в центрах и захолустье, и вот однажды она снова оказалась в Брюсселе. В отеле незадолго до спектакля портье доложил, что ее спрашивают два немецких офицера, их имена ей ни о чем не говорили. "Я отказываюсь принять, хорошо зная, что в обществе "актрис из обслуживания войск" многим лейтенантам на ум тотчас приходит шлягер "Ночью не бывают одинокими". Когда я собираюсь ехать на спектакль, меня догоняет в холле гостиницы моя русская костюмерша и передает очаровательную шляпную картонку, к которой прикреплена визитная карточка со следующими загадочными фразами: "От вас зависит наша жизнь! Просят принять: обер-лейтенант Э.С. и лейтенант М.Б.". В картонке лежит прелестно пахнущий букетик пармских фиалок…"

Ольга Чехова

Впечатлительная костюмерша уговаривает актрису непременно принять обоих молодых людей. Ольга отказывается, костюмерша ударяется в слезы. Опасаясь склонности своей помощницы к истерикам, Ольга уступает. "Вскоре после этого в

моем номере появляются два запыленных, небритых, смертельно усталых молодых человека. Их воспаленные глаза смотрят с таким неподдельным восторгом, что я забываю свой затаенный гнев и предлагаю им по стаканчику шерри.

Между торопливыми глотками они буквально выстреливают свою историю. Их часть расквартирована в Париже. Как-то вечером в казино показывали один из моих фильмов. По окончании офицеры стали обсуждать сюжет и исполнителей, точнее говоря, не столько обсуждали, сколько немного мечтали, в том числе и обо мне. Поддавшись очарованию момента, оба моих трубадура заключают с товарищами пари: они вручат мне перед спектаклем в Брюсселе мои любимые цветы. А через 24 часа обязуются вернуться обратно.

Безумная затея! Естественно, никто не может разрешить во время войны вот так запросто съездить из Парижа в Брюссель, чтобы поднести актрисе цветы. Но конечно же, это не останавливает моих донжуанов. Они не думают и о военно-полевом суде, который грозит им, если попадутся. Они думают о своем пари — и обо мне…"

В один из свободных от службы дней офицеры отправляются в путешествие — попадают в Брюссель тайными дорогами и заявляются к обожаемой звезде. Теперь, когда их авантюра удалась, им нужно вернуться обратно, желательно, не угодив под суд. "И вот они стоят передо мной и доверчиво вверяют свою судьбу в мои руки. Это значит, что мне нужно, используя свои связи, достать им настоящее командировочное предписание обратно в Париж. Я смотрю на часы. Время поджимает — мне нужно в театр. Я поручаю Аллочке приготовить офицерам ванну, бритье и позаботиться о еде и напитках. Прежде чем мчаться в театр, я прошу по телефону у коменданта города срочной аудиенции после спектакля. Он дает согласие".

Комендант принадлежал к числу поклонников актрисы, но воинская дисциплина для него важнее. Адъютант тоже отказывает помочь авантюристам. "То, что "выкинули" оба офицера, — непростительно; решение может быть лишь одно — строжайшее наказание!" "Конечно, со своей точки зрения он прав. Но я пришла не для того, чтобы спорить с ним по поводу устава, я хочу спасти двух романтиков, которые из-за меня влипли в неприятности. Итак, я собираюсь с силами, бросаю адъютанту упрек в недостатке чувства юмора и не замечаю, что комендант города, генерал, вышел в приемную. Таким образом в основном он уже в курсе дела. От его симпатий ко мне не остается и следа. Он обвиняет меня в том, что я покровительствую "элементам, подрывающим боеспособность армии". И категорически требует,

чтобы я сказала ему, где скрываются оба молодых офицера".

Ольга качает головой.

— У вас будут неприятности! — восклицает комендант.

— Они у меня уже есть…

— У вас будут еще большие неприятности!

— Вы угрожаете мне, вместо того чтобы помочь, герр генерал?

— Речь идет не о вас…

— В вас нет романтизма, и вы не любите искусство, герр генерал, как жаль…

— Мои чувства в данном случае не являются предметом обсуждения.

— Я найду выход, как спасти мальчишек от военного суда, будьте уверены, герр генерал! — вспыхивает Ольга и выходит прочь.

Офицеров спешно прячут на квартире той самой костюмерши, а сама Ольга нервно мечется по номеру "В дверь стучат. Я торопливо говорю Аллочке, чтобы она предупредила нашего импресарио, если я буду долго отсутствовать, и иду, готовая ко всему и вдруг удивительно спокойная, к двери. Открываю. Передо мной не "цепные псы". Все тот же неумолимо строгий адъютант лучезарно улыбается и просит дозволения войти.

Я смотрю на часы. Пять утра. Адъютант приносит извинения за вторжение в "столь неприлично раннее время", но цель его посещения оправдывает нарушение "всяческого этикета". Он вынимает из сумки два по всем правилам оформленных командировочных предписания…"

— Герр генерал просит вас незамедлительно отправить обер-лейтенанта и лейтенанта на вокзал; офицеры еще могут успеть на утренний поезд в Париж.

У Ольги не находится слов. Адъютант все с той же ослепительной улыбкой продолжает:

— Кроме того, герр генерал хотел бы через меня передать, что в данном случае он весьма своевольно нарушает свои полномочия, но — отнюдь не как бюрократ — хотел бы сказать без обиняков: если бы он был таким же молодым и способным увлекаться, как эти двое офицеров, кто знает, может, и он отважился бы на подобное…

Письмо Паулюса

Но Ольге приходилось выполнять и более рискованные дела, нежели спасение от патрулей двух молодых сорвиголов. "Не знаю, как О.К. Чехова общалась со Сталиным, но мне точно известно, что с руководителем советской контрразведки В.С. Абакумовым она имела доверительную переписку, — пишет в своей книге о Николае Берзарине Василий Скоробогатов. — Она получила в шведском посольстве в Берлине пакет из Москвы с письмом Ф. Паулюса, находившегося в советском плену, и передала его жене фельдмаршала, проживавшей на юге Германии. В пакете имелась письменная просьба Абакумова — получить ответ от адресата, передать его шведам. Это поручение Чехова выполнила. Паулюс получил письмо от жены. Обратите внимание — это было в 1944 году! За этот подвиг О. К. Чехову наградили орденом Ленина, Абакумову пожаловали орден Кутузова 1-й степени.

Ф. Паулюс

Организатор акции, советник посольства СССР в Швеции А.П. Плотников, также получил государственную награду".

После этого Паулюс активно включился в борьбу против Гитлера. 14 августа 1944 года он заявил, что Германия должна устранить Гитлера и установить новое государственное руководство. Сохранился текст обращения Паулюса к немцам,

подписанный 26 октября 1944 года. В книге Дм. Волкогонова "Триумф и трагедия" приводится часть этого документа:

"26 октября 1944 года.

Генерал-фельдмаршал фон Паулюс.

Немцы!

Я чувствовал, что мой долг по отношению к родине и возложенная на меня, как фельдмаршала, особая ответственность обязывают сказать своим товарищам и всему нашему народу, что теперь остался только один выход из нашего кажущегося безвыходным положения — разрыв с Гитлером и окончание войны.

Наглой ложью является утверждение г-на Гиммлера о том, что с немецкими солдатами в русском плену обращаются бесчеловечно, что с помощью кнута и под дулом револьвера их заставляют выступать с пропагандой против своего отечества. В Советском Союзе с военнопленными обращаются гуманно и корректно".

Кинозвезды и подводники

25 сентября 1958 года состоялась мировая премьера фильма "Капитан-лейтенант подводной лодки U-47" (другое название — "U-47. Капитан-лейтенант Прин" — "U-47 — Kapitanleutnant Prien", ФРГ. Режиссер Харальд Райнль. Сценаристы: Й. Йоахим Барч, Удо Уолтер. Продюсеры: Джеро Векер, Хельмут Волмер).

В этой военной драме снялись: Дитер Эпплер, Сабина Сессельман, Йоахим Фуксбергер, Харальд Юнке, Ута Халлант, Ольга Чехова, Рихард Хаусслер, Райдер Мюллер-Элмау, Эрнст Рейнхольд, Маттиас Фукс.

Сюжет фильма основан на реальных событиях — в начале Второй мировой войны командующий подводным флотом Германии Карл Дёниц поручил самому успешному, на тот момент, командиру подлодки Гюнтеру Прину особую миссию — проникнуть на британскую военно-морскую базу в Скапа-Флоу и нанести там как можно больший урон флоту противника. В ночь с 13 на 14 октября эта задача была успешно выполнена: были потоплены английский линкор "Royal Oak" и авианосец "Pegasus". Данное нападение открыло для субмарины U-47 череду успешных операций.

А как все это начиналось? И какое отношение к реальным событиям, ставшим основой вышеупомянутою фильма, имела Ольга Чехова?

Второго февраля 1933 года, то есть спустя всего лишь нескольких дней после прихода Гитлера к власти, новый рейхсканцлер присутствовал на премьере фильма режиссера Густава Уцики "Утренняя звезда" студии "УФА". В этой картине, рассказывающей о переживаниях командира подводной лодки и его экипажа во время Первой мировой войны, прикрашивалось и прославлялось геройство подводников и почетная смерть на поле брани. Так, в центральном эпизоде фильма было показано, как подводная лодка ложится на дно, и из десяти человек команды могут спастись только восемь. Но кто должен погибнуть? Предлагают пожертвовать собой старшие по званию — и наиболее ответственные: командир подводной лодки и его первый помощник, но зато остальные спасутся. Но в ответ патриотически настроенный экипаж отказывается спастись такой ценой: "Спасемся все или никто!" В ответ командир задает вопрос своему первому помощнику, можно ли принять такую жертву от команды. Помощник заявляет: "Какие люди! Я бы мог умереть во имя Германии десять, сто раз!" Но на этом патетика разговоров обреченных на смерть людей не заканчивается — главный герой

наконец-таки произносит свою легендарную фразу, ставшую классикой ранней пропаганды (до разрыва Версальских соглашений): "Возможно, мы, немцы, живем не очень хорошо, но в любом случае мы умеем красиво умирать. Мы останемся здесь всей командой". Но гибнуть им все же не придется — один из матросов, узнавший, что его девушка любит первого помощника командира подводной лодки, кончает жизнь самоубийством.

В этом фильме подводники показаны героями, но в дальнейшем в кинематографе Третьего рейха, под неусыпным контролем и давлением Геббельса, образы командиров и матросов флота стали еще более брутальными, а фильмы — типично "мужскими" лентами. Именно к таким фильмам относиться вышедший в 1941 году "Подводные лодки идут на запад", в котором роль второго плана сыграла популярная актриса германского кинематографа Ильза Вернер. Из нее пресса рейха делала эталон немецкой девушки: "Стройная и красивая актриса представляет собой наиболее привлекательный тип современной девушки. Такой грации мы не видели еще ни в одном кинофильме".

В фильме "Подводные лодки идут на запад" известная исполнительница песен поет: "Как моряк доверяет кораблю, так он должен доверять своей невесте". По сюжету, в нее влюбляется героический офицер-подводник Вигант (в исполнении Хайнца Энгельманна), который мечтает на ней жениться. Но певица отвечает ему, что в "эти сложные времена она занята тем, что своим пением пытается дарить людям радость", и поэтому предлагает ему чисто дружеские отношения.

В фильме есть и своеобразный "профессиональный" юмор — командир подводной лодки (его играет Герберт Вильк), вернувшись во время увольнения на берег, радостно обнимает своих четырех детей, а когда настает им время ложиться спать, то отправляет в постели своей шутливой командой: "На погружение!"

Женщины в атом фильме мелькают лишь в эпизодах, и когда один ил моряков-подводников говорит своей невесте, что хотел бы остаться с ней навсегда, то она вполне в арийском духе возражает: "Ты не был бы счастлив здесь, так как там, в море, ты совершенно другой".

Еще одна тема, обыгранная в фильме, — это неразрывная связь подводников с родиной, с Фатерляндом. Она осуществляется через радио и его динамик — это не просто техническое устройство. В этом фильме появляется радиопередача "Концерт по заявкам" (так назывался другой, вышедший на экраны Германии в 1940 году популярный фильм, в

котором тем не менее умело сочеталась нацистская пропаганда и история любви, разворачивающаяся на фоне патриотической войны).

Из "Концерта по заявкам" обрадованный моряк-подводник узнает, что у него родилась двойня, в этой передаче героиня Ильзы Вернер исполняет для ушедших в море трогательную песню со словами "Где-то там, вдали, мои любимые плывут по морю".

Но сантименты — сантиментами, а пропаганда героизма в кино Третьего рейха была одной из главных задач. Поэтому после всех этих песен и радостных сообщений герои картины "Подводные лодки идут на запад" выполняют свое боевое задание — их атакуют английские крейсера, превосходящие численностью и вооружением, но отважный экипаж подводки выигрывает этот бой. В финале фильма звучит патриотическая песня "Мы выступаем против Англии".

Ильза Вернер снялась в еще одном фильме, посвященном морякам, — "Великая свобода № 7". Этот фильм, съемки которого заняли девять месяцев, так и не был допущен к массовому показу в Третьем рейхе: во-первых, сама его премьера была намечена на начало рокового для фюрера 1945 года; во-вторых, на его предварительном просмотре гросс-адмирал Дёниц возмутился показом в киноленте пьяных немецких матросов и падших женщин. В результате исправления этих претензий фильм пришлось монтировать заново и в итоге его показали безо всякой особой рекламы в районах оккупации Берлина американскими и английскими войсками уже после окончания Второй мировой войны.

Но помимо художественных фильмов, образ отважного германского воина-подводника всячески тиражировался в так называемых документальных выпусках, производимых сотрудниками доктора Геббельса. Газеты Третьего рейха из номера в номер не уставали славить героев — "рыцарей морских глубин", отважно борющихся с вражескими судами в водной стихии. Возвратившиеся с удачной операции подводники порой купались в славе, став одними из тиражируемых плакатных идолов, детищ неусыпного министерства пропаганды.

Первым же подводным героем и кумиром рейха стал уже упоминавшийся Гюнтер Прин, командир лодки U-47, который смог совершить операцию по проникновению в главную базу английского флота — Скапа-Флоу.

Вернувшуюся из похода лодку встречала ликующая толпа, оркестр и командование флота во главе с гросс-адмиралом Редером. Успех операции Прина еще выше поднял дух немецких

подводников, а слава ее командира, растиражированная Геббельсом, мгновенно перешагнула границы гитлеровской Германии и стран оси.

Г. Прин

Экипаж подводной лодки был награжден Железным крестом II степени, а ее командир удостоился Рыцарского креста из рук Гитлера, когда весь экипаж лодки предстал перед фюрером во время церемонии награждения в Берлине. В тот день толпы людей на улицах германской столицы восторженно скандировали: "Мы хотим Прина!" Вечером герои-подводники в компании восхищенных ими обывателей прошлись по ночным клубам Берлина, где в их честь был даже отменен запрет на танцы, отвлекающие воинов и тружеников тыла от мобилизации всех сил во имя грядущей победы рейха. Но время на дальнейшие подвиги герою рейха было чуть больше полутора лет (17 месяцев). 8 марта 1941 года его лодка была уничтожена британскими кораблями, и ни шарф жены (о котором так часто писали газеты рейха как об одном из незыблемых символов любви арийской женщины к мужу-воину), ни трогательные письма детей, которые он всегда брал с собой в каждый боевой поход (нечто подобное случалось и в СССР, где тоже военные пропагандисты заботливо культивировали образ настоящего

защитника Родины), не уберегли его от гибели. Траур по погибшему Прину был массовым и искренним…

Среди показанных работниками министерства пропаганды морскими героями был и капитан-лейтенант Отто Кречмер, капитан лодки U-99, который однажды вернулся на берег с победными вымпелами, отражающими потопление кораблей на 65 137 тонн. Это было наибольшее число за один рейд — но при этом британское адмиралтейство зафиксировало только 40 000 тонн, поскольку три потопленных этой лодкой судов оказались пустыми танкерами, которые к тому же даже и не потонули толком. Но о герое был показан сюжет, а командующий ВМФ Редер лично прилетел в Бретань, чтобы вручить капитан-лейтенанту Отто Кречмеру Рыцарский крест.

Во время своего последнего плавания во Второй мировой войне лодка под командованием Отто Кречмера была вынуждена всплыть на поверхность и в результате была захвачена вместе с экипажем. Начались допросы ее команды, и, как заметил проводивший их британский офицер контрразведки, помимо боевого и командного духа и профессионализма Отто Кречмера, единственное, что поразило офицера контрразведки — это чувство исключительности командира и команды, а точнее: "… преувеличенная идея об их собственной важности и достоинстве; эти самодовольные чувства были вызваны, безусловно, чрезвычайной лестью общественного мнения, к которой они привыкли. Специальные самолеты и букеты цветов на вокзалах уже давно стали частью их жизни на берегу".

По мере того как увеличивался тоннаж потопленными немецкими лодками судов, и одновременно с неудачами вермахта и России, министерство пропаганды рейха, нуждаясь в ободряющих новостях с мест военных действий, сделало ставку на подводный флот и воспевало его героические экипажи и его мудрого и заботливого к своим подчиненным командующего Дёница. Так, был сделан специальный репортаж с одной из "летучек", которые регулярно проводил Дёниц после завершения очередной операции: "Обсуждалась каждая отдельная фаза операции. Сверялись радиопослания и время того или иного события. Не важно, насколько удачлив был капитан, адмирал не будет удовлетворен его действиями до тех пор, пока не убедится, что каждая торпеда и каждый галлон горючего использован оптимальным образом. Пока капитан дает подробный доклад, штабные офицеры кратко записывают все наблюдения, которые делает адмирал по тому или иному моменту операции… Затем уже штабные офицеры задают вопросы. Наконец, адмирал кладет руку на плечо капитана и говорит: "Отлично. Я рад, что вы один

из нас"".

Другой "заслугой" гитлеровской пропаганды было то, что она, всячески извращая реальные факты, оправдывала любые действия (а в ряде случаев вернее будет сказать — злодеяния), совершенные немецкими подводниками, в том числе и приведшие к жертвам среди мирного населения. Так, в течение октября и ноября 1940 года сотрудники Геббельса одновременно стремились доказать, что Британия, вооружая торговые суда, приказывая им таранить подводные лодки и давать сигналы своим при атаке, превратила их в оружие королевского флота, а также внушала всем, что для кораблей под любым флагом самоубийственно опасно входить в английские территориальные воды. Соблюдая видимость приличий и снимая с себя ответственность за совершенные и грядущие злодеяния, 24 ноября то же самое было передано в официальном предупреждении всем нейтральным странам: "В водах вокруг Британских островов и вблизи от берега Франции безопасность нейтральных кораблей более не может быть обеспечена…"

Но предупреждение было всего лишь фикцией, приказ Дёница № 154, отданный в том ноябре, требовал от моряков: "Никого не спасайте и не берите на борт. Не заботьтесь о спасательных шлюпках. Погодные условия и отдаленность берега не имеют значения. Заботьтесь только о своей лодке и пытайтесь добиться максимально возможного успеха! Мы должны быть жесткими в этой войне. Враг начал ее, чтобы уничтожить нас, поэтому все остальное не важно". Поэтому суда даже нейтральных государств при встрече с немецкими подводными лодками были обречены — их топили безо всякого предупреждения: "неограниченная подводная война" уже велась безо всяких объявлений, и дело было не в злодеях-капитанах, подвергшихся пропагандистской обработке, а в приказах командования ВМФ Германии, в которых подчеркивалась необходимость уничтожения врага. "Люди низшего сорта", неарийцы, были недостойны не только заботы, но и элементарной жалости.

Ольге Чеховой, как и другим знаменитым артистам Третьего рейха, неоднократно приходилось участвовать во встрече экипажей подводных лодок, успешно возвращающихся "с фронта" (т. е. плавания) с победой.

Она не упоминала об этом в мемуарах, но из частных воспоминаний ее коллег и знакомых известно, что звездам также поручалось наделять подарками особо отличившихся моряков.

Порой эти презенты были весьма зловещими — наподобие сундучка, полного наручных часов, который был преподнесен экипажу субмарины U-333 после возвращения этой подлодки

летом 1943 года. Часы были пересланы на базу немецких подлодок в Бискайском заливе из лагерей смерти и сняты с жертв. По словам одного унтер-офицера, происхождение "подарков" не было для него и товарищей по оружию тайной: "Тогда мы уже все знали. Это было слишком жутко. Никто не мог сказать, что он ничего не знает. В то время мы все понимали, откуда взялись эти часы". Но и демонстративно отказываться было нельзя — нелояльным морякам было не место на подводных лодках рейха…

В свои некоторые походы немецкие подводники отправлялись в сопровождении военных кинооператоров из ведомства доктора Геббельса. Они должны были воочию запечатлеть для миллионов немцев и грядущего потомства подвиги германских подводных "ангелов смерти", сделать из легенд явь пропаганды. Многие из снятых ими кинолетописей дошли до наших дней и позволяют увидеть лица командиров подлодок, команды и даже эпизоды охоты за противником.

Вторая мировая война не оставила места мелодрамам. Морская романтика еще проявлялась в пропагандистских фильмах Третьего рейха, но после окончания войны художественные произведения повествовали о суровой действительности. Интеллигентским переживаниям возлюбленного Ольги Чеховой — офицера люфтваффе — тут места не было совсем.

Вольфганг Отт в романе "Стальная акула. Немецкая субмарина и ее команда в годы войны. 1939–1945" пишет о тяжких испытаниях: "Ветер достиг штормовой силы и превратил длинную атлантическую зыбь в вертикальные валы, которые обрушивались на мостик, пытаясь разорвать ремни, которыми вахтенные привязывали себя к поручням. При приближении волны сигнальщики наклоняли голову, прятались под козырек мостика и выгибали спины, словно коты в грозу. Сначала Тайхману это показалось смешным, но вскоре волна накрыла всю лодку, и ему еле хватило дыхания, чтобы дождаться, когда она схлынет. Такие волны шли одна за другой… Один раз, когда рулевой не смог удержать лодку на курсе и ее развернуло, волны ударили в корму, сорвали с места пулемет и швырнули его прямо на мостик, на закрытые планширы, сбросив всех четверых вахтенных в море. Моряки беспомощно повисли на ремнях. С огромным трудом они забрались обратно на мостик, и в ту же минуту на них обрушилась лавина воды. Тайхман думал, что задохнется — он забыл сделать глубокий вдох. Но в последний момент лодка вырвалась из объятий волны, и Тайхман понял, что жизнь продолжается. Когда он сменился с вахты, шторм стал еще

сильнее. О танкере все забыли, и ему удалось уйти".

Они все-таки возвращаются из этого похода… "В газетах, в кино и радиопередачах их превозносили до небес, им льстили, им слали приветствия, но, узнав этих приводивших противника в ужас моряков поближе, вы убеждались, что они давно потеряли всякий интерес к газетам и радиопередачам.

Однажды несколько офицеров пошли в кино, и в хронике показали субмарину в подводном положении; в динамиках прозвучало "бух-бух", а комментатор пояснил: "Это взрывы глубинных бомб". Подводники тут же встали со своих мест и покинули зал, думая, что стало бы со зрителями, если бы они услышали взрыв настоящей глубинной бомбы на расстоянии 50 метров от лодки".

Как уцелела Белая Дача

Среди трагических страниц Великой Отечественной войны есть и необычные свидетельства того, что к памятникам, связанным с именем Антона Павловича Чехова, немецкие оккупанты относились с необъяснимым почтением. Так, в фондах Таганрогского литературного музея Антона Павловича Чехова, расположенного в здании мужской гимназии, где учился будущий великий писатель, хранится невероятный документ: "Городская комендатура Таганрога. Таганрог 4.10.1942 года. Дом Чехова (ул. Чехова, № 69) взят под защиту".

Название улицы сохранили, музей под официальной опекой коменданта… Картины, иконы, мебель, утварь и прочее имущество остались в неприкосновенности. И это на фоне других разграбленных и сожженных музеев, а также печально известного приказа генерал-фельдмаршала Рейхенау: "Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения"…

Знаменитая чеховская Белая Дача в Ялте тоже практически не пострадала.

Сестра писателя Мария Павловна, согласно сохранившимся в фондах музея ее заметкам, так описывала тогдашние события: "Последний раз я была в Москве 41-го. Весной до июня месяца…

Разговоры о войне тревожили… и я поспешила скорее домой. В Ялте я тоже застала беспокойство, но как-то не верилось в возможность войны… я ходила по всему дому, не знала, с чего начинать, как готовиться. Обдумывала, куда и что отправлять. А дом? Дорогой для меня дом. Если его разобьют и вещи расхитят? На что мне моя жизнь, если ее цель погибнет?

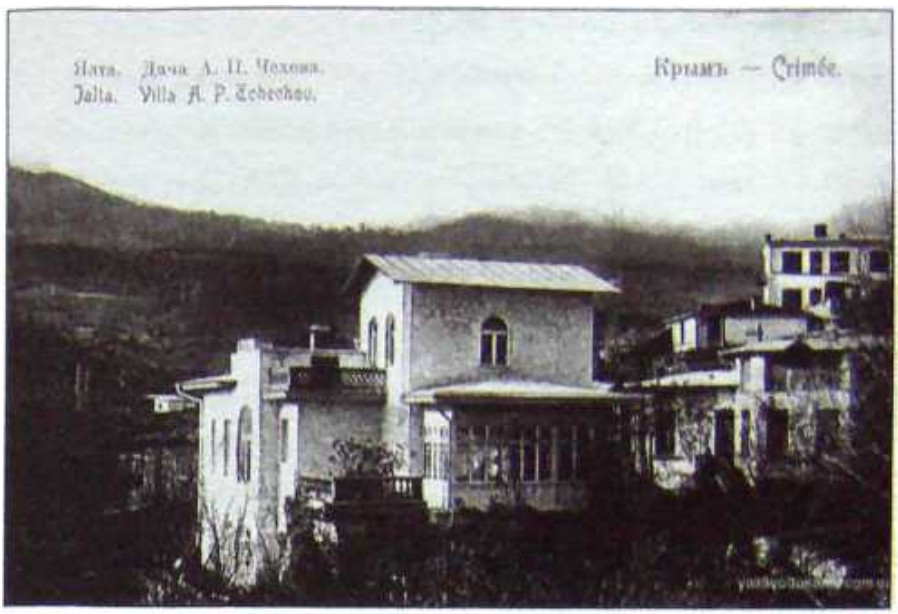
Нет, буду бороться, защищать, насколько сил хватит. И я осталась… Начала прятать все, что могло пропасть. И вот восьмого ноября пришли враги, но к нам нагрянули не сразу. Первыми явились квартирмейстеры — итальянцы и что-то написали мелом на парадной двери. Вскоре же появились немцы, человек пять, и вошли прямо в кабинет.

Я спустилась вниз и тоже вошла в кабинет. Из них один хорошо говорил по-русски, и он заявил: "Вот здесь наш майор, — показывал на письменный стол, — будет заниматься, а в этой спальне он будет отдыхать"… Я ответила им, что эти две комнаты нельзя занимать, что это "музеум" и что я могу предоставить майору другое помещение…

Стали рассматривать фотографии и увидели фотографию Гауптмана, которого я на всякий случай выставила, так как раньше… он был перед войной убран. "О, Гауптман, Тшехов!"

Я провела их в столовую и заперла кабинет и спальню. Ключ положила в карман. Мне удалось убедить их, что Бааке (такая была фамилия их майора) может занять столовую, галерею и балкон, выходящий в сад. Они согласились. А кабинет и спальня во время пребывания немцев были заперты…"

Более того, майор приказал своим людям выставить перед входом табличку "Собственность майора Бааке", что ограждало весь музей от любых посягательств на протяжении периода оккупации.



Дом А.П. Чехова в Ялте

Большинство исследователей сходится на том, что особое отношение к Чехову было связано с более чем особым отношением фюрера к его родственнице, звезде немецкого кинематографа. И офицеры вермахта об этом прекрасно знали. Встречались ли Мария Павловна и Ольга в годы войны? Есть свидетельства, что в ялтинский музей приходили из Берлина посылки с продуктами. А в ноябре 1945 года Берии, среди прочего, был доложен и такой факт: "Когда Крым был оккупирован немцами, Ольга Чехова прилетела в Ялту к Марии Павловне Чеховой на самолете с кем-то из членов германского правительства…"

А вот что пишет в воспоминаниях племянник Ольги Леонардовны Владимир Книппер: "Консультант Союза писателей Владимир Стеженский в годы войны был военным переводчиком: он рассказал, что вместе с войсками вступил в освобожденную

Ялту, в первый же день навестил Марию Павловну Чехову. На столе он увидел портрет красивой женщины. Спросил: "Кто это?" — "А это Оля Чехова, киноактриса… Не будь ее — не знаю, уцелел бы наш Дом-музей…"".

"По слухам, — пишет Виталий Вульф в своем предисловии к русскому изданию "Мои часы идут иначе", — именно Ольга Константиновна спасла Музей Чехова в Ялте и по ее просьбе немецкие оккупационные войска не тронули чеховский дом".

Есть сведения, что Ольга обратилась именно к Геббельсу с просьбой сохранить музей Чехова от разграбления и разрушения. И министр пропаганды все-таки отдал соответствующее распоряжение.

Хотя Юрий Сушко в книге "Клан Чеховых: кумиры Кремля и Рейха" придерживается версии, что ялтинский музей защитил своей властью Геринг, который, услышав от Ольги, что Геббельс не пожелал позаботиться о доме Чехова, немедленно воспользовался возможностью в очередной раз насолить заклятому соратнику.

Он так рисует эту сцену: "Чехова интуитивно чувствовала, что ее "козырь в рукаве" — непрекращающееся конкурентное противостояние ключевых фигур в окружении Гитлера. Именно на это и рассчитывала, ловко вуалируя свою очередную просьбу невинными намеками.

— Вчера я была у рейхсминистра Йозефа Геббельса, просила его оказать содействие в спасении ялтинской дачи моего дядюшки, всемирно известного писателя и драматурга Антона Чехова, господин рейхсмаршал… — она запнулась.

— Дома для вас, не менее знаменитой государственной актрисы рейха, если помните, я просто Герман, Договорились?

Ольга смущенно кивнула.

— Ну и что же наш дорогой друг Йозеф?

— Герр министр сказал, что вмешательство в частные вопросы, то есть мои личные, противоречило бы государственной политике рейха, которую проводит на оккупированной территории Советов силы вермахта. А потому помогать мне он не намерен. Меня привела к вам тревога о судьбе "Белой дачи" Чехова… Суть не в фамильном имении или каком-то дворце. "Белая дача" моего дяди — это дом, в котором он жил и работал, священное место не только для русских. Поклонники таланта Антона Чехова, как паломники, приезжали туда со всего мира, понимаете?.. Он ни в чем не провинился перед рейхом… Ведь даже сейчас, когда идет война с Россией, в Германии продолжают издавать его книги. Немцы их покупают, читают — и становятся лучше, умнее, добрее. Да у меня самой в библиотеке есть книги

Чехова, изданные здесь, у нас, в последние годы. Я вам по памяти могу назвать — "Die Steppe. Geschichte tiner Fahrt", "Die Mowe"… Поверьте, дорогой Герман, Чехов, как всякий гений мировой культуры, вне политики, вне географии… Кстати, вместе с ним там, в Крыму, жила его жена, знаменитая актриса Ольга Книппер. Вы ведь как-то видели ее у меня на приеме…

— Да-да, я помню, — кивнул Геринг. — Я сам не чужд русской культуре, в развитие которой внесли весомый вклад представители арийской нации. Ведь ваша тетушка, если я не ошибаюсь, из эльзасских немцев?

Г. Геринг

— Совершенно верно. — Ольга, изобразив на лице радость и печаль, чуть слышно добавила: — Герман… Моя тетя…

Геринг попытался успокоить разволновавшуюся женщину. Нет, тут, конечно, не театральные страсти, не наигрыш. Уж он-то в актерских уловках знает толк.

…В глазах "друзей рейха", к коим Герман Геринг, безусловно, относил и фрау Чехову, он старался выглядеть человеком слова. Несмотря на всю свою загруженность государственными делами,

он все-таки нашел источник, который достоверно сообщил ему о положении в Крыму, а заодно и о позиции в отношении мемориального музея Чехова. (Эмма, пользуясь случаем, на днях подсунула ему томик рассказов этого русского, и вечером, сидя в кабинете, он перелистал несколько новелл. Даже посмеялся над "Злоумышленником" и особенно — "Дочерью Альбиона". Пьесы отложил.)

Через несколько дней через жену он пригласил в гости Ольгу Чехову и сообщил:

— Я уверен, фрау Олли, с дачей вашего дядюшки все будет в порядке. Ничего дурного там не произойдет, ручаюсь. Имение Чеховых получило особую охранную грамоту. Кстати, вы можете убедиться в этом сами.

— Каким образом? — изумилась Ольга.

— Ну, кто-то считает, что он властвует над умами (Ольга поняла, кого Геринг имел в виду), а кто-то реально господствует в воздухе и покоряет любые расстояния. Хотите побывать в Крыму?

— Это возможно?! — Чеховой даже не потребовалось изображать восторженное сомнение.

— Для нас ничего невозможного нет, милая фрау. Вы ведь, насколько я знаю, доверяете "Люфтваффе" и любите наших доблестных летчиков…

Ольга прекрасно поняла грубоватый, по-солдафонски прямолинейный намек Геринга. Впрочем, она никогда и ни от кого не скрывала свои скоротечные, легкомысленные романы ни с Вальтером Йепом, ни с прославленным асом, "генералом дьявола" Эрнстом Удетом.

— Ну так как, Ольга? — прервал ее воспоминания Герман Геринг. — Вы готовы совершить отчаянный полет в Крым, чтобы поклониться своему покойному дядюшке? Кстати, давно он умер?

— Почти сорок лет назад. Причем умер здесь, в Германии, — рассеянно ответила Чехова и прикоснулась тонкими пальцами к вискам. Но тут же встряхнулась. — Я? Лететь в Крым? Конечно готова. Хоть сегодня.

— Нет-нет, не сегодня, — покачал головой Геринг. — Послезавтра".

Жажда власти и страх перед миром

Психолог Карина Сарсенова так оценивает склад личности и природу привлекательности Ольги Чеховой:

— Красота — страшная сила. Особенно если она подкреплена пусть скрытой, но могущественностью. Привлекательность актрисы, тем более такой, как Ольга Чехова, — само по себе явление масштабное. Она на виду, доступна восприятию и потому обязательно становится ролевой моделью женственности для тех, кто "в тени". Прежде всего, она воздействует на процесс формирования и изменения представления о себе у слабой половины человечества. Что очень важно, ведь именно на самооценке основывается наше личностное "я". Управляя самооценкой множества женщин через сравнительный аспект их и собственного существования, актриса влияет на ход развития общественного сознания в целом, ведь женское представление о себе напрямую взаимосвязано с мужским. Скажи мне, что ты хочешь, и я скажу тебе, кто ты. Действительно, все привлекательное и желанное описывает состояние души человека через его потребности. Точка развития, заложенная во влекущий внешний образ, детально раскрывает образ внутренний и указывает направление психического роста.

Являясь носителем, причем ярким, главных ценностей собственной эпохи, актриса, как ни странно, также несет в себе силу для ее трансформации. Посредством бессознательной игры с самооценкой большинства она позволяет одним ценностям выйти на пик и затем потерять значение, а другим, напротив, набрать вес и занять лидирующее место в сознании людей. Примеряя на себя множество масок, актриса позволяет другим женщинам дистанцированно, без расплаты временем и последствиями, прожить максимальное количество образов и ролей. Познание граней и пределов сути — необходимая часть утверждения женственности или мужественности. Возможность обрести гарем в лице одной женщины — одна из причин влечения к актрисе представителей сильного пола, которые ощущают себя мужчинами вдвойне, если им удается подчинить себе и одновременно покориться не просто известной харизматичной женщине, но и опасной в данных ей полномочиях. Женщины "мужских" профессий (а шпионская деятельность, безусловно, к ним относится) словно бросают вызов. Подчинить, влюбить в себя такую женщину престижно. Значит, ты действительно мужчина. Покориться ей, открыв сердце, соблазнительно, потому что за счет чужой силы можно компенсировать собственную слабость.

Жажда власти и страх перед миром — две основные причины и для испепеляющей любви, и для столь же активной ненависти.

Последняя встреча Ольги с Геббельсом была свободна как от взаимной пикировки, так и от откровенных опасений и угроз. Хотя тень смерти витала над всеми. Это было в день очередного юбилейного показа спектакля "Любимая".

"Нам удается сыграть без воздушного налета. Пятисотое представление. Чудо, — писала Ольга в воспоминаниях. — Другое чудо поджидает нас в тот же вечер: жаркое из косули! Геббельс приглашает по случаю юбилейного спектакля в свой дом под Ланке. Он принимает нас один. Его семья отдыхает от авианалетов в Австрии. Дом Геббельса маленький и уютный, приусадебный участок поразительно большой. Я спрашиваю его, почему он и дальше не застроил такой прекрасный участок.

Первая часть ответа следует незамедлительно и уверенно, вторая — после некоторых колебаний и оказывается откровенной:

— Земля принадлежит не мне, а городу, да и для кого мне строить? Если меня не будет в живых, мои дети не должны расплачиваться за ненависть, предназначенную мне…"

Последние дни войны, первые дни мира

Конец войны Ольга вместе с дочерью Адой и маленькой внучкой Верой встретила в своем доме в Кладове. "Наш собственный маленький бункер, тридцать шесть ступенек под землю, постоянно переполнен друзьями-соседями: часто приходит Карл Раддатц с женой, афганский посланник, господа из швейцарского Красного Креста, которые жмутся к нам, потому что мы говорим по-русски, — писала она. — Электричество уже давно не подается, водопровод разрушен. На соседнем участке есть колодец, у которого мы по ночам часами выстаиваем за водой. Днем из-за воздушных налетов авиации это очень опасно. Кроме того, через наши дома по кладовскому аэродрому с ревом бьют "сталинские органы". Там кучка безумцев не желает сдаваться русским…"

Вот загорелся соседний дом, и, выглядывая осторожно из своего подземелья, Ольга понимает, что пламя через несколько минут должно перекинуться на ее гараж. А там стоит пятьдесят канистр с бензином, которые семейству Ольги оставили беспорядочно отступающие немецкие танкисты. Топливо — страшный дефицит и немалая ценность, но в данный момент оно представляет собой источник смертельной опасности. Погасить пламя или перетащить в другое место эти канистры нет никакой возможности — "катюши" (это их немцы прозвали "сталинскими органами") и штурмовая авиация методично и яростно утюжат территорию вокруг аэродрома. "Мы убеждены, что этот вечер нам уже не пережить, поскольку пламя горящего соседнего дома вот-вот доберется до гаража и мы взлетим на воздух вместе с канистрами бензина… Странная мысль: вот и подошла к концу война, мы вынесли ее, мы только существуем, но все же живы. И теперь из-за этих идиотских пятидесяти канистр нам никогда не узнать, как там будет дальше, если что-то будет вообще… После шести лет опасностей, когда угроза и смерть стали повседневностью, я испытываю только любопытство, когда смотрю, как первые маленькие язычки пламени тянутся от соседнего дома к крыше нашего гаража. Или это нечто большее, нежели простое любопытство? Скорее — воля к жизни, горячечное желание уйти не прямо сейчас, не в эту или следующую минуту а хотя бы завтра или послезавтра, а лучше — через несколько лет… В то время как мы наблюдаем за огнем, моя дочь бормочет про себя заклинание: "Пусть ветер

переменится… ветер должен перемениться, о милостивый Боже, слетай так, чтобы ветер переменился…" Должно было свершиться чудо, чтобы спасти нас всех в последнюю секунду. И чудо происходит. Ветер меняется. Мы переживаем и этот вечер. Соседний дом сгорает дотла и уже не представляет опасности…"

Ольга и ее близкие закапывают теперь в саду под покровом ночи украшения и столовое серебро. А в библиотеке у задней стены актриса ставит на самое видное место свою коллекцию русских икон, вполне осознанно это делает в расчете на то время, когда придут русские. "Они не заставляют себя долго ждать, — вспоминала Ольга Константиновна, — эти первые русские — грязные, закопченные и изголодавшиеся, как все солдаты в эти последние дни войны. Но насторожены они больше, чем другие. Я заговариваю с ними по-русски. Удивление сглаживает их недоверие… Потом, до того как они начнут обыскивать дом, я словно бы случайно завожу их в свою библиотеку. И тут происходит то, на что я втайне рассчитывала: они глазеют на иконы.

— Что это — церковь? — спрашивает их командир.

Я молча пожимаю плечами.

Они обмениваются беспомощными, почти робкими взглядами и уходят".

Актриса вздыхает с облегчением. Но слишком рано, как выясняется вскоре. Немецкое командование еще верит в возможности перемены ситуации, применения какого-то таинственного чудо-оружия. Русские будут "обращены в бегство", заявляют фольксштурмфюреры, проверяющие все дома в округе, чтобы "забрать каждого, абсолютно каждого имеющегося мужчину" и отправить на передовую.

В доме Ольги Чеховой мужчин в данный момент нет. Но рядом живет Карл Раддатц с женой. Его немедленно ставят под ружье, и этот упрямец, не боявшийся в глаза высмеивать всесильного Геббельса, устраивает неистовый скандал. "Карл бушует, проклинает, ругается и называет то, что сейчас все еще творится, просто и точно — безумием. Между тем те, кто до этого вел себя так же, уже висят на деревьях в ряд как дезертиры или пораженцы. Мы заклинаем Раддатца замолчать, прекрасно понимая, что, если он не замолчит, мы его больше никогда не увидим. Раддатц продолжает ругаться. Он ругается и тогда, когда его вместе с другими фольксштурмовцами пожилыми мужчинами и детьми, так же мало приспособленными к военному делу, как и он, — примерно в сотне метров от наших домов заставляют копать траншею, чтобы "во что бы то ни стало" остановить лавину русских танков. Раддатц отказывается даже прикасаться к ручным

гранатам (с ручными гранатами против танков!). Один из фольксштурмфюреров грозит: "Трусов будем вешать — пусть они даже и знаменитые актеры!" Этот "герой" не шутит. Мы с Адой обращаемся к одному знакомому врачу из частей Люфтваффе. Врач советует сделать быстродействующий, но относительно безвредный усыпляющий укол".

Дочь Ольги Чеховой имеет базовое медицинское образование, поэтому умеет обращаться со шприцем и ампулами. Она облачается в форму Красного Креста, сует в сумку наполненный шприц с запасными ампулами и крадется к передовой. Фольксштурмфюрер, угрожавший Раддатцу, лежит за пулеметом.

В момент, когда Ада оказывается в окопе, неподалеку взрывается граната. Фольксштурмфюрер падает, обливаясь кровью. Часть его невольных подчиненных тут же бросается наутек, а Ада поспешно делает Раддатцу и еще двум знакомым спасительные инъекции.

На помощь спешит сама Ольга и экономка Раддатца. Три женщины с трудом оттаскивают из самой опасной зоны троих уже одурманенных транквилизатором мужчин, волокут их в дом Ольги. "Добираемся до дома без единой царапины. Троица уже отключилась. Мы затаскиваем их наверх в комнату, примыкающую к спальне Ады. Тем временем один из фольксштурмфюреров врывается в дом и в бешенстве орет:

— Где тут дезертиры?

Мы кидаемся вниз.

Человек машет пистолетом и продолжает буйствовать:

— А ну подавайте сюда трусов, да побыстрее! А кто будет скрывать этих свиней — пристрелю!

Ада — единственная из нас, кто продолжает сохранять присутствие духа и мужество: она выбивает из рук мужчины пистолет. Тут уже вмешиваемся мы с Агнес и, вытолкнув ошеломленного "героя" на улицу, запираем за ним дверь".

Части фольксштурма, как нетрудно было предположить, остановить натиск Красной армии не смогли. И вот в дом Чеховой снова входят "русские гости".

— Немецкие солдаты, фольксштурм?

— Нет, только тяжелобольные, они лежат наверху.

Ада показывает комнату, где лежат в беспамятстве Раддатц и остальные.

Красноармейцы указывают на дверь комнаты Ады:

— А там что?

— Моя спальня.

— Открывайте.

Открыв дверь, Ада застывает от ужаса. На ее кровати сидит

один из соседей, у которого есть все основании опасаться рус ских. Это эсэсовец высокого ранга, из ближайшего окружения Гиммлера.

— Кто это? — кричит русский офицер.

Бедная Ада в шоке, она не знает, когда эсэсовец успел пробраться в дом, да и сдать человека, с которым еще недавно раскланивались на улице, не так легко. Это чуть не оказывается роковым для всех в доме.

Ольга Чехова вспоминала об этом страшном моменте: "Русские забирают всех нас. Когда мы проходим мимо дома эсэсовца" его жена подбегает к садовой изгороди и обменивается со своим мужем несколькими словами, которые мы не понимаем, потому что между нами и им слишком большое расстояние. Эсэсовец кивает своей жене.

— Что она сказала? — спрашивает у меня один из солдат.

— Я не поняла.

Солдат недоверчиво смотрит на меня. Жена быстро убегает обратно в дом.

В этот момент эсэсовец подламывается, словно от удара. Он мертв — раскусил капсулу с цианистым калием. Позднее я узнаю, что жена и ребенок отравились несколькими минутами позже…

После бесконечного допроса нас пока что отпускают — за недостатком улик. Но мы остаемся под подозрением, так как в нашем доме был схвачен высокий эсэсовский чин. Недоверие советских солдат сохраняется, мы это еще почувствуем… Мы — моя дочь, внучка Вера, Карл Раддатц с женой и моя русская подруга Зинаида Рудов — сидим в погребе нашего маленького дома.

"Сталинские органы" молчат, раздаются лишь отдельные выстрелы. Вдруг в дверях появляется советский солдат. Лоб его окровавлен. Он направляет свой автомат на нас. Никто из нас не шевелится — мы завороженно смотрим на ствол.

Солдат оседает вниз, хватается за лоб, вскрикивает от боли и падает замертво.

Его товарищи протискиваются в подвал. Один из них говорит:

— Колю застрелили!

Нас выводят. Через три дома теперь расположена комендатура.

Мой допрос не длится и пяти минут. Я подозреваюсь в шпионаже, потому что говорю по-русски.

Я не успеваю даже слова сказать. Я даже не могу назвать своего имени или профессии. Приговор: смертная казнь через расстрел, и двое солдат сразу встают по бокам…"

И тут появляется незнакомый советский офицер, видимо,

достаточно высокого ранга, поскольку все остальные встают перед ним навытяжку.

— Что тут происходит? — спрашивает он.

Пока кто-то начинает объяснять, Ольга вмешивается, успевает бросить несколько фраз по-русски… "Офицер ничем не выдает своего удивления и невозмутимо просит меня продолжать. Я говорю ему, кто я такая, представляю свою дочь, внучку, друзей и рассказываю, что произошло. Офицер слушает без комментариев и потом спрашивает, не в родстве ли я с московской актрисой Ольгой Книппер-Чеховой. Я киваю:

— Она моя тетя.

Офицер распоряжается, чтобы нас отвели домой два солдата и оставались там для нашей защиты".

Владимир Богомолов, автор легендарного "Момента истины", в своей последней книге "Жизнь моя, иль ты приснилась мне?.." приводит множество документов, относящихся к периоду завершения Великой Отечественной войны. В том числе и те, в которых упоминается имя Ольги Чеховой.

Начальнику политотдела 47 армии
полковнику тов. Калашник
Политдонесение
27 апреля 1945 г.

Доношу, что сегодня в 21.00 в населенном пункте Гросс-Глиннике, что севернее Потсдама, нашими наступающими подразделениями в подвалах обнаружены корреспондент японской газеты и русская артистка Ольга Чехова.

Указанные лица были приглашены мною на беседу.

Японец отрекомендовался корреспондентом японской газеты "Домей Цусин" и предъявил документы — японский паспорт № 018470 от 25.8.42 г., визированный в Германии, Болгарии, Румынии, Швеции, Польше и т. д., и документ на русском языке от (даты нет) февраля 1945 г., подписанный зам. японского генконсула в Берлине т. САТО. В документах значится, что предъявитель их господин Масами Кунимори, корреспондент токийской газеты "Домей Цусин", 36 лет. В документе на русском языке генконсул Японии в Берлине просит оказать содействие Масами Кунимори. Причем г-н Кунимори объяснил, что этот документ датирован февралем потому, что еще в зимнее наступление Красной Армии выдан ему и другим корреспондентам Японии "на всякий случай" и тайно от германских властей. По-видимому, Японским Консульством имелось в виду, что Красная Армия могла занять Берлин еще зимой. Кунимори сын японского банкира, в Германии в качестве

корреспондента вот уже 3 года. Кунимори заявил также, что Посольство Японское выехало в Баварию и что еще пять японских корреспондентов находятся в городе НАУЕНЕ (занят нашими войсками).

Г-н КУНИМОРИ в беседе со мной сообщил следующее, что якобы фон Риббентроп по поручению Гитлера выезжал на днях к Эйзенхауэру для договоренности о прекращении военных действий между американскими и германскими войсками. [15]

Кунимора был на приеме у Геббельса, причем заявил, что Геббельс все время о России говорил, что ее народы надо считать азиатами, и когда Кунимори ему заявил, что японцы тоже азиаты, последний сказал, что нет, немцы не считают японцев азиатами.

Одновременно он заявил, что когда Геббельс и доктор Фриче (радиокомментатор) им рассказали о якобы расправе большевиков с польскими офицерами в Катыньском лесу, Кунимора не поверил и послал правдивую корреспонденцию через Швецию.

Завтра Кунимора обещал мне по некоторым вопросам отношений официальных лиц Германии к русским написать письменно.

Я пригласил также на беседу женщину, выдававшую себя за племянницу великого русского писателя — А.П. Чехова.

Она имеет возраст свыше 40 лет, артистка, назвалась Ольгой Константиновной, выехала из Советского Союза с матерью и дочерью в 1924 году. Заявила, что за ней гестапо вело слежку. Ведет себя непринужденно и даже развязно.

Прошу Ваших указаний в отношении указанных лиц.

Начальник политотдела 125 стр. корпуса
полковник КОЛУНОВ

В тот же вечер, когда актрисе была выделена охрана, к дому подъезжает автомобиль с советскими офицерами, которые настоятельно предлагают Ольге взять личные вещи и сесть в машину….

Из беседы Ольги Чеховой с офицером СМЕРШа полковником Шкуриным 27 апреля 1945 г.

— Приходилось ли вам встречать руководителей фашистского государства?

— С приходом к власти Гитлера в Германии в 1933 году я была приглашена на прием, устроенный министром пропаганды Геббельсом, где присутствовал и Гитлер. Я в числе других актеров была представлена лично фюреру. Он выразил мне наилучшие свои симпатии. Кроме этого, заинтересовался русским искусством,

расспрашивал о моей тете Книппер-Чеховой. На политические темы разговоров не было.

— А еще вы бывали на приеме?

— Да, в 1938 году. Был устроен прием Риббентропом по случаю приезда японской делегации. По какому случаю они приехали, мне неизвестно. В театре Риббентроп попросил меня сесть в первом ряду. Справа от меня сидел Гитлер, слева — Геринг. А дальше другие члены германского правительства и дипломатического корпуса. В таком положении нас снимали на кинопленку, а на другой день в газетах Германии и других стран были опубликованы фотоснимки. На аналогичные приемы я приглашалась к Геббельсу и в дальнейшем.

— Когда и где?

— В первый день войны Германии с СССР на даче Геббельса в Ланке (60 километров севернее Берлина) я была приглашена на прием…

Велись разговоры о немецком походе на СССР. Геббельс выразил мнение, что до Рождества 1941 года немецкие войска будут в Москве. Я позволила заметить, что, по моему мнению, этого не случится. Что по своей территориальности маленькая Германия не сможет победить СССР. Геббельс ответил, что в России будет революция и это облегчит победу над СССР. Я позволила себе заметить, что революция может быть только в стране, где бывает оппозиция.

— Ведь вы открыто выступили против действий германского правительства. Вас же могли арестовать.

— Меня не арестовали. Разговор закончился довольно холодно, и впоследствии я ни на какие приемы больше не приглашалась.

— Кого вы еще знаете из видных деятелей немецкого государства?

— В лицо — всех руководителей немецкого правительства, встречалась с ними на приемах…

Сначала ее доставляют в ставку Красной армии в предместье Берлина — Карлсхорст. Потом — в Позен, а оттуда советский военный самолет увозит актрису в Москву…

Но отнюдь не *в* тюрьму, как она опасалась. "Я живу как частное лицо у одной офицерской жены, муж которой пропал без вести в Германии. Она с двумя маленькими детьми ютится в кухне, без угля и дров. Как только меня поселяют, она впервые за долгие месяцы получает топливо. Две из трех комнат приготовлены для меня. Время от времени заходят советские офицеры — они приносят книги или играют со мной в шахматы. На мой несколько ироничный вопрос, как долго еще они

намерены таким вот образом коротать со мной время, офицеры не отвечают, лишь обаятельно улыбаются. И все же это не тюрьма, скорее, "золотая клетка". Соблюдается лишь одно условие — полная тайна моего пребывания здесь. Позднее я узнаю почему: вдова Чехова, моя тетя Ольга Книппер-Чехова, еще жива. Она не должна знать, что я в Москве".

Допросы тоже обставлены с крайней учтивостью. "Я сижу в просто меблированном помещении, напротив — несколько офицеров. Они вежливы, говорят по-русски, немецки и французски и ведут себя так, словно собираются всего лишь попрактиковаться в иностранных языках.

В это время я ломаю себе голову над явными и скрытыми причинами моего странного ареста: сижу, внутренне сжавшись, как пружина, ожидая, что один из этих офицеров вот-вот заорет на меня и бросит в какую-нибудь сырую камеру. Ничего подобного, никто не вскакивает и не кричит, более того — ни одной угрожающей интонации в голосе. Вопросы их о том о сем: они болтают о литературе, музыке, театре и кино; и только вскользь интересуются, вмешивался ли Геббельс в театральные репетиции, насколько сильно диктовал условия кино, с какого времени Геринг и Геббельс стали соперничать на культурном поприще в Берлине, какие личные впечатления у меня от Гитлера, Геринга, Геббельса и Муссолини, что мне известно о Бормане, ближайшем доверенном лице и советнике Гитлера, и почему Генрих Георге так сильно симпатизировал нацистам, хотя до 1933 года был убежденным коммунистом…

На все эти вкрапленные в нашу беседу вопросы я отвечаю более или менее исчерпывающе. О Геббельсе могу рассказать многое, о Гитлере, Геринге и Муссолини меньше, а о Бормане вообще ничего. Я его никогда не видела.

При упоминании о Бормане офицеры становятся настойчивее, но я вынуждена их разочаровать".

Русские в Берлине

Война была окончена. Советский вождь стремился не только получить из Германии все ценное для СССР, но и сделать ее социалистической. А зная историю и то, что менее ста лет назад офицеры-декабристы вышли на Сенатскую площадь после зарубежного похода русской армии, вождь народов не хотел повторения. Тем более что в Советском Союзе уже случались конфликты между вернувшимися на Родину заслуженными фронтовиками и местной властью. Конфликты не политические, а скорее обыденные, но у многих из демобилизованных оставались не сданное именное или трофейное оружие (в основном — пистолеты), о чем вождю докладывали бдительные органы…

Волю Сталина в советской зоне оккупации должны были осуществлять не герои только что закончившейся войны, а представители спецслужб — при участии соответствующих советских ведомств, занимавшихся промышленностью и техническими разработками.

Но и налаживание отношений с местными деятелями культуры значилось в списке первоочередных дел. И Ольге Чеховой в этом, как выяснилось, вскоре была отведена весьма важная роль, исполнять которую ей придется при советском коменданте в качестве режиссера.

Доклад члена Военного совета 5-й ударной армии члену Военного совета 1-го Белорусского фронта о создании военных комендатур в Берлине и настроениях жителей города

2 мая 1945 г.

Докладываю о состоянии работы по созданию военных комендатур в Берлине.

В период с момента вступления войск нашей армии в Берлин до 1 мая с. г. организована работа военных комендатур в 12 районах Берлина.

Помещения военных комендатур быстро приводились в культурный вид. К 1 мая у входов в здания всех комендатур были вывешены советские флаги, на зданиях, внутри помещений комендатур были вывешены лозунги с призывами ЦК ВКП(б) к 1 Мая.

Белые флаги на берлинских домах. Май, 1945 г.

Восточные районы Берлина действиями авиации и артиллерии разрушены в меньшей степени, чем центральные районы города. Основная масса промышленных предприятий восточной части Берлина находится в исправном состоянии.

Во всех районах города осталось большое количество местного населения. Из районов, не занятых войсками нашей армии, по линиям метро прибывает большое количество местного населения в восточные районы города. Отмечено много случаев, когда немецкие солдаты и офицеры, а также члены СС под видом гражданского населения направляются в расположение наших тылов из центра города. Как правило, отъявленные фашисты, владельцы крупных предприятий эвакуировались на запад.

Восточные районы Берлина не отличаются наличием большого количества крупных промышленных предприятий. Наличие и состояние фабрик, заводов и других промышленных предприятий частично учтены, работа по этому вопросу продолжается.

Основные промышленные объекты Берлина, различные склады и важные учреждения берутся под охрану. Из крупных промышленных предприятий в восточной части Берлина заслуживает внимания станкостроительный завод в пригороде Марцан. Завод во время войны выпускал минометы, головки и стаканы к отрядам, противотанковые гранаты. При заводе имеется в полной сохранности силовая станция с тремя турбинами.

В районе Лихтенберг в полной исправности имеются следующие заводы и фабрики: железопрокатный завод акционерного общества Бетак, бумажная фабрика общества Хербст, на которой имеется запас сырья 100 т (бумаги) и 50 т готовой бумажной продукции, маргариновый завод голландского акционерного общества Франденберг, где имеется склад готовой продукции.

В районе Карлсхорст в исправном виде имеется газовый завод с полным оборудованием, завод авиационной фанеры с запасом сырья на 6 месяцев.

В районе Хорст-Бессель расположены механический завод с полным оборудованием, трикотажно-шелковая фабрика с наличием сырья на 3 месяца работы.

На ж.-д. вокзалах Берлина имеется большое количество паровозов, пассажирских и товарных вагонов, платформ, цистерн, а также различного ж.-д. оборудования.

С 28 апреля с. г. на всех улицах занятых нами районов Берлина расклеены приказ № 1 начальника гарнизона и военного коменданта Берлина и приказ № 5 Военного совета 1-го Белорусского фронта, а также 3000 листовок "Маршал Сталин о Германии и немцах".

Во всех занятых районах Берлина создаются из числа местных жителей группы содействия. Группы работают под руководством и контролем районных и участковых военных комендантов.

В обязанность групп содействия вменены: перепись местного населения, наведение чистоты и порядка на улицах и дворах (очистка их от мусора и нечистот), выявление и учет продовольственных запасов для снабжения населения района, пуск в ход коммунально-бытовых и пищевых предприятий: водопровода, электростанций, канализации, мельниц, пекарен, булочных, консервных заводов, кондитерских и т. д., организация торговли хлебом, картофелем, мясом и изделиями легкой промышленности по удовлетворению нужд населения, открытие бань, парикмахерских, больниц, аптек, швейных и сапожных мастерских, привлечение для работы в открываемых предприятиях и учреждениях специалистов: инженеров, техников, врачей, различных мастеров и квалифицированных рабочих, содействие в ремонте и оборудовании железнодорожного транспорта, приведение в порядок вокзалов и железнодорожных путей.

30 апреля 1945 г. с инженерами, техниками и мастерами промышленных, пищевых, коммунально-бытовых предприятий и учреждений проведено совещание по налаживанию работы предприятий и учреждений. Во всех районах военные коменданты через созданные из местного населения группы содействия открывают работу пищевых предприятий, магазинов и бытовых учреждений по обслуживанию местного населения.

Продовольственные продукты отпускаются населению через магазины по карточкам, выданным бургомистрами районов (хлеба 150 г, картофеля 300 г на человека). В большинстве случаев открытие и работа бытовых учреждений тормозится отсутствием электроэнергии. В районах производится ремонт электростанций, с пуском которых (в ближайшие дни) представится возможность обеспечить все коммунально-бытовые учреждения электроэнергией.

В районе Фридрихсфельде работает 9 хлебопекарен с общей производительностью 12,14 тонн. хлеба, что вполне обеспечивает суточную выдачу хлеба населению через 9 хлебных магазинов. Имеется 1 больница, полностью укомплектованная медперсоналом и оказывающая медицинскую помощь населению. Открыты и работают скобяной, мебельный, ювелирный магазины. Населению в счет апрельско-майской нормы выдано 30 тот мяса, хранившегося в холодильнике колбасной фабрики. В нескольких магазинах выдается по карточкам картофель (300 г на человека).

Политические настроения жителей Берлина

Сопротивление немецко-фашистских войск вызывает острое реагирование многих местных жителей Берлина.

Рудольф Мюллер (54 года, житель района Лихтенберг, рабочий электростанции) заявил: "…Мы никак не можем понять, почему немецкие солдаты продолжают проливать кровь за Гитлера. Война давно проиграна, и дальнейшее сопротивление повлечет за собой лишь разрушения и поставит в бедственное положение население Берлина".

Многие жители не знают о полном окружении Берлина Красной Армией и полагают, что с запада союзные нам войска остановлены на Эльбе.

При опросе жители показывают, что все ценности, продовольственные и вещевые склады нацисты спрятали в метро. Обследование станций метро района Фридрихсфельде полностью подтверждает эти показания.

На заборах и стенах домов районов Берлина нацистами при отступлении написано много лозунгов, свидетельствующих об их безумной решимости до последнего солдата защищать Берлин.

На улицах различных районов города можно видеть лозунги: "Берлин будет немецким", "Победа или Сибирь", "Вена снова будет немецкой", "Плюнь тому в лицо, кто не может обороняться".

При вступлении частей Красной Армии в различных районах были сняты с виселиц повешенные немецкие солдаты с надписями на груди: "За малодушие", "За дезертирство", "Я повешен за то, что плохо защищал родину".

После проведения разъяснительной работы работниками комендатур, особенно после распространения приказа № 1 начальника гарнизона Берлина и приказа № 5 Военного совета 1-го Белорусского фронта, к комендантам районов стали приходить многие жители с предложением своих услуг для организации местных управлений, налаживания работы предприятий и торговли. Многие из посетителей комендатур именуют себя членами коммунистической партии Германии и просят разрешить им оформить свою партийную организацию. Один из них с партийным документом на руках (коммунист Георг Лепс, 52 года, пекарь) заявил, что еще до прихода Красной Армии они пытались организовать борьбу против фашистов.

Из бесед с населением (Пауль Клюгер, 48 лет, рабочий-железнодорожник, беспартийный; Эмиль Шредер, 42 года,

служащий почты, беспартийный, и другие) установлено, что они знают о происходящей конференции в Сан-Франциско и интересуются ее решениями. Задаются вопросы о территории послевоенной Германии, об управлении, экономике и о том, будет ли Берлин немецким или открытым городом.

В последнее время среди населения распространялись упорные слухи о якобы происшедшем разрыве дипломатических отношений между СССР и Англией, причем выражалась уверенность, что Германия будет спасена общими усилиями Англии и Америки.

После разъяснения среди военнослужащих Красной Армии директивы № 8672 от 20.4.45 г. Ставки Верховного Главнокомандования и директив № 10853, 10854, 10855 ВС 1 БФ резко изменилось отношение военнослужащих к немецкому населению. Стало меньше случаев изнасилования, барахольства и грабежа.

В военные комендатуры районов после опубликования приказа № 1 начальника гарнизона и коменданта Берлина местные жители приносят большое количество радиоприемников, телефонных аппаратов, пишущих машинок и других множительных приборов.

Характерно отметить, что оружия и боеприпасов от населения поступает очень мало.

Работникам военных комендатур систематически оказывают практическую помощь офицеры инспекторской группы, которые ежедневно выезжают во все районные комендатуры.

Член Военного совета 5-й ударной армии генерал-лейтенант Боков.

Знаменитый маршал Жуков, над которым уже сгущались тучи сталинского неудовольствия, был хорош для самого первого этапа после Победы — под руководством легендарного полководца Советский Союз, не помня зла, помогает немцам, пострадавшим от гитлеровской авантюры и нацистского произвола. Сначала — кормление голодных немок и детей (большинство боеспособных немцев были призваны в гитлеровскую армию или ополчение, ранены, погибли или попали в плен), потом — дальнейшее налаживание жизни.

"Кто лучше других справится в такой, поистине отчаянной обстановке с обязанностями хозяина — коменданта Берлина? — восклицал Скоробогатов в своей книге о Берзарине. — Для командования Красной армии это был непростой вопрос. В подчинении комфронта маршала Г.К. Жукова служило немало умных, толковых, деятельных генералов. Многие из них прошли

большую боевую и жизненную школу, умело руководили войсками. В военных училищах, в академиях их учили премудростям оперативного и тактического искусства, практике комендантской службы. В этом отношении вроде бы проблем не возникало. Однако это только на первый, поверхностный взгляд. А копни глубже — все не так-то просто. Поверженный многомиллионный Большой Берлин — случай особый, исключительный.

Это взятый штурмом главный город огромного европейского государства. Будущий статус его неизвестен. Во всемирной истории войн никогда ничего подобного не происходило…"

Н.Э. Берзарин

24 апреля маршал Жуков назначил генерал-полковника Н.Э. Берзарина комендантом и начальником гарнизона Берлина. Через три дня комендант Берзарин издал приказ о принятии на себя всей административной и политической власти в Берлине. 28 апреля была запрещена деятельность НСДАП.

11 мая в Берлин прибыл Микоян, который приступил к обсуждению продовольственной проблемы. Для прокорма населения Жуков и Берзарин выделили 6 миллионов пудов муки и зерна, около 100 тысяч тонн крупы, несколько тысяч голов крупного рогатого скота. Обсуждались также нормы выдачи молочных продуктов и передачи самоуправлению Берлина какого-то количества трофейного молочного скота. 14 мая в Берлине начало работать метро. 20 мая прошло организационное заседание нового магистрата Начали выходить газеты, заработала почта. Пленных военных врачей отпустили на свободу с

условием, что они будут работать в медицинских учреждениях города.

Наладить контакты с немецкой интеллигенцией оккупационным властям помогала актриса Ольга Чехова…

Комендант Берзарин получил свыше распоряжение всячески заботиться об актрисе. Если верить Скоробогатову который сам был участником событий, генералу подобное поручение было не по душе. Возможно, артистка это почувствовала, по крайней мере, как свидетельствует биограф Берзарина, "Василий Иванович Качалов, народный артист СССР, с которым Н.Э. Берзарин был знаком с весны 1941 года, пытался по телефону "растопить лед", звонил из Москвы в Берлин, разговаривал с Николаем Эрастовичем. Мол, посодействуйте… Последовал холодный ответ: "У этого прекрасного дитяти заступников, нянек хоть отбавляй. Говорите, Василий Иванович, о ком-нибудь другом, — заметил комендант. — По моему распоряжению, Василий Иванович, ее обслуживает адъютант-москвич, образованный офицер в чине полковника. Что ей еще требуется?" Качалов растерянно извинился, и разговор прервался".

Драматург-контрразведчик

Однако не только сугубо творческие люди интересовались судьбой актрисы. Когда Чехова была доставлена в Москву, с ней беседовал сам Меркулов, который помимо своей деятельности в спецслужбах имел склонность к написанию драматических произведений. Как известно, его перу принадлежали две пьесы. Первая была написана в 1927 году и повествовала о борьбе американских революционеров. Вторая, "Инженер Сергеев", была опубликована в 1941 году под псевдонимом Всеволод Рокк и посвящена подвигу рабочего, ушедшего на фронт. Эта пьеса успешно шла во многих советских театрах.

Сын Меркулова, Рам Всеволодович, вспоминал, со слов отца, такой эпизод: "…в конце войны в Кремле проходил прием, на котором присутствовали Сталин, члены Политбюро, военные, писатели, артисты. Как руководи гель госбезопасности отец старался находиться рядом с Иосифом Виссарионовичем. В какой-то момент Сталин подошёл к группе артистов и завёл с ними разговор. И тут одна артистка с восхищением воскликнула, мол, какие прекрасные пьесы пишет ваш министр (к тому времени наркомат госбезопасности был переименован в министерство). Вождя это очень удивило: он действительно не знал, что отец пишет пьесы, которые идут в театрах. Однако Сталин не пришёл в восторг от такого открытия. Наоборот, обращаясь к отцу, он строго произнёс: "Министр государственной безопасности должен заниматься своим делом — ловить шпионов, а не писать пьесы". С тех пор папа уже никогда не писал: как никто другой, он знал, что слова Иосифа Виссарионовича не обсуждаются".

Кроме того, Меркулов участвовал в редактуре доклада "К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье", с которым Лаврентий Берия выступал в 1935 году, подготовил для "Малой советской энциклопедии" статью о Л.П. Берии.

Меркулов и Ольга Чехова были знакомы давно — еще с 1940 года, со времен визита в Берлин советской делегации во главе с Молотовым. Английский историк Энтони Бивор в книге "Тайна Ольги Чеховой" подробно описывает, как произошла та встреча на обеде в советском посольстве. Гитлера на обеде не было, но присутствовали фон Риббентроп, рейхсмаршал Герман Геринг и Рудольф Гесс. "В какой-то момент, — пишет Бивор, — Ольгу Чехову отвели в сторону… и представили Меркулову…", которого британец именует на тот момент восходящей звездой большевистского режима. Бивор переработал немало документов и мемуаров, однако ему пришлось признать, что либо роль Ольги

Чеховой в делах разведывательных была не так значительна, либо очень хорошо замаскирована. Поэтому он вынужден оговориться, что без материалов НКВД невозможно с точностью сказать, принес ли этот источник информации много пользы Сталину. Однако он предполагает: "…конечно, она была очень удобна для того, чтобы давать информацию по двум самым важным вопросам для советской разведки — стремлению Сталина знать, откуда у Гитлера столько сил, и вопрос наличия в Германии влиятельных людей, пытавшихся убедить руководство не нападать на Советский Союз…"

Иногда Бивор называет Чехову "просто выскочкой", но признает, что хотя документальных свидетельств ее работы на разведку у него нет, однако весьма красноречив тот факт, что советская власть даже в суровые военные годы "из семьи Книппер не тронула никого". А после возвращения из Москвы актриса получила в подарок охраняемый НКВД особняк в берлинском Фридрихсхагене.

"Как часто бывает, ни то, ни другое нельзя считать целиком правдой. Ольга Чехова принимала приглашения на нацистские приемы частью для того, чтобы обеспечить себе карьеру, частью из любопытства. Они не была ни наци, ни коммунисткой", — утверждает Бивор и добавляет, что Ольга просто "всегда стремилась выжить и ради этого могла при необходимости пойти на любую сделку". Собственно, книга Бивора о Чеховой и представляет собой не столько захватывающее шпионское повествование, сколько историю о борьбе за выживание.

И это неудивительно. Даже многоопытному агенту при столкновении с представителями пусть и своих, но просто других спецслужб приходится думать именно о выживании… А уж тем более при разговоре с самим Меркуловым. "Ольге Чеховой пришлось выслушивать его рассуждения о проблемах реализма в киноискусстве, о системе Станиславского, — пишет Василий Скоробогатов. — Остросюжетная драма Всеволода Рокка "Инженер Сергеев" стояла в репертуаре МХАТа и пользовалась немалым успехом у молодежи, особенно студентов технических вузов. В ней, кроме интриги, трудно было не усмотреть "большой политики". А интрига… Автору не пришлось высасывать ее из пальца, он жил в атмосфере гораздо более изощренных интриг и провокаций. Ольга Чехова попросила текст пьесы у автора и накануне прочла ее. Она с похвалой отозвалась о сюжетной линии драмы. Насчет интриг… Меркулов в них сам запутался и при Н.С. Хрущеве на суде получил соответствующую статью УК РСФСР и был расстрелян".

Тайные приказы Гитлера и последняя база

Конечно, среди тем, которые неминуемо должны были интересовать сотрудников советских (и не только) спецслужб, была возможность бегства из осажденного Берлина как самого Гитлера, так и лиц из его окружения. Ольга Чехова в своих мемуарах касалась только общепринятых финалов их судьбы — самоубийства фюрера, смерти Геббельса со всей его семьей… Однако были и вопросы, которые даже в протоколы не всегда попадали. Одна из версий спасения Гитлера из Германии в 1945 году связана с немецкими подводными лодками. Фюрер и его ближайшие преданные сторонники не погибли в руинах Рейхсканцелярии, а были эвакуированы "морскими волками" — подводниками адмирала Карла Деница в последнюю секретную базу — "Новую Швабию". Неслучайно адмирал был назван в завещании Гитлера вождем (по сути — номинальным, доживающим последние дни) "Тысячелетней Империи".

Что такое эта "Новая Швабия" (она же — "Земля Королевы Мод", "Ледовая твердыня Генриха")? Распространенная "эзотерическая" версия: немцы создали в Антарктиде неприступную крепость ("базу 211"), на которой базировались не только подлодки, но более совершенные аппараты, созданные гением германского народа и воплощенные в жизнь покорными специалистами и рабочими из покоренных прежде стран. Большинство опубликованных материалов (из разных источников), связанных с "Новой Швабией" — слишком часто повторяют друг друга, словно "исходная" информация была "расфасована" в порции и к ним подготовлены комментарии…

Наиболее распространенные "факты", связанные с этой легендарной базой, можно коротко изложить следующим образом:

1. В 1938–1939 гг. Германия организовала в Антарктиду две экспедиции. С самолетов была сфотографирована территория свыше 350 тысяч квадратных метров. Были сброшены через каждые 25 километров вымпелы. Территория получила название "Новая Швабия".

2. С начала 1939 года между ней и Германией совершались регулярные рейды исследовательского судна "Швабия" и эскадр немецких подводных лодок. Это продолжалось до самого конца войны.

3. Вскоре после завершения войны (летом 1945 года) две

немецкие заблудившиеся подлодки сдались аргентинским властям.

4. Союзники после победы и инвентаризации захваченной военной техники рейха недосчитались нескольких десятков подводных лодок последних моделей (т. е. более совершенных) именно потому, что те своевременно уплыли в Новую Швабию, где и стали ядром подводного флота Четвертого рейха.

Пункт 1 — соответствует действительности, был опубликован научный отчет экспедиции (в том числе — недавно на русском языке), не содержащий сведений ни о каких базах и чудесах.

Пункт 2 вызывает большие сомнения, поскольку не подтвержден никакими сведениями из архивных документов.

Но наибольший интерес вызывают пункты 3 и 4, на которых стоит остановиться подробнее. Дело в том, что США и Британия после 9 мая 1945 года не поверили уверениям руководства СССР о самоубийстве Гитлера и находке его тела, подозревая Сталина в обмане или же предполагая, что гитлеровские спецслужбы сумели его обмануть, подсунув вместо Гитлера двойника. Ведь вожди рейха знали секреты тайных счетов и запрятанных сокровищ, многие из которых так и не найдены до сих пор.

В книге Хайнца Шаффера "U-Boat 977. Воспоминания капитана немецкой субмарины, последнего убежища Адольфа Гитлера" есть такие строки: "Дело в том, что с 17 августа 1945 года (момента сдачи лодки аргентинским властям) надо мной постоянно тяготело обвинение: "Вы, Шаффер, тот человек, который привез Гитлера в Аргентину!" После этого, имел ли я дело со специальной комиссией союзников, приземлившейся в Буэнос-Айресе, или с офицерами американской разведки, отправившими меня в Вашингтон, чтобы подвергнуть допросу экспертов Британского адмиралтейства, я вынужден был сражаться изо всех сил, чтобы оправдать себя.

Нелегко забыть то значение, которое придавали нашему появлению в Аргентине. Его расценивали как один из ключей к решению не одной важной политической тайны. "Именно потому, что вы помогли бежать Гитлеру, Шаффер, — говорили мне, — вы гораздо более интересны с нашей точки зрения, чем даже Скорцени, освободивший Муссолини"".

Но это оказалось только началом злоприключений Шаффера — масла в огонь подлили местные репортеры, раздувая сенсацию: "Газета города Монтевидео, "Эль-Диа", опубликовала рассказ о том, что Гитлер отправился на борту моей подлодки сначала в Патагонию, а затем в Антарктиду. Легко понять, какой эффект это произвело во всем мире, особенно после полного провала попытки найти какой-нибудь след главы Третьего рейха под

руинами рейхсканцелярии в Берлине. Слух, появившийся в Монтевидео, моментально подхватили. Газеты всего мира выходили со все более сенсационными историями. И все это время я, заключенный, вынужден был молчать. По правде сказать, я не знаю, что больше приводило меня в ярость: безответственные торговцы сенсациями или те сообщения, которые доходили до меня. В них подло описывалось, как когда-то гордые вооруженные силы Германии были рассеяны победителями.

Затем однажды я получил сюрприз — предстал перед англо-американской комиссией, состоявшей из очень упрямых офицеров высокого ранга, специально отправленных в Аргентину расследовать таинственный случай с U-977.

— Вы увезли Гитлера, — твердили они. — Говорите, где он?"

Но на этом эта история не закончилась — в многочисленных публикациях, появляющихся с завидной регулярностью уже более шести десятилетий, рассказывается о "Призрачном конвое" Гитлера, подлодки которого не только переправили в Антарктиду фюрера и Еву Браун в сопровождении преданных единомышленников (как обычно, союзникам достались только тела двойников), но и легендарное "Копье Судьбы", которым так дорожил Гитлер. Роль капитана Шеффера в этих текстах объясняется по-разному: то он оказывается истинным арийцем, отвлекающим на себя внимание западных спецслужб, то струсившим командиром германской субмарины, бросившим фюрера в трудную минуту и сдавшимся союзникам, надеясь на прощение за участие в подводной войне. Есть и версии, в которых говорится о том, что U-977 высадила Гитлера и его спутников в укромном месте на побережье Южной Америки перед тем, как сдаться аргентинским властям.

Другой распространенный миф связан с "послевоенной судьбой" Мартина Бормана. Недаром Ольга Чехова отмечала, что при упоминании этого имени ее московские собеседники проявляли особо острый интерес.

Ничего удивительного — согласно одной из версий, Борман, один из вождей Третьего рейха, в глубочайшей тайне с 1942 года осуществлял руководство созданием немецкой колонии на границе Бразилии и Парагвая. На подставных лиц были куплены земельные участки площадью несколько тысяч квадратных километров.

М. Борман

После падения Берлина Борману удалось сбежать в немецкой подводной лодке, захватив с собой значительные сокровища. В финале этой легенды рассказывается о том, что Борман умер в 1959 году в Парагвае и был похоронен в небольшом парагвайском городке Ита… В другой, "соседней", версии — в Аргентине в 1975 году…

Но стоит обратить внимание на то, как на самом деле пытались некоторые руководители Третьего рейха в мае 1945 года спастись, использовав для этого немецкие подводные лодки. Уже после самоубийства Гитлера к его преемнику Дёницу в Фленсбург явился гауляйтер Восточной Пруссии и рейхскомиссар Украины Кох и потребовал срочно предоставить ему подводную лодку ***для*** отправки на ней в Южную Америку. И он был не единственным — с подобным требованием к Дёницу обратился и гаулейтор Лозе. Оба высокопоставленных нациста получили от гросс-адмирала отказ в более чем резкой форме. Несмотря на то что архивы военно-морского флота Германии сохранились (они не были уничтожены, потому что командующий ВМФ Дёниц считал, что флот рейха вел войну по международным правилам), в них нет сведений о перевозках подлодками людей и грузов в Латинскую Америку.

Впрочем, есть и такая версия, что рейхсляйтер Борман тоже был советским агентом. И окончил свои дни он не в Аргентине, а

на просторной государственной даче в московском Серебряном Бору. Более того, даже погребен был на одном из престижных столичных кладбищ под настоящим именем…

На протоколах московских бесед с Ольгой Чеховой Берия поставил резолюцию: "Тов. Абакумов. Что предполагаете делать в отношении Чеховой? Лаврентий Берия".

Ответ можно определить по дальнейшим событиям. 26 июля 1945 года Ольгу Чехову доставили обратно в Берлин. Устно Абакумову было передано распоряжение позаботиться о том, чтобы актриса и ее близкие не испытывали ни в чем недостатка. Приказ был выполнен: актрису снабжали продовольствием, отремонтировали ее дом, предоставили полную свободу передвижения и в восточной, и в западной зоне оккупации, обеспечили охрану всех членов семьи. Из этого впоследствии историками и был сделан вывод, что Ольга Чехова была советской разведчицей. Сама она отрицала подобное, но сын Берии — Серго — в своей книге "Мой отец Лаврентий Берия" подтвердил эту информацию. Сергей Лаврентьевич писал: "Меня нисколько не удивляет, что органы госбезопасности бывшего Союза, а ныне России, не смогли подтвердить причастность Ольги Чеховой к деятельности советской разведки. Наверняка таких документов нет. Объяснение простое: мой отец ни тогда, в сорок пятом, ни позднее решил ее не раскрывать. Случай, должен сказать, довольно типичный. По картотекам органов не проходили — знаю это совершенно точно — сотни фамилий. Отец считал, что "настоящего нелегала через аппарат пускать нельзя…" Чехова была связана с моим отцом много лет".

По некоторым неофициальным сведениям, последнее задание разведки Ольга Чехова выполняла летом 1953 года. Берия, рассматривавший возможность объединения Германии на условиях ее нейтралитета, намеревался через актрису войти в контакт с канцлером Конрадом Аденауэром. Роль связной при этом выполняла опытная разведчица Зоя Рыбкина, обретшая потом известность как детская писательница Воскресенская.

О тайне очарования Ольги Чеховой рассуждают и спорят не меньше, чем о ее роли в поединке спецслужб во время Второй мировой войны.

Эксперт по психотехнике речи Зинаида Федотова так определяет сущность легендарной звезды экрана и сцены: "Ольга Константиновна Чехова, урожденная Книппер: актриса, любимица Гитлера, суперагент Сталина. Женщина-феерия. Женщина-вамп… Загадочное создание, вызывающее непременное желание наконец победно воскликнуть: "Маска, я тебя знаю…" Однако… Ни один из современников дивы, киноведов, бытописателей так и не смог

честно признать того, что ему это удалось — "предмет" исследований не поддавался расшифровке даже при штудировании, казалось, очень личных воспоминаний "Мои часы идут иначе"… Так что это — сверхконспирация или мимикрия? Ни то, ни другое — просто естество…

Длинноногая голубоглазая красавица, элегантная аристократка, с непроницаемым лицом и манящей улыбкой красивых тонких губ. Элегантность и сила характера во всем: походке, движении рук, выброшенном взгляде из-под длинных ресниц.

З.И. Рыбкина (Воскресенская)

Именно это в первую очередь видели те, кто пытался поймать образ Ольги Чеховой, чтобы объяснить извивы ее жизни… А мелодичный голос… какова его роль? Вот-вот, тот самый ключ к разгадке в общем вполне логично-романтической натуры.

Ольга Константиновна, видимо, унаследовала от бабушки Анны Ивановны Зальц музыкальность (она была одаренной музыкантшей, как отмечали современники) и прекрасный голос, богатый обертонами.

Обертоны — это высокочастотные призвуки, входящие в звуковую ткань собственно голоса… По ним определяется тембр, и именно они влияют на кору головного мозга воспринимающего звук человека. Это вибрации, которые вызывают резонанс в теле слушателя. Свободное владение голосовыми интонациями влияет на слушателя и подчиняет его внимание. Известный ученый XX века Вильгельм Райх представлял голос человека как выход оргонной энергии. Такой эмоциональный энергетический заряд имеет физическую природу и вызывает физическое воздействие на слушателя…

Ольга Константиновна — романтик, и все, что с ней происходило, было окрашено этим чувством. Она бросалась в волны предлагаемых обстоятельств с эмоциональным накалом… Красота облика соединялась с красотой звука… Редкая гармоничность внутреннего мира…"

"Много над этим смеялась"

Василий Скоробогатов описывает и такую сцену, связанную с Чеховой: "При выходе из комендатуры у ворот я оказался рядом с раскуривавшим трубку писателем Константином Симоновым. С ним единственный раз я встречался летом 1942 года на Волге, в селении Садки, в штабе 4-й танковой армии. Он же здесь взглянул на меня, как на старого знакомого. Пожал руку и спросил:

— Не под вашей ли опекой находится Ольга Чехова?

Я несколько подрастерялся и ответил:

— Никак нет, Константин Михайлович!

Симонов, подумав, произнес:

— Ах, вспомнил, она во владениях полковника Бушина.

Бушин — бывший мой командир полка.

— Подождите, я вам его найду! — сказал я и через несколько минут представил ему Григория Бушина.

Сам я не стал задерживаться, ушел. В моей голове вопрос Симонова застрял. Здесь, в Берлине, мои писари при мне рассматривали кипу фотографий, на которых красовались кинозвезды. Под снимком одной красотки стояла подпись: "Ольга Чехова". Я подумал: наверное, какая-то эмигрантка-бродяжка. Таких особ за границей немало. И вдруг фамилию этой актрисы я услышал из уст Константина Симонова. Значит, она, Ольга Чехова, не бродяжка? Он — признанный драматург и киносценарист, хочет вступить с ней в творческий контакт? С этими мыслями я вернулся в свой штаб. Спросил Гришу Дубовцева, писаря, о той куче фото. Их уже не было. Кто-то унес…"

Но и без фотографий, слегка изучив ситуацию, Скоробогатов заметно сменил интонацию, с которой повествовал о кинозвезде: "Эмигрантка из России, Ольга Константиновна Чехова стала в Германии знаменитой киноактрисой, помимо этого имела певческий голос — меццо-сопрано. По-видимому, ее завербовал Владимир Георгиевич Деканозов, бериевский земляк. В Берлине он, матерый чекист, с легкой руки Вячеслава Молотова с ноября 1940 года сидел в кресле посла. Она активно служила нашей Чека, внедрилась в немецкое сопротивление нацистскому режиму. Сотрудничала с "Красной капеллой", полковником Генерального штаба графом Шенком фон Штауффенбергом и другими запредельно храбрыми людьми. Может, ей не совсем доверяли, но она оказывала им некоторые услуги…"

Среди тех, кто брал интервью у Ольги Чеховой, был писатель

Вадим Собко. Он записал с ее слов стихотворение, автором которого был Харро Шульце-Бойзен (один из лидеров "Красной капеллы"):

Перед последним рубежом
Мы подводим жизни итог
Спросим себя в этот час роковой:
А стоило жизнь так пройти?

Ответ один, он такой простой:
Мы были на верном пути.

Когда смерть держит тебя в когтях,
Жить хочется, как назло.
Но нет сожалений ни в мыслях, ни в снах:
Нас правое дело вело.

Топор и веревка нас не страшат —
Не выигран ими спор.
Пусть судьи суд свой неправый вершат,
Не вечен их приговор.

Скоробогатов вспоминает о рассказе полковника Бушина, которому Ольга Чехова на его вопрос о том, как же она спаслась от ареста, пояснила: " Самое поразительное в истории "Красной капеллы" то, что в ней не нашлось предателя. Радиообмен. Это уязвимое место. Организация после первых арестов еще действовала более полугола, даже больше. Ведь были же события, обозначенные "20 июля""… Это был, как известно, тот день, когда в 1944 году полковник фон Штауффенберг совершил покушение на Гитлера.

Одна из версий, выдвигавшихся в западной прессе, гласила, что Ольга Чехова была не просто любимой актрисой Гитлера, но и его любимой женщиной. Более того, их отношения не остались без естественных последствий, и пребывание артистки в Москве было нужно для того, чтобы она могла скрытно произвести на свет ребенка, отцом которого был уже покойный к тому времени фюрер.

Чехова, естественно, отрицала это, говоря, что в Германии многие из зависти к ней как к знаменитости или из желания скомпрометировать ее в глазах русских запросто могут распространять слухи о наличии у нее близких отношений с Гитлером. В дневнике, который Ольга Константиновна вела в Москве на немецком языке, есть такие слова: "Сообщения,

которые обо мне распространяются, достойны романа. Видимо, получены сведения, что я была близка с Гитлером. Боже мой, я много над этим смеялась. Каким образом и почему ведутся эти интриги?"

Отто Дитрих в книге "Двенадцать лет с Гитлером. Воспоминания имперского руководителя прессы. 1933–1945" утверждал, что фюрер предпочитал любоваться женщинами платонически: "В берлинской квартире он любил посидеть за чашкой чая у камина с Лени Рифеншталь… Он испытывал величайшее уважение к талантам певиц Марии Мюллер и мадам Урсуляк, как и к прочим известным оперным артистам; восхищался Хенни Портен, считая ее великолепной киноактрисой. Когда Бригитту Хельм обвинили в убийстве в результате автомобильной аварии, Гитлер позаботился о том, чтобы дело замяли. В доме Геббельса он познакомился с Ольгой Чеховой, Жени Юго и многими другими актрисами. Ходили сплетни, что со всеми этими женщинами у него были интимные отношения. Это абсолютная ложь.

Из уважения к настоящим артистам Гитлер всегда защищал интересы танцовщиц и звезд эстрады. Например, он издал закон, запрещающий представления на туго натянутой проволоке без сетки. Был издан специальный указ о повышении социального положения артистов балета. Да, он приглашал на дом Дину Грейс и других танцовщиц танцевать специально для него, но никогда не переступал границ обычного гостеприимства и вежливости. Нельзя быть настолько нетерпимыми, чтобы утверждать, что глава государства не имеет столько же прав на общество женщин, как и обычный человек.

Гитлер, вне всякого сомнения, имел слабость к женщинам, но не в каком-то предосудительном значении с моральной точки зрения. Он был галантен по отношению к ним, но сдержан; поклонником, но не любовником. Вегетарианец и трезвенник, Гитлер не имел склонности к свиданиям тет-а-тет и романтическим ужинам. Грандиозность его целей не допускала маленьких удовольствий жизни. Его воля к власти исключала мелкие банальные радости жизни. Надо сказать, что его отношение к женщинам было двойственным, как и все остальное в его жизни. Он остерегался публичности в отношении своей личной жизни; в интересах государства и собственной репутации он старался скрывать свою личную жизнь… Гитлер никогда не интересовался политическими взглядами знакомых женщин; он любил видеть их красиво и дорого одетыми. Как бы то ни было, он не был донжуаном; скорее он был странным монахом, любившим напустить на себя подозрения в многочисленных

любовных связях, хотя никто из его ближайшего окружения никогда не замечал признаков интимных отношений".

Но жаждущие сенсаций, конечно, не унимались. 14 ноября 1945 года в газете французского сектора Берлина появилась заметка "Орден Ольге Чеховой". Текст гласил: "С первых дней войны Ольге Чеховой, как другу министров иностранных дел фон Риббентропа и Чиано, была постоянно предоставлена комната в главной квартире. Ей удалось добиться особенного расположения Гитлера, который в ее честь устраивал даже большие приемы. Когда он ей раз нежно поцеловал руку и на глазах нескольких тысяч подчиненных удалился с ней в соседнюю комнату, это вызвало среди сделавшихся недоверчивыми высших нацистов замешательство.

Влияние, которое Чехова оказывала на Гитлера, было известно в рядах высших военных и промышленных кругов, и его отношение к ней использовалось соответствующим образом. Часто ее делали посредницей, особенно в щекотливых обстоятельствах, которые тем не менее преследовали военный интерес. Таким образом один известный генерал через посредство Чеховой вытребовал у Гитлера специальные орудия, после того как он безрезультатно этого добивался раньше.

Годами она вела свою опасную игру, не будучи открытой гестапо. Только в самые последние дни, когда Красная Армия уже воевала в предместьях Берлина, шофер был арестован, а ей самой удалось избежать ареста гестапо.

Газета "Майнцер анцайгер" пишет, что известной киноартистке Ольге Чеховой лично Маршал Сталин передал высокую награду за храбрость".

Ольга Чехова получение ордена всегда отрицала. Ее заявление было даже официально распространено советской комендатурой: "1. Я никогда не получала такой высокой награды, к тому же лично от Сталина. Я до сих пор не имела чести познакомиться с генералиссимусом. В связи с 75-летием орден получила Ольга Чехова, вдова Антона Чехова, которая является моей тетей. 2. В штаб-квартиру фюрера я ни разу не входила и не знала даже, где она находилась. Гитлера я видела только на официальных встречах и почти не разговаривала с ним. Поэтому всякие просьбы военных и промышленных кругов в связи с моим влиянием на Гитлера — немыслимы. 3. Неверно также, что мой шофер в последние дни войны был арестован гестапо. Уже в течение 6 лет я не имела шофера. Этого шофера я не могла больше иметь потому, что доктор Геббельс с целью пропаганды четыре года тому назад отобрал автомашину, чтобы народ видел, что и видные люди также могут ходить пешком".

Вино для ольги

В мемуарах актриса утверждала, что после возвращения в Германию ей пришлось терпеть немалые лишения, как и всем простым людям после войны. Хотя популярность помогала выжить: "Солдаты и служащие оккупационной администрации, с которыми приходится сталкиваться, предупредительны со мной. Более того: некоторые просят фотографию — за это я иногда получаю от французов белый хлеб или вино, от русских — водку, сахар или перловку, а от американцев в большинстве случаев сигареты. Блок сигарет на черном рынке, где есть почти все, дороже золота…"

Однако по другим документальным свидетельствам можно заметить, что актрисе жилось не так уж плохо. Уже в середине июля 1945 года генерал-лейтенант А. Вадис докладывал в Москву, что Чехова вместе с семьей и имуществом переселена в восточную часть Берлина — Фридрихсхаген, где ей предоставлен дом номер 2 по улице Шпрее. В докладе сообщалось: "После переселения непосредственно нами и через военного коменданта были удовлетворены следующие просьбы Чеховой: произведена уборка и частичный ремонт дома; отремонтированы две принадлежащие ей автомашины; снабжена продуктами питания в размере двухмесячных пайков; на всю семью выданы продовольственные карточки; организовано снабжение молоком; приобретен уголь для отопления; вручено 5 тыс. марок; выставлена охрана в составе 3 человек… Чехова выражает глубокое удовлетворение нашей заботой и вниманием".

Кстати, среди документов, хранящихся в Доме-музее Чехова в Ялте, есть и воспоминания командира взвода 1660-го гвардейского противотанкового артиллерийского полка 1-го Украинского фронта Останина, повествующие о его встрече с Ольгой Чеховой. Ветеран указывал время событий — конец мая 1945 года, что не вполне согласуется с датами пребывания Ольги Константиновны в Москве. Но и память способна подвести, и те самые даты могли быть изменены Ольгой Чеховой в мемуарах не просто так… Останин пишет: "Шоферы нашего полка угнали чей-то спортивный автомобиль. Через некоторое время из комендатуры полка поступило грозное приказание: "Машину вернуть, а виновных строго наказать!" Меня вызвал командир полка и говорит: "Товарищ Останин! Садитесь в машину, берите с собой несколько банок консервов, хлеба, пару бутылок вина и езжайте по тому адресу, где твои остолопы взяли спортивный автомобиль. Уговорите хозяев, чтобы они позвонили коменданту

и сказали, что машина возвращена в целости и сохранности".

Еду в спортивной машине, моя — следом… Навстречу выходит моложавая женщина. Я пытаюсь объясниться, коверкая немецкие слова: "Гутен таг, фрау"… А она мне на чистейшем русском: "Здравствуйте!" — "Вы знаете русский язык?!" — спрашиваю. "Как не знать!" — отвечает. Даю команду своим орлам: "Несите в дом консервы, хлеб, сало, вино". Хозяйка улыбается и ставит на стол рюмки. Я наливаю нам с ней, а она солдатам: "Ребята, прошу к столу". — "Будем знакомиться, — говорю. — Я офицер Советской Армии, младший техник-лейтенант Останин". А она: "Ольга Чехова".

Потом позвонила в комендатуру: "Я сама разрешила солдатам покататься на своей машине". Происшествие было снято с полка".

"Что предприняли? — свидетельствует очевидец событий Василий Скоробогатов. — Актрисе вернули виллу, приведя ее в образцовый порядок. Она наняла персонал для обслуживания ее гостей. С реквизитом пока неважно, но это она берется решить самостоятельно. Она подобрала помещение для косметической фирмы, которую возглавит. Прически, маникюр, педикюр, массаж. Бомонд воскресает, а имя Чеховой завораживает. Бушин поведал мне, что материальная база для работы Ольги Константиновны создается. На первые встречи с ней уже приходили сценаристы, режиссеры, художники, с которыми она связана прежними знакомствами. Она устраивает обеды, а где обед, вечеринка, там и диспуты. Интеллигенция — штучный товар. Подход нужен… Во время таких дружеских приемов требуются деликатесы. Москва помогает, даже состоялся чартерный рейс. Привезли первосортные продукты, кондитерские изделия".

Описывает Скоробогатов и достойную авантюрного романа историю, как для Чеховой добывали хорошее вино. Полковник Бушин пожаловался ему:

"— На наших складах совсем нет вин. Ольга Константиновна и ее друзья не привыкли к разбавленному спирту… Что предпринять, ума не приложу".

Сначала пытались купить искомое или заказать во Франции, но не было необходимой суммы в валюте. И вдруг пришла неожиданная новость: "С озера Шляхтензее приехал полковой инженер и по секрету сообщил одному только мне о том, что его ребята обнаружили место, где хранятся немалые запасы винных емкостей, принадлежавших доктору Йозефу Геббельсу. Вначале я даже подумал, что инженер-капитан меня "разыгрывает". Я был просто потрясен. Приказал Бирюкову и его подчиненным этот

факт сохранить в секрете. "Молчать всем!" — распорядился я.

История находки оказалась простой. Саперы трудились, обследуя на лодках озеро. Конечно, Шляхтензее не Байкал, но зеркальная его гладь обширна. Траление в дальнем заливчике дало неожиданный результат: саперы зацепили деревянную бочку. Выволокли ее на берег, осмотрели и пришли к выводу, что наполнена она вином. Глубина озера вроде бы и невелика, до 15 метров, но пасмурная погода не давала возможности увидеть дно. Недалеко от места, где нашли бочку, наткнулись на ящики. Ящики с бутылками! В тот день извлекли более сорока ящиков".

Более того, отыскали какого-то местного лесника или садовника, который помог рассортировать ящики — там нашлись виски, джин, коньяки, ликеры, шампанское. Служитель даже научил советских воинов готовить один из любимых коктейлей Геббельса.

"На другой день я связался с полковником Бушиным, — продолжает Скоробогатов, — и порадовал его информацией, что мы отпустим ему для кинозвезды Ольги Константиновны Чеховой необходимую ей продукцию. Бушин так обрадовался, что не находил слов для благодарности. Он настоял, чтобы не только он сказал нам "спасибо", но и лично несравненная актриса. Они приедут вместе. Не на автомашине, а на автобусе центральной комендатуры. Этот автобус не имеют права досматривать дорожные патрули.

Они приехали. Спутница Бушина, Ольга Чехова, оказалась женщиной средних лет, нормального роста, за стеклами очков — лучистые глаза. Имела вид подчеркнуто деловой женщины. Волосы были закручены в сложный крендель. Или это парик, или шиньон? Облачена была в белоснежную блузку, синий жакет. Черная юбка плотно облегала все, что положено облегать. Ухитрилась все же облачиться! А я боялся, что наша солдатня ничего ей не оставила…"

Для общения со знаменитой гостьей Скоробогатов выбрал самого представительного офицера — майора Толстова: "Рослый человек, вид солидный — форма на нем сидит щегольски, сапоги сверкают, соревнуясь с солнцем. Он умеет вести лирические разговоры. Но Бушин и Чехова торопились, им надо было без промедления возвращаться на виллу актрисы. Автобус солдаты быстро загрузили — вошло чуть больше десятка ящиков. И пара бочонков с вином.

Чехова, глядя в улыбающиеся глаза майора, рассыпалась в благодарностях:

— Извините, господин майор. Вы так любезны! Спасибо вам превеликое… — Ольга Чехова вся искрилась. — Я с мужем была

здесь однажды. Кругом цвели чайные розы…"

После этого Скоробогатову еще несколько раз довелось встречаться со знаменитой актрисой. "Артистка не была и не могла быть одинаковой — и внешне, и внутренне. Но было и неизменное. Глаза ее искрились, но не лукавили. В общении с работниками комендатуры она была всегда мудрой, спокойной, откровенной. Несомненно, сравнивать ее с Матой Хари не следовало. И полковник Бушин, с которым мы обменивались мнениями, со мной согласился.

— Она, Ольга Константиновна, наша, родная, русская, — заключил Бушин".

Есть свидетельства, что именно Ольга Чехова занималась отбором тех кинолент, которые шли потом в советских кинотеатрах как "трофейные". "Оказывается, Ольга Константиновна подобрала и отправляет нам дюжину коробок с кинолентами Голливуда, — пишет Скоробогатов. — В основном это картины с участием Чарли Чаплина. Есть и шедевр киноискусства — "Тарзан", о котором наши воины уже были наслышаны, где главную роль сыграл олимпийский чемпион по плаванию Джон Вейсмюллер. И щедрый подарок этот мы получили".

На встрече с генералом Федором Боковым она произнесла целую речь в защиту высокого искусства:

— Мне хочется помочь тем мастерам кино, например, кто боится, что с точки зрения содержания теряет все основные признаки искусства. Мы боимся, что восторжествует так называемая массовая культура. Западное общество ею болеет. Порой, понимая все это, мне становится страшно. Агрессивная музыка, высокие децибелы, слабые тексты. Нельзя допустить, чтобы ими была озвучена Новая Германия. Нужен духовный ренессанс.

"Озлобленность делает человека жалким..."

Ольга Чехова продолжала играть в театре — в разоренной стране пока не до киносъемок. Однажды к ней в гримерную заявился некий субъект, представившийся как Джордж Кайзер из голливудской фирмы "Парамаунт", которая, по его словам, предлагает артистке контракт. Ольга Константиновна, у которой в прошлом была неудачная попытка закрепиться на "фабрике грез", теперь была потрясена такой перспективой: "Голливуд… Это означает: никаких карточек, пайков, голода, поисков одежды, вообще никаких забот, короче говоря — это рай на земле… Тогда, в конце двадцатых, я не смогла вынести этого рая, это точно, но в те годы у нас в Германии было что есть, что надеть, чем обогреться и было достойное человека жилье. Сейчас же здесь нет ничего, кроме нужды и страданий…

Так ли уж ничего?

Да, мы на нуле. Мы опять все начинаем заново, мы лишены самого необходимого, но сохраняются и все шансы… здесь у меня этот театр, здесь коллеги. Я колеблюсь".

Интуиция не подвела прославленную артистку и, возможно, великую шпионку. Вскоре мистер Кайзер начал вести себя как настоящий шантажист.

— Нам, разумеется, известны эти слухи о вас.

— Какие слухи?

— Шпионаж, личные связи с Гитлером и Сталиным, награждение орденом Ленина и так далее, и так далее. Как только ситуация нормализуется, вас станут ненавидеть в старой доброй Европе — неважно, соответствуют ли слухи действительности или нет.

— Это ложь!

— У нас в Америке из того, что вам здесь, в Германии, доставляет одни заботы, можно запросто составить капитал. Без проблем, госпожа Чехова, уверяю вас — без проблем…

При этих словах актриса вспоминает, как "несколько месяцев назад одна из ведущих нью-йоркских газет предлагала мне через посредника отправиться в Америку и написать мемуары. При этом важны были не факты и подлинная историческая правда сами по себе, а сенсационность всего того, что я напишу. А если то, что было в действительности, окажется не так красочно, этому можно со спокойной совестью помочь — например, упомянуть о моих интимных контактах с высшими должностными ладами

Третьего рейха, "лучше всего о тех, кто уже мертв, чтобы нам не докучали назойливыми опровержениями". Далее мне дали понять, что этими мемуарами я обеспечу себя до конца своей жизни…"

Вскоре ситуация обостряется еще больше. Когда Ольга просит Кайзера передать одному из ее коллег забытый костюм, американец вскоре появляется у нее и заявляет, что артистка вместе с костюмом пыталась передать секретные документы, связанные с разработкой ядерного оружия.

"— Но этот костюм вы узнаете?..

— Да.

— Вы дали его, чтобы я отвез в Вену…

— Да.

— Значит, вы больше не отпираетесь?

— От чего я больше не отпираюсь?

Кайзер берет светокопию со стола и сворачивает ее:

— От того, что вы пытались переправить со мной эту бумагу в Вену…

— Я не понимаю вас.

Кайзер принимает вид полицейского комиссара, который близок к цели.

— Вы тщательно вшили бумагу вот сюда, — он показывает распоротую подкладку пиджака Пракка, — и, уж конечно, лучше меня знаете, какое значение имеют эти формулы для некоего физика-атомщика… в русском секторе Вены!..

— Вы сумасшедший?

— Нет. Я более чем убежден, милейшая, что вы и сегодня еще занимаетесь шпионажем, вернее, что вы снова занялись шпионажем…

Я ошеломленно смотрю на распоротый шов пиджака Пракка.

— Кто-то решил сыграть со мной дурную шутку, — говорю я тихо, — очень дурную шутку…

Кайзер сохраняет комиссарскую интонацию:

— Трюк вскрылся при проверке на границе. К моему, а еще больше вашему счастью, при этом присутствовал мой друг майор Бредли. Он поручился за меня. И по моей настоятельной просьбе согласился — пока! — воздержаться от доклада по инстанциям… Что будет дальше, зависит от меня, госпожа Чехова!..

Последнее замечание Кайзера вернуло мне способность рассуждать хладнокровно: человек предлагает мне голливудский контракт и между прочим охотится за шпионами… Что бы это значило? Какой должна быть моя реакция? Я, само собой разумеется, должна была бы вышвырнуть его и заявить в полицию. Естественно…

Но в эти времена все неестественно. Господствует оккупационное право, одностороннее право, мягко говоря… А Кайзер — американец".

А тут ее еще начинает преследовать таинственный поклонник на автомобиле. Он присылает то восторженные, то угрожающие, но всегда анонимные письма. Наконец, отчаявшись, Ольга Чехова обращается за помощью в советскую комендатуру. Там ее сначала выслушивают скептически, но услышав об "атомных формулах", настораживаются. "Полковник неподвижно слушает меня, кивает, молчит две-три мучительных секунды, потом встает, приглашает вежливым жестом в соседнее помещение и просит подождать. Он будет разговаривать со ставкой в Карлсхорсте… Три часа спустя снова входит полковник и предлагает мне нечто совершенно иное: гастроли в советском секторе".

Измученная тревогой актриса не знает, что и ответить.

— У нас есть основания, чтобы просить вас об этих гастролях, — говорит полковник.

— Могу я узнать — какие?

— Не сегодня. Позднее. Для вашего спокойствия я могу сказать одно — вы будете гастролировать у нас в собственных, но также и в наших интересах…

Более того, Ольге предлагают назначить свидание пугающему незнакомцу после спектакля. И пока он рассказывает, как убил бы и ее, и себя, если бы она не согласилась на эту встречу, фанатичного поклонника быстро скручивают и уводят особисты. Потом актрисе рассказывают, что напугавший ее субъект оказался советским военным инженером, который и впрямь потерял голову от страсти к знаменитой актрисе…

А на следующий вечер появляется раздосадованный мистер Кайзер и с порога спрашивает:

— Вы давали гастроли на Александерплац?

— Да.

— Почему?!

— Это вас не касается.

— Как раз меня-то это и касается!

Ольга вспоминает, что русские особисты, выслушав ее рассказ, сильно сомневались, что Кайзер может иметь какое-то отношение к спецслужбам ("Он, наверное, надеется украсть ваши драгоценности"), и выгоняет его. Две мысли посещают ее одновременно сразу после этого — Кайзер неминуемо вернется, думает она, и… перерезает телефонный шнур.

Кайзер и впрямь возвращается через несколько минут:

— Давайте еще раз переговорим начистоту, но смотрите — если вы всего не расскажете, то мне не останется ничего иного,

как доложить по начальству, что вы ведете двойную игру…

— Поступайте как знаете.

— Надеюсь, вы хорошо подумали.

— Несомненно.

— К сожалению, у меня больше нет сомнений, что вы и сегодня шпионите для Советов — как и во время войны…

Он набирает номер и требует к телефону майора Брэдли. Ольга бежит в дирекцию и оттуда звонит уже в американскую комендатуру. "Потом возвращаюсь в гримерную. Кайзер все еще "разговаривает" по телефону. Несколько минут спустя в комнате стоят два рослых "джи-ай", суют Кайзеру под нос обрезанный телефонный шнур и указывают на дверь… День спустя все разъясняется. Кайзера зовут совсем не Кайзер, и к "Парамаунту" он не имеет никакого отношения, не является также военнослужащим или тем более сотрудником секретной службы. Он немец, работает кельнером в американском казино для офицеров и основательно запутался…"

Ольга Чехова. Немецкая открытка

Слухи о том, что Ольга Чехова "шпионила для Советов", всплывают еще не раз, сначала она пытается их опровергать,

потом предпочитает игнорировать. Сниматься в кино возможностей по-прежнему мало: "Фильмы из США, Англии и Франции потоком хлынули в Германию. Очень, очень трудно в стране, которая лежит в руинах, противостоять их финансовым возможностям, их прекрасной постановочной работе и художественной манере".

Издательство, выпустившее первую книгу Ольги Чеховой о косметике, разоряется. Еще одна попытка открыть свою киностудию заканчивается провалом. "Набитые марками "друзья" переходят на другую сторону улицы, завидев меня издалека. Поддержка, личная поддержка — не для фирмы — приходит от двух мужчин, которые совсем не принадлежат к моему кругу. Один из них — мой прежний коллега из Берлина — живет на скромную ренту и отдает мне все свои сбережения, другой был в концлагере. Он передает мне часть денег из материальной компенсации…"

Но по-прежнему остается один из самых страшных для любой актрисы вопросов — что дальше? Перейти в амплуа комической старухи или оставить профессию? "Итак, в шестьдесят лет еще раз начинаю все сначала… Я продаю свой дом в Кладове и переезжаю из Берлина в Мюнхен. Прямо в центре баварской столицы открываю свой первый косметический салон… Я выступаю за консервативную, а не за декоративную косметику.

Юность нельзя вернуть ни операцией, ни тем более купить. Сохранить молодость в первую очередь можно, борясь против внутреннего и внешнего изнашивания организма. Леность, медлительность — враг молодости, как внешней, так и внутренней… Конечно, существуют вещи сильнее воли и разума, но они не оправдывают слабость и безропотное смирение. Не жизнь разочаровывает нас — это мы разочаровываем жизнь. Озлобленность делает человека жалким…"

Фильмография Ольги Чеховой

Первые фильмы

Чехова снялась в более чем 140 (обычно называют цифру 145) фильмах, большинство которых так и не было показано в советском прокате. А более ранние, еще немые картины, снятые еще до ее отъезда за границу, или пылились в архивах, или были утрачены. Да и датировки съемок многих фильмов с участием Ольги Чеховой — приблизительны, и даже не обо всех картинах известно не только окончание съемок, но и время премьеры. Да и полностью актерский состав в первых фильмах с участием Чеховой неизвестен.

Двадцатилетняя Чехова снялась в фильме "Аня Краева" (другое название — "Драма вчерашнего дня"), производством которого занималось киноателье акционерное общество "Нептун". Режиссером и сценаристом картины был Никандр Туркин (Алатров), оператором — Евгений Славинский. В этой психологической драме снимались актеры: Александра Ребикова, Леонид Полевой, Ольга Чехова, Олег (Осип) Фрелих, Янина Мирато, Иван Кручинин. Сама Чехова снялась в роли Наташи, сестры главной героини Ани.

Премьера "Ани Краевой" состоялось 9 апреля 1918 года. Фильм не сохранился.

В 1918 году Торговый дом "Русь" снял фильм "Калиостро" (другое название — "Лжемасоны") по мотивам романа Е.А. Салиаса "Граф Калиостро". Режиссером и оператором картины был Владислав Старевич, художниками — Сергей Козловский и Владимир Симов. В фильме снимались: Федор Ярош, Ольга Чехова, Николай Римский, Арсений Бибиков, Александр Вишневский, Бронислава Рутковская, Б. Дзенаевич, Антонина Фехнер, Г. Таргонский, П. Козмовская, Э. Утукин, О. Смолокурова, В. Сатин. Сама Чехова сыграла Шарлотту. Картина сохранилась не полностью.

В том же году начались съемки картины "Последние приключения Арсена Люпена" (другое название — "Борьба с невидимым / Арсен Люпен") акционерным обществом "Нептун". Режиссер картины — Михаил Доронин, сценарист — Никандр Туркин (Алатров), оператор — Станислав Зебель, художник — Владимир Егоров. В двухсерийной детективной драме сыграли: В. Васильев (II), Олег (Осип) Фрелих, А Сакс, Г. Кручинин. Ольга Чехова, Иван Лавин, А Александров (II). Фильм был снят по

мотивам романа Мориса Леблана "Восемь ударов стенных часов. Хрустальная пробка. 813". Арсен Люпен — "джентльмен-грабитель". Виртуозный грабитель, для которого не существует преград, никогда не сдается и подчиняется лишь собственному кодексу чести. Кинообраз Люпена во многом вдохновлён образом "благородных разбойников", прежде всего Рокамболем Понсона дю Террайля. Фильм сохранился не полностью, без надписей.

Съемки в Германии

Затем Чехова снималась в Германии — часто и успешно, быстро адаптировавшись не только в стране, но и в кинопромышленности и став звездой, которой доставались главные роли. Чем объяснить ее успех, неужели только привлекательной внешностью? Не стоит забывать и о прагматизме Чеховой, ее обаянии, которое недоброжелатели называли иначе — умением находить общий язык с нужными людьми. Так, в 1921 году Чехова снялась в картине "Замок Фогелед" ("Schloß Vogeloed"), которую сама называла ирреалистическим детективом. В фильме она сыграла молодую хозяйку замка. Об этих первых съемках на немецкой земле актриса оставила свои воспоминания (О. *Чехова.* Мои часы идут иначе. М.: Вагриус, 1998.): "И вот в один прекрасный день все начинается. И тотчас рушатся мои представления о новых профессиональных возможностях, которые я собралась духовно и творчески покорять.

Павильон напоминает огромный стеклянный ящик. Используется каждый уголок, все происходит одновременно: в одном углу камерой выбирают ракурс съемок, актеры "изображают"; в другом коренастые рабочие студии разбирают уже отснятые декорации; а на третьей площадке их коллеги по известной берлинской поговорке "Куда бы еще и рояль пристроить?" устанавливают новые декорации. И все это кричит, толкается, стучит молотками, бегает, смеется, стонет. Вакханалия шума. Вздымаются облака пыли. Дышать невозможно. И даже есть рояль, настоящий рояль. Он стоит посередине помещения. За ним восседает юное дарование, его задача — игрой создавать актерам веселое либо меланхолическое настроение. Молодой человек импровизирует, глядит вдаль, у него слегка безумный взгляд непризнанного гения, в душе он уже сочиняет выдающуюся симфонию, в то время как людская орава снует мимо нет и каждый ведет себя так, словно другой туг на ухо; режиссер, оператор, актеры, осветители, гримеры, ассистенты и многие,

многие другие…

Три дня подряд я пытаюсь утвердиться в этом сумасшедшем доме, сконцентрироваться, справиться с шумом, гамом и беспорядочной чередой снимаемых сцен — ведь съемки идут не в хронологическом порядке, то есть не так, как развивается действие, а частями, по мере готовности декораций. Нельзя все проиграть последовательно, как на сцене, снимают кусочки из конца, середины или начала сценария. Это требует необыкновенной концентрации. А ее в таком бедламе мне достичь не удается.

Я выхожу из студии. Более того; тотчас покупаю железнодорожный билет, ибо твердо решаю вернуться в Россию и снова играть там в театре…

Мои "кинематографические" грезы рассеялись. Кто бы мог подумать тогда, что, напротив, они только начались. Мурнау приходит ко мне и задевает мое самое чувствительное место, говоря, что я сейчас поступаю не по-товарищески. Он говорит это очень тихо.

Я бледнею и покаянно возвращаюсь в студию. Но ставлю условие, которого до этого, несомненно, еще никто не выдвигал в истории кино: я требую от студии "Декла-Биоскоп" письменного подтверждения, что при репетициях и съемках будет соблюдаться абсолютная тишина. Нужна я Мурнау как актриса или как новый типаж — не знаю; во всяком случае, я получаю согласие — и условие выполняется.

Таким образом и тапер, создающий настроение, получает возможность либо отправиться домой и сочинять свою "великую симфонию", либо в ближайший павильон, чтобы продолжать импровизации уже там. Он не распространяется о своих планах, бережно закрывает крышку рояля и, сохраняя отсутствующий взгляд, выпархивает из павильона, словно в этом стеклянном ящике был лишь один подлинный артист — он сам…"

Свой успех в этой картине и "внезапную" популярность Чехова (хорошо, что кино пока немое, ведь она пока говорит по-немецки с акцентом) объясняет и тем, что рекламу фильму и ей сделало издательство "Ульштайн" (владевшее многими ведущими ежедневными и еженедельными газетами), выпустившее роман "Замок Фогельод", по которому и был снят одноименный фильм. Было опубликовано множество рецензий, фотографии исполнителей, среди которых видное место заняла и Ольга Чехова.

Затем у Чеховой были съемки в фильме "Мошенник" ("Hochstapler"), Через несколько месяцев она сыграла главную роль в фильме "Борьба за себя" ("Kampf ums Ich"), а затем — в

картине "Хоровод смерти" ("Todesreigen").

Можно ли оценивать исполнителя по количеству сыгранных ролей? Можно, по меньшей мере, представить его востребованность и трудолюбие. В следующем, 1923 году Ольге Чеховой достались три главные роли: в "Норе" ("Nora"), "Татьяне" ("Tatjana") и "Пагоде" ("Pagode"). 22 мая 1923 года состоялась мировая премьера этого фильма. Режиссер Альфред Фекете. В главных ролях: Ольга Чехова, Эрнст Дойч, Уильям Дитерле, Пауль Бильдт.

В 1924 году Чехова тоже снялась в трех картинах, но уже не в главных ролях: "Потерянная туфелька" ("Der Verlorene Schuh"), "Дебет и кредит" ("Soll und Haben"), "Вакханка" ("Bacchantin").

В следующем году Чехова уже успела сняться в четырех фильмах: "Следует ли жениться?" ("Soll man heiraten?"), "Миллионная компания" ("Die Millionenkompagnie") — в главной роли, "Город искушений" ("Stadt der Versuchung") — в главной роли, "Венера с Монмартра" ("Venus von Monmarte").

В 1926 году Ольга Чехова сыграла в шести картинах: "Холм полководца" ("Feldherrnhugel"), "Утопленники" ("Gesunkenen"), "Семья Шимек" ("Familie Schimeck — Wiener Herzen"), "Мельница в Сан-Суси" ("Muhle von Sanssouci"), "Его великое падение" ("Sein Grosser Fall"), "Гертруда, шестнадцати лет" ("Trude, die Sechzehnjährige") — в главной роли.

В следующем году актриса блистала в четырех картинах: "Пылающие границы" ("Brennende Grenze"), "Победительница" ("Siegerin") — главная роль, "Пламя" ("Weib in Flammen") — главная роль (графиня Кларисса Тальберг), "Блаженное превосходительство" ("Selige Exzellenz").

В 1927 году Ольга Чехова снялась в ставшей популярной картине "Соломенная шляпка" (фр. Unehapeau de paiile d'ltalie). Этот французский художественный фильм Рене Клера по водевилю Эжена Марена Лабиша и Марк-Мишеля 1851 года считается одной из лучших работ "немого" периода творчества прославленного режиссера. До советской "Соломенной шляпки" (премьера которой прошла на первой программе Центрального телевидения СССР в новогодний вечер 31 декабря 1974 года) с песнями в исполнении Андрея Миронова еще оставалось немногим меньше полувека.

Незамысловатый сюжет практически не менялся со временем: мсье Фадинар отправляется на собственную свадьбу, но в пути с ним случилась неприятность. Лошадь Фадинара случайно съела соломенную шляпку мадам Бопертюи. Теперь незадачливому жениху необходимо быстро найти новую шляпку, не вызвав подозрений у будущего тестя.

Любовник мадам Бопертюи — лейтенант Таверньё требует ускорить поиски шляпки, угрожая расстроить свадьбу. Дальше Фадинара ждут одни неприятности. Выясняется, что красавица замужем, и Таверньё, ее любовник, требует, чтобы Фадинар раздобыл точно такую же шляпку, иначе муж может раскрыть их тайну. Фадинар вынужден немедленно броситься на поиски дурацкой шляпы. Для этого ему приходится весь день задерживать, останавливать, сбивать с пути кортеж приглашенных на свадьбу гостей, весьма озадаченных этим ожиданием и бесконечными разворотами. Заполучив от модистки адрес мадам Бопертюи, которой был недавно продан такой же головной убор, Фадинар направляется к упомянутой даме. Но застает дома лишь мужа и понимает, что Бопертюи — супруг той самой неверной красавицы и что именно эту шляпку съела его лошадь. Но провидение не дремлет, и Фадинар находит среди свадебных подарков соломенную шляпку, подаренную глухим как тетерев дядюшкой: точную копию той, что искал. Остается только передать ее мадам Бопертюи — и дело и шляпе. Палочкой-выручалочкой выступает искрометный юмор.

Авторы сценария — Рене Клер, Эжен Марен Лабиш, Марк-Мишель. Продюсер 60-минутного немого фильма Александр Каменский.

В ролях: Альбер Прежан — Фердинанд, Гемонд Виталь — Таверньё, Пол Оливье — дядя Васинет, Алекс Аллин — Феликс, Марис Майя — Хелен, Валентина Тессиер — Клиент. В этой комедии Ольга Чехова сыграла мадам Бопертюи.

В этом же году Чехова снялась в "Хозяине мира" ("Meister der Welt"), а через несколько месяцев сыграла в "Мулеп Руж" ("Moulin Rouge").

Чеховский "Мулен Руж"

Эта тема считается одной из самых популярных в мировом кинематографе — только в первой половине прошлого столетия на экраны вышло пять фильмов под таким названием. Мировая премьера "Мулен Руж" с Чеховой состоялась 22 марта 1928 года. В фильме-мюзикле снялись: Ольга Чехова, Ив Грэй, Жан Браден, Жорж Тревиль, Марсель Вайберт, Эллен Поллок, Эндрюс Энгельманн, Форрестер Харви. Режиссер (он же — автор сценария и продюсер) — Эвальд Андре Дюпон. Оператор Вернер Брандес, композитор — Майк Уэстбрук. Художник Альфред Юнге, монтаж Гарри Чендли. Длительность фильма — два часа семнадцать минут.

Сюжет не блистал новизной, но зрителям было гарантировано насладиться зрелищем красивых (а порой — полуодетых и далее…) женщин. Молодой человек влюблён в дочь знаменитой танцовщицы Паразии. Его отец против этого брака. Юноша разыскивает Паразию для того, чтобы она сумела убедить отца дать согласие, и влюбляется в неё.

Сама актриса в мемуарах (О. *Чехова.* Мои часы идут иначе. М.: Вагриус, 1998 г.) так описывала процесс съемок: "Итак, словно будущая артистка кабаре, я учусь степу и акробатическому танцу, потому что в роскошно обставленном финале шесть атлетически сложенных негров должны крутануть меня в воздухе, затем подбросить, поймать и унести со сцены. Тем не менее этот финал всего лишь детский лепет по сравнению с другими сценами: в них я с огромным питоном. По сценарию он должен сладострастно обвиваться вокруг моего почти обнаженного тела. Питон делает это потрясающе.

На бесконечные постановочные и цветоустановочные репетиции приглашена дублерша, жена дрессировщика. Она умеет обращаться со змеями, особенно с этим питоном, и рассказывает мне много интересного о характере этих таинственных рептилий, которых все недолюбливают. Так, я узнаю, что змеи инстинктивно чувствуют пол человека, с которым они входят в соприкосновение. Поэтому питоны-самцы в варьете "спариваются" с артистками, самки — с артистами. Питон, мой "партнер", особенно чувствителен к этому, добавляет дрессировщица…

Съемки "Мулен Руж" затягивались, потому что мы могли использовать сцену и зрительный зал только после представления. Нашему питону это безразлично; его не интересуют съемочные планы, и он совершенно бесцеремонно начинает сбрасывать кожу. Таким образом, питона, который уже как следует "овладел" своим эпизодом, необходимо менять. Второй питон, несмотря на интенсивные поиски, — дама… Дрессировщица смотрит на меня, я — на дрессировщицу. Обе мы думаем об одном — об "эротической" реакции питона.

Поначалу дрессировщица, как всегда, декоративно укладывает нового питона вокруг плеч. Змея сопротивляется. Чтобы лучше установить контакт, отважная женщина еще оборачивает животное и вокруг тела. Одну, две секунды все идет хорошо, питон, видимо, пока не разобрался, что к чему, но вдруг рептилия молниеносно сжимается — тихий хруст, и дрессировщица падает. С переломом бедра и вывихнутой ключицей ее уносят.

Эпизод "летит в корзину". Даже после этого несчастья.

Теперь на очереди я. Я кладу змею на плечи и сразу ощущаю ее сопротивление. В голове у меня одна мысль: "Если ты сейчас задрожишь, если рептилия заметит, что ты боишься, тебе конец…" Я заклинаю режиссера, чтобы он убрал из сценария сладострастно выписанные "непристойные извивы" змеи. Дюпон бормочет: "Именно это и нужно" и саркастически подчеркивает: "Именно это…" Змея делает угрожающее движение…

Камера стрекочет, я улыбаюсь, качаю бедрами. Прежде чем я успеваю обернуть змею петлей вокруг себя, дрессировщики подскакивают ко мне и — высвобождают. Оставались доли секунды… Режиссер в восторге. Я продолжаю улыбаться приклеенной улыбкой, ищу опору, бессознательно хватаюсь за воздух и — падаю…" Но Чехову много раз обвиняли в том, что не все в воспоминаниях строго соответствует прошедшей действительности, так что и в это описание могли вкрасться "неточности".

В 1929 году актриса сыграла в пяти картинах: "Человек огня" ("Der Mann im Feuer"), "Трагедия русской матери" ("L'Enfer de l'amour"), сыграв Анну Сумински, "Любовь братьев Ротт" ("Die Liebe der Bruder Rott") — главная роль (Тереза Донат), "Кровавый позор" ("$ 173 St.G.B. Blutschande"), "Диана — история одной парижанки" ("Diana — Die Geschichte einer Pariserin") — главная роль.

Чехова — продюсер

В течение своей долгой жизни Ольга Чехова пять раз выступила в роли кинопродюсера, три из них вышли на экраны еще до прихода нацистов в Германии к власти. Расскажем об этих картинах подробнее. Мировая премьера фильма "Диана — история парижанки" состоялась 23 апреля 1929 года. Слоган: "Intense Drama in a Love Story centred in Napoleon's Retreat from Moscow". Режиссер Эрих Вашнек. Сценаристы: Рольф Ванлу, Ганс Рамо. Продюсеры: Ольга Чехова, Роберт Винер. Оператор Фридль Бен-Грунд, композитор Александр Ласло. Художники: Андрей Андреев, Эдит Глюк.

В фильме снимались: Ольга Чехова, Пьер Бланшар, Генри Виктор, Петер Фосс, Ганс Адалберт Шлеттов, Борис де Фаст, Хуберт фон Майеринк, Алексей Бондриев, Эккехард Арендт.

17 июня 1929 года состоялась мировая премьера картины "Любовь братьев Ротт".

Режиссер Эрих Вашнек, сценаристы: Ганс Рамо и Фриц Ганзер. Продюсеры: Ольга Чехова, Роберт Винер.

Оператор Франц Планер. Художник Андрей Андреев. В главных ролях: Ольга Чехова, Жан Дакс, Пауль Хенкельс, Джеймисон Томас, Эккехард Арендт, Алексей Бондарев, Якоб Тидтке, Фриц Грайнер, Пауль Отто, Др. Филлип Мэннинг.

Чехова — режиссер

В этом же году Ольга Чехова попробовала себя в качестве режиссера — в немецком фильме "Глупец из-за любви" ("Narr seiner Liebe"), но став и продюсером. Сценаристы: Кароль Яроссы, Генри Батай, продюсер Ольга Чехова. Оператор Франц Планер, композитор Артур Гутман, художник Андрей Андреев.

В своих мемуарах (О. *Чехова*. Мои часы идут иначе. М.: Вагриус, 1998) она рассказывает об этом как о благородном жесте к своему бывшему мужу, подарившему ей дочь и прославленную фамилию:

"Имея надежные семейные тылы и в известной мере стабильную работу, я теперь могла помочь моему первому мужу Михаилу Чехову и его жене, "девушке с теннисного корта", начать все заново в Берлине. Дело в том, что Миша собирается покинуть Россию. Но это возможно, если только он подыщет в Германии жилье и работу.

Я снимаю для него и его жены неподалеку от нас двухкомнатную квартиру, это сравнительно несложно. Труднее с работой — в Берлине никто не ждет актеров из России, которые не говорят по-немецки…

После нескольких неудач я иду к одному продюсеру, которого хорошо знаю. И мне везет. Продюсер пожилой, он еще помнит Мишу как актера Станиславского и загорается идеей "отменно преподнести знаменитого русского актера Станиславского в немецком фильме".

Появляется надежда. И тут… Продюсер смотрит на меня:

— А вы, Ольга Чехова, его бывшая жена, станете режиссером этого фильма!

Я решаю, что ослышалась. Продюсер повторяет только что сказанное. Теперь его идея нравится ему еще больше. Так, при моей режиссуре с участием Михаила Чехова, Отто Вальбурга, Курта Бойса, Пауля Хёрбигера, Херберта Маршалла и других рождается один из последних немецких немых фильмов — "Паяц собственной любви" по французскому роману "Шут".

В студии царит типичное для эпохи немого кино вавилонское смешение языков, когда съемочная группа, включая актеров, интернациональная. Мы говорим по-немецки, по-английски, по-

французски и по-русски. С Мишей мы говорим по-русски. Он рад тому, что в своем первом заграничном фильме получает режиссерские указания на родном языке, это делает его увереннее, после краткого периода адаптации он играет раскованно и свободно. Фильм — не в последнюю очередь благодаря французскому первоисточнику — имеет во Франции большой успех.

Первый шаг в Германии Мишей сделан, следующий он должен совершить сам: необходимо учить немецкий. Он явно способен к языкам и быстро выучивается. Я знакомлю Мишу с Максом Рейнхардтом, он получает ангажемент! Так круг замыкается вновь…"

Зато на афишах и в многочисленных газетных публикациях замелькали громкие рекламные фразы: "Режиссер фильма "Шут своей любви" — Ольга Чехова!", "Дебют на новом поприще прославленной кинодивы немецкого кинематографа!". Чтобы люди заплатили деньги и заполнили кинотеатры, нужны "звезды" и сенсации. Тем более что практически неизвестный в Германии Михаил Чехов был преподнесен здешней публике как "Впервые в немецком кинематографе — знаменитый ученик Станиславского Михаил Чехов1", что на самом деле было правдой. Автором сценария фильма был двоюродный брат Фридриха Яроши, с которым у Ольги и Михаила были связаны не самые лучшие воспоминания.

Сам фильм был обычной сентиментальной картиной, рассчитанной на невзыскательную кинопублику: богатый неискушенный провинциальный винодел (которого и играл Михаил Чехов) волей случая встретил и воспылал безумной любовью к "парижской штучке" (ее играла Ольга Чехова), поэтому в надежде покорить сердце светской львицы распродает все свое добро и устремляется за ней в столицу. Но, увы, сердечные планы бывшего винодела венчаются лишь тем, что его допускают к двору только в качестве забавного шута, наградив его для верности красноречивым прозвищем "Полише"… Полишинелю выпадает горькая участь: веселить героиню и ее друзей, как говорится, сквозь слезы. Но, разумеется, в итоге Полише будет вознагражден за свою любовь и преданность, а его прежние злопыхатели оказались посрамленными.

Возникает вопрос: неужели прагматическая Чехова согласилась стать режиссером только один раз — и исключительно ради того, чтобы помочь бывшему мужу? Поэтому продолжений "режиссерства" не было? Но есть и другая, более прозаическая версия итога режиссерского дебюта Чеховой — она не проявила себя в качестве великого режиссера и поэтому

сосредоточилась на том, что у нее получалось лучше — актерстве. Или сенсация "Чехова-режиссер" уже больше продюсерам не требовалась?

Фидьм за фильмом…

Одним из самых продуктивных для Ольги Чеховой стал 1930 год — девять картин с ее участием: "Путь в рай" ("Chemin du paradis, Le"), "Любовь в кольце" ("Liebe im Ring"), "Любимец богов" ("Liebling der Götter") — Ольга фон Драгомирска, "Детектив императоров" ("Detektiv des Kaisers") — главная роль Ольга, "Девушка из Репербана" ("Ein Madel von der Reeperbahn") — главная роль — Ханна Бюлов, "Два галстука" ("Zwei Krawatten"), "Большая тоска" ("Grosse Sehnsucht") — в нем Чехова играет саму себя, "Тройка" ("Troika") — Вера, и "Трое с бензоколонки" ("Die Drei von der Tankstelle"). Об этой картине, жанр которой можно определить как комедию, мелодраму, музыкальный фильм, стоит рассказать немного подробнее. Это был первый звуковой фильм, в котором сыграла Ольга Чехова.

Его премьера состоялась в Германии 15 сентября 1930 года. Режиссер — Вильгельм Тиле, сценаристы: Франц Шульц, Пауль Франк, оператор Франц Планер. Композитор — Вернер Р. Хейман, художник Отто Хунте. Продюсер — Эрих Поммер.

В фильме снимались актеры: Вилли Фрич, Оскар Карлвейс, Хайнц Рюман, Лилиан Харвей, Ольга Чехова, Фриц Камперс, Курт Геррон, Гертруд Волле, Феликс Брессарт, Клаус Кристофолини. Чехова играла Эдит фон Турофф.

Сюжет картины довольно прост, но не лишен динамизма и сюрпризов. Три неразлучных друга Вилли, Курт и Ганс узнают, что разорены. Им нужно работать, но они ничего не умеют. Они строят бензоколонку на дороге, где ее не хватало. Все трое по очереди обслуживают очаровательную клиентку Лилиан — и один за другим влюбляются в нее. Лилиан — дочь консула Коссманна, который как раз собирается вторично жениться. Друзья одновременно пытаются выйти из дома на свидание с Лилиан; завязывается ссора, перерастающая в кулачную потасовку. Лилиан делится своими невзгодами с будущей мачехой, и та советует ей пригласить всех кавалеров на вечеринку к отцу, а самой тем временем определиться.

Лилиан знакомит отца с Вилли, который нравится ей больше остальных. Друзья, разгневанные кокетством Лилиан, не желают ее больше видеть и решают закрыть бензоколонку. Чтобы поправить ситуацию, мачеха Лилиан (за это время отец успел

жениться) поручает друзьям — раз уж у них богатый опыт — управление большой станцией техобслуживания, приобретенной Коссманном. Лилиан устраивают туда же секретаршей. Друзья узнают, что их финансирует ее мачеха. Вилли диктует Лилиан заявление о собственном увольнении, но та на самом деле печатает их брачный контракт. Все заканчивается танцами и объятиями. А вот Курт и Ганс искренне сожалеют о потере лучшего друга.

Как писала в своих мемуарах сама Чехова (О. *Чехова*. Мои часы идут иначе. М.: Вагриус, 1998), "фильм (не в последнюю очередь благодаря задорным шлягерам Вернера Рихарда Хеймана) имел огромный успех далеко за пределами страны. В одном из шлягеров, написанных в стиле шансона, поется: "Друг, добрый друг — лучшее, что может быть на свете…"

В следующем году Чехова сыграла во "всего" пяти картинах: "Паника в Чикаго" ("Panik in Chicago") — Флоренс Дингл и; "Ночь принятия решений" ("Nacht der Entscheidung, Австрия, Германия, Франция, Швеция) — Мария Иванова; "Концерт" ("Das Konzert") — главная роль, "Любовь по приказу" ("Liebe auf Befehl", США) и "Мэри".

"Мэри" (англ. Магу, нем. Der Prozeß Baring) — фильм режиссёра Альфреда Хичкока, по роману Клеменса Дейна и Хелен Симпсон "В дело вступает сэр Джон" ("Enter Sir John"). Авторы сценария: Клеменс Дейн, Герберт Юттке. Страны: Великобритания и Германия.

После вынесения обвинительного приговора по делу об убийстве один из присяжных сомневается в правильности вердикта и, побуждаемой жаждой справедливости, начинает собственное расследование, пока приговор осужденному еще не привели в исполнение…

В ролях: Альфред Абель — сэр Джон Меньер, Ольга Чехова — Мэри Бэринг, Пауль Грец — Бобби Браун, Лотте Штейн — Биби Браун, Эккхард Арендт — Хэндел Фейн, Джон Майлонг — Джон Стюарт, Луи Ральф — Бенне, Эрмина Штерлер — мисс Миллер, Фриц Альберти — защитник Эльзе Шунцель. Этот мистический триллер длится 78 минут.

В 1932 году Чехова снимется в фильмах: "Тренк — роман о большой любви" ("Trenck — Der Roman einer grossen Liebe" (Германия) — играет российскую императрицу Елизавету, "Шпионы в отеле "Савой"" ("Spione im "Savoy-Hotel"") и "Флирт" ("Liebelei").

У этой мелодрамы, снятой по роману Артура Шницлера, было и другое название — "Мимолетное увлечение". Режиссер — Макс Офюльс, сценаристы: Курт Александер, Макс Офюльс, Ганс

Вильгельм, Феликс Зальтен. Оператор — Франц Планер, композитор — Тео Макебен. Продюсер: Херман Миллаковски.

В ролях снялись: Магда Шнайдер, Вольфганг Либенайнер, Луиза Ульрих, Ольга Чехова, Пауль Хёрбигер, Густаф Грюндгенс, Карл Эсмонд, Пауль Отто. Чехова сыграла баронессу Эггерсдорф.

Премьера "Флирта" состоялась 24 февраля 1933 года в Австрии и 10 марта 1933 года в Германии. В сюжете обыграны Вена, начало XX века. Лейтенант кавалерии Фриц Лобхаймер порывает со своей любовницей, замужней баронессой Эггерсдорф, и влюбляется в юную Кристину (Магда Шнайдер), дочь скрипача венской "Оперы". С первой встречи Кристина безумно влюбляется в своего кавалера. Уже после окончательного разрыва Фрица с баронессой барон узнает от брата о своем незавидном положении. Он вызывает Фрица на дуэль и убивает его. У этой мелодрамы трагический финал — узнав о гибели Фрица. Кристина выбрасывается из окна.

В 1933 году Чехова трудиться на шести съемочных площадках: "Ради глотка счастья" ("Um ein bisschen Gluck"), "Наставник полевой школы Уве Карстен" (Heideschulmeister Uwe Karsten"), "На пути к счастливому браку" ("Wege zur guten Ehe") — главная роль — Клара Файлер, "Лейтенантский хорал" ("Choral von Leuthen", уже завершение съемок) — графиня Марианна, "История любви" ("Histoire d'amour"), "Верный герр Гран" ("Ein Gewisser Herr Gran) — фрау Мервин.

3 февраля 1933 года состоялась мировая премьера картины "Лейтенантский хорал". Режиссеры: Карл Фрёлих, Вальтер Зуппер, Арзен фон Черепи. Сценаристы: Йоханнес Брандт, Уолтер фон Моло. Продюсер Карл Фрёлих, оператор Франц Планер. Композитор Марк Роланд, художник Франц Шредтер. Монтаж: Освальд Хафенрихтер и Густав Лосе В этой военной драме снялись: Отто Гебюр, Ольга Чехова, Эльга Бринк, Гарри Франк, Пауль Отто, Ганс Адалберт Шлеттов, Джон Майлонг, Хьюго Фройлих, Вернер Финк, Йозеф Дамен.

На экранах Третьего рейха

Изменились ли фильмы, в которых снималась Чехова, после прихода в Германии фашистов к власти? По-прежнему актриса играет в драмах и комедиях без какого-то особого политического уклона, хотя в стране уже вовсю идет расправа с теми, кто не доволен новыми порядками. Но пока нужны были для масс (и не только) развлекательные и сентиментальные фильмы. В 1934 году Чехова снимается в картинах: "Что я без тебя" ("Was bin ich

ohne Dich"), "Приключения молодого человека в Польше" ("Abenteuer eines jungen Herrn in Polen"), "Полицейский доклад сообщает" ("Polizeibericht meldet") — главная роль, и бессмертный "Пер Гюнт" ("Peer Gynt") — баронесса, "Мир без маски" ("Welt ohne Maske"), "Между двумя сердцами" ("Zwischen zwei Herzen") и "Маскарад" ("Maskerade", Австрия).

30 января 1934 года состоялась мировая премьера фильма "Между двумя сердцами". Режиссер — Херберт Зельпин. Сценаристы: Курт Й. Браун и Вернер Шефф. Продюсер — Вальтер Зайке, оператор Бруно Тимм. Композитор Франц Гроте, художник Роберт А. Дитрих, монтаж — Лена Нойманн.

В картине снимались: Гарри Лидтке, Луиза Уллрих, Ольга Чехова, Фриц Одемар, Пауль Хенкельс, Эрна Морена, Франц Никлиш, Пауль Отто, Пауль Хайдеман, Анна Мюллер-Линке.

Да и об этом "Маскараде" с Чеховой можно рассказать подробнее, чтобы не вводить читателей в заблуждение — к лермонтовскому "Маскараду" фильм никакого отношения не имеет. Это ничем особо не выдающаяся комедия с элементами мелодрамы. Режиссер — Вилли Форет. Сценаристы: Уолтер Рейш и Вилли Форет. Оператор — Франц Планер, композитор — Вилли Шмидт-Гентнер.

В картине снялись: Паула Вессели, Антон Вальбрук. Петер Петерсен (I), Вальтер Янссен, Ольга Чехова. Хильда фон Штольц, Юлия Зерда, Ганс Мозер, Фриц Имхофф. Ольга Чехова сыграла Аниту Келлер.

Время и место действия: начало XX века, разгар бурлящего карнавала в Вене. На маскараде художник Хайденк. прославившийся не только своим талантом, но и вольнодумным поведением, приглашает в мастерскую красавицу Герду. супругу доктора Харрандта. Герда позирует ему нагишом, прикрываясь только муфтой и маской. Закончив картину, художник тут же отправляет модель восвояси, доказывая тем самым, что его мастерская недостойна той дурной репутации, которой ее наградила молва. Когда рисунок обнаженной дамы попадает в прессу, знаменитый в городе дирижер думает, будто узнает в ней свою невесту Аниту Келлер. Эту мысль внушил ему брат — доктор Харрандт. Возмущенный дирижер отправляется к Хайденку и требует объяснений. Тот, чтобы снять с себя обвинения, говорит, будто рисовал портрет некой фрейлен Дур, придумывая это имя на ходу. Но девушка с таким именем действительно существует: Леопольдина Дур, чтица при дворе принцессы. Чем может закончиться выдумка, оказавшаяся на беду художника реальностью?

Премьера картины "Маскарад" состоялась 21 августа 1934

года в Германии и 27 сентября 1934 года в Австрии.

В 1935 году Чехова снималась в картинах "Любовь художника" ("Kunstlerliebe"), "Вечная маска" ("Die Ewige Maske", Швейцария), "Вальс вокруг башни святого Стефана" ("Ein Walz um den Stefansturm", Австрия, Германия) — главная роль — Сильвия фон Полонска.

18 января 1935 года в Австрии состоялась премьера шпионского фильма-драмы "Провокатор Азеф" ("Lockspitzel Azew", Австрия — Германия). Другое название фильма — "Агент Азеф". Режиссер: Фил Ютци, сценарист — Ат. Тиманн, оператор — Эдуард Хеш. Композитор: Вилли Шмидт-Гентнер, художник: Юлиус фон Боршоди. Производство: Atlantis-Film GmbH, Maxim-Film GmbH.

В ролях: Фриц Расп, Ольга Чехова, Хильда фон Штольц, Вольфганг Либенайнер, Эллен Франк, Герберт Хюбнер, Зигфрид Шюренберг, Франц Шафхайтлин, Вильгельм Кёниг, Арут Вартан, Отто Хартман, Карл Форест, Траудль Старк. Чехова сыграла Таню, жену Азефа.

Сюжет картины — вольные европейские фантазии на тему революционных потрясений в России в 1905 году: Азеф — лидер группы социалистов-революционеров, которые борются в подполье против жестокой деспотии царской власти. Главную опасность для подпольщиков представляли агенты и информаторы царской охранки. Большой урон революционной деятельности нанес таинственный Раскин, один из ведущих агентов тайной полиции. Как найти изменника? Как поверить Вронскому, что предатель — Азеф? Что он и Раскин — это одно и то же лицо? Но представленные Вронским сведения точно устанавливают факт провокации Азефа.

Разоблаченный, Азеф трогательно умоляет жену не покидать его, уверяя, что стал жертвой роковой ошибки. Он говорит ей. что только смерть может отчистить его, и он готов на все ради других. Но умирать Азеф не собирался, он обманул свою жену Татьяну так же, как и товарищей по партии. Вместе с кафешантанной певичкой Нелли он бежит из Петербурга в Германию. В итоге: набор сантиментов в сочетании с псевдореволюционной шпионской романтикой и корыстным расчетом.

В следующем году на экраны выходят шесть фильмов с участием Ольги Чеховой: "Маня Валевская" ("Manja Valewska") — графиня Пола Валевская, "Любовные сны" ("Liebestraume"), "Деньги" ("Argent, L'", Франция), "Городской театр" ("Burgtheater", Австрия), "Ханнерль и ее возлюбленные" ("Hannerl und ihre Liebhaber"), "Фаворит императрицы" ("Favorite of the Empress,

"Favorit der Kaiserin").

В этом фильме Чехова сыграла главную роль — российской императрицы Елизаветы. Но не стоит рассчитывать, что тогдашние зрители могли узнать что-то новое и поучительное из русской истории, посмотрев эту картину.

В этой комедии история служит лишь парадным фоном для любовных и прочих интриг. Политика оказывается неразрывно связана с сексом и, наоборот, на место исторической достоверности водружена развесистая клюква. Российская императрица Елизавета возмущена поведением своего любовника Ивана Потоцкого, который убеждает ее вступить в союз с Францией. К тому же из ревности он окружил ее придворными весьма преклонного возраста.

Чтобы отомстить и заставить своего фаворита страдать, Елизавета приказывает своим фрейлинам пригласить во дворец красивых молодых мужчин. Ее придворная дама Ирина рекомендует императрице красавца-офицера по имени Александр Томский. Молодой человек понравился Елизавете, и вскоре при дворе поползли слухи о том, что у императрицы появился новый возлюбленный. Взбешенный Потоцкий арестовывает Александра Томского, придравшись к нему из-за пустяка. Но Александр вскоре освобожден, и как раз вовремя — он спасает Елизавету от покушения, которое устроил Потоцкий. Если бы в этом фильме была мораль, то она могла бы звучать так: "Как важно вовремя сделать правильный выбор".

Режиссер — Вернер Хохбаум. Сценаристы: Вернер Хохбаум, Вальтер фон Холландер (хорошо, что Чехова не значится в списке сценаристов сего квазиисторического опуса).

Оператор: Оскар Шнирх. Композитор: Антон Профес. Производство: Itala Film.

В картине снимались: Ольга Чехова, Антон Пойнтнер, Карл Эсмонд, Вальтер Штейнбек, Илзе Траутшольд, Эрик Оде, Аделе Зандрок, Ганс Адалберт Шлеттов, Ада Чехова, Эдит Майнхард, Илзе Абель, Хайнц фон Клеве, Труде Марлен, Петер Эркеленц, Вольф Харро.

30 октября 1936 года состоялась мировая премьера фильма "Маня Валевская". Режиссер — Йозеф Ровенски, сценарист — Мария Стефан. Операторы: Карел Дегль и Отто Мартини, композитор Джузеппе Бечче. Художник Ганс Ледерстегер, монтаж Йоханна Шмидт.

В этой драме сыграли: Мария Андергаст, Ольга Чехова, Питер Петерсен, Рудольф Карл, Траудль Старк, Альфред Нойгебауер.

Это была своеобразная австрийская интерпретация "классического варианта" Анны Карениной, совершенно

отличающаяся от романа Л.Н. Толстого своей оригинальной концовкой, где главная героиня не кончает жизнь самоубийством, бросившись под поезд, а следуя европейским семейным ценностям, подвергает судебному преследованию своего неверного мужа, виноватого не менее, чем она…

В следующем году на экраны вышли четыре фильма с участием Чеховой: "При закрытых дверях" ("Unter Ausschlu der Öffentlichkeit") — главная роль, "Полет в грозу к Клаудии" ("Gewitterwrflug zu Klaudia"), "Любовь идет странными путями" ("Liebe geht seltsame Wege"), "Желтые флаги" ("Die gelbe flagge") — главная роль — Хелен Редер.

Мировая премьера

Премьера "При закрытых дверях" состоялась 5 августа 1937 года. Режиссер — Пауль Вегенер, сценаристы: Гельмут Брандис и Отто Линнекогель. Продюсер Франц Фогель, оператор Карл Хассельманн. Композитор Ганс Карсте, художники — Пауль Маркви и Отто Мольденхауэр. Монтажер Фриц С. Маух. Длительность — 1 час 36 минут.

В картине снялись: Ольга Чехова, Сабина Питерс, Альфред Абель, Бертольд Эббеке, Эрих Цигель, Урсула Херкинг, Альберт Флорат, Ольга Лимбург.

Мировая премьера фильма "Любовь идет странными путями" состоялась 10 марта 1937 года. Режиссер — Ганс Х. Церлетт, сценаристы: Эжен Скриб и Ганс Х. Церлетт. Оператор — Георг Краузе, композитор Лео Лойкс. Художники: Карл Махус и Отто Мольденхауэр, монтаж Элла Энсинк.

В фильме снялись: Карл Людвиг Диль, Ольга Чехова, Карин Хардт, Вернер Шотт, Артур Шрёдер, Ольга Лимбург, Роберт Дорсей, Герман Пфайфер.

Сюжет прост, хотя отчасти и не лишен экзотики дальних стран и роковых страстей. В одной центральноамериканской стране происходит революция. Пришедший к власти генерал Гонза начинает беспощадную расправу с оппозиционерами. Чтобы спастись, один из них, капитан Костали, бежит в замок Антонии Дельварес, которая укрывает его. Вскоре он без памяти влюбляется в Делию, племянницу хозяйки. Всё усложняет то, что Делия является сторонницей генерала и пламенному революционеру приходится метаться между любовью и долгом.

В следующем году на экраны вышли четыре фильма с участием Чеховой: "Красная орхидея" ("Red Orchids" — "Rote Orchideen") — главная роль — Мария Дорандо, "Излюбленное

приключение" ("Verliebtes Abenteuer") — главная роль — Оливия, "Девушка с хорошей репутацией" ("Mädchen mit dem guten Ruf") — главная роль — Мирандолина, "Две женщины" ("Zwei Frauen") — главная роль.

Мировая премьера фильма "Девушка с хорошей репутацией" состоялась 25 февраля 1938 года. Режиссер — Ганс Швайкарт, сценаристы: Аксель Эггебрехт и Эрнст Хасселбах, продюсер Фред Лиза. Операторы: Ласло Шэффер и Фриц Арно Вагнер. Композитор Нико Досталь, художники: Курт Херлт и Вернер Шлихтинг.

В фильме снимались: Ольга Чехова, Аттила Хёрбигер, Билль Дом, Антон Поинтне, Роберт Дорсей, Франц Никлиш, Макс Гюльсторф, Эрнст Легаль.

Сюжет картины можно пересказать словами — мужчина, женщина и кино.

Тино путешествует по Италии и организует просмотры фильмов. Однажды он приезжает в очередной маленький город и узнаёт, что в единственной гостинице" где есть помещение для показа кино, хозяин имеет очень плохую репутацию и договориться с ним будет сложно. Какого же было его потрясение, когда он узнал, что хозяином является женщина по имени Мирандолина. Нетрудно понять, что ему с ней надо наладить отношения…

В 1939 году на экраны выходит пять фильмов с участием Ольги Чеховой.

В картине "Зловещие желания" ("Die Unheimlichen Wunsche") Чехова сыграла Феодору — главную роль. Как и в фильме "Верная рука" ("Freed Hands / Befreite Hände"), 21 февраля 1939 года состоялась мировая (через полгода, после начала Второй мировой войны, эпитет "мировая" к немецким фильмам уже не нужно будет употреблять) премьера фильма "Милый друг" ("Bel Ami"). Режиссер: Вилли Форет, сценаристы: Ганс Фриц Бекманн, Аксель Эггебрехт и Вилли Форет. Оператор: Теодор Й. Пале, композитор: Тео Макебен. Продюсеры: Герберт Энгельзинг и Вилли Форет. Производство: Deutsche Forst-Filmproduktion GmbH.

В фильме снимались: Ольга Чехова, Вилли Форет, Йоханнес Риманн, Ильзе Вернер, Хильда Хильдебранд, Билль Дом, Ариберт Вэшер, Губерт фон Мейеринк, Ханс Штибнер. Чехова сыграла главную женскую роль — Мадлен Форестье.

Картина представляла собой экранизацию популярного одноименного романа Ги Мопассана о смазливом и беспринципном мужчине, готовым на все, чтобы сделать карьеру. Случай — это, скорее всего, женщина. Так и будет. Все его случаи произойдут от женщин. Вскоре после демобилизации Георг Дюруа

влюбляет в себя молодую певицу Рэйчел. Теперь, благодаря своей внешности, очаровательным манерам и цинизму, он быстро начинает подниматься вверх — от журналиста до члена Кабинета министров. Во всём ему помогают женщины. Долго ли продлится это везение?

17 марта 1939 года состоялась мировая премьера картины "Я отказываюсь от показаний" ("Ich verweigere die Aussage"). Режиссер Отто Линнекогель, сценаристы: Гельмут Брандис и Отто Линнекогель, оператор Георг Брукбауэр. Композитор Вернер Бохманн. Художники: Пауль Марквиц, Фриц Мауришат, Ильзе Науманн. Монтаж Вальтер фон Бонхорст. Продолжительность — 1 час 40 минут.

В фильме снимались: Ольга Чехова, Альбрехт Шенхальс, Густав Диссль, Ханне Мертенс, Херберт Хюбнер, Херта фон Вальтер, Ганс Браузеветтер, Фрида Рихард, Тина Эйлере. Главную роль — Норы — сыграла Ольга Чехова. Озабоченная Нора начинает подозревать, что у ее мужа архитектора Хайнца Оттендорфа есть другая женщина, так как он всё больше и больше времени уделяет своей работе, а не ей, да и другие странности семейной жизни "налицо". В это же время саму несчастную Нору пытается утешить, а вернее будет сказать — завоевать давно в неё (и казалось — безнадежно) влюблённый Роберт, являющийся двоюродным братом её подруги Марианны. А сама Марианна, влюблённая в Хайнца, начинает плести паутину из обмана и интриг. Что из всего этого получится? Кто же станет счастливым?

4 мая 1939 года состоялась мировая премьера фильма "Паркштрассе, 13" ("Parkstrasse, 13"). Режиссер Юрген фон Альтен. Сценаристы: Эрвин Крекер и Эксед Айверс. Продюсер Адольф Эллинг, оператор Эдуард Хеш, композитор Фриц Веннайс. Художники: Габриэль Пеллон и Генрих Рихтер, монтаж Вилли Зейнерт. Длительность — 1 час 28 минут.

В картине снялись: Ольга Чехова, Хильде Хилдебранд, Иван Петрович, Ганс Браузеветтер, Курт Весперманн, Теодор Лоос. Антон Поинтнер, Александр Энгель, Герхард Бинерт. В главной роли — Эвелин Шратт — Ольга Чехова.

В этом фильме в жанре криминала основное внимание уделяется истории роковой женщины. Эвелин Шратт всегда имела много ухажёров, при всём при том что два её мужа умерли при загадочных обстоятельствах. И вот снова во время приёма в её доме совершается преступление — зарезан очередной её любовник. На этот раз полиция полна решимости разобраться в чём дело и найти виновника этой и других смертей.

В годы Второй мировой войны

В 1940 году на экраны вышли три фильма с участием Ольги Чеховой. В фильме "Возмездие", как и в двух других, актриса сыграла главную роль. 23 февраля 1940 года состоялась премьера картины "Ангелика" ("Angelika"). Режиссер Юрген фон Альтен, сценарист Курт Э. Вальтер. Оператор Эдуард Хеш, композитор Херберт Виндт. Художники: Фриц Юптнер-Йонштorфф, Бруно Лютц, Карл Рой.

В фильме снялись: Ольга Чехова, Альбрехт Шёнхальс, Фридрих Кайслер, Отто Граф, Марина фон Дитмар, Мали Дельшафт, Франц Шафхайтлин, Альберт Флорат. Сюжет картины прост, хотя и не лишен драматизма — успешная оперная певица Анжелика жертвует своей карьерой ради своего мужа, хотевшего стать знаменитым художником. Но не слишком ли большая цена за реализацию чужой мечты?

24 апреля 1940 года состоялась премьера картины "Лиса из Гленарвона" ("Fuchs von Glenarvon). Режиссер Макс В. Киммих, сценаристы: Ганс Бертрам, Вольф Ноймайстер, Николя Рон, Продюсер Герберт Энгельсинг, оператор Фриц Арно Вагнер.

Композитор Отто Конрад, художники: Вильгельм Депенау, Отто Эрдманн, монтаж Вилли Цейн. Время — 1 час 31 минута.

В фильме снимались: Ольга Чехова, Карл Людвиг Диль, Фердинанд Мариан, Элизабет Фликеншильдт, Траудль Старк, Альберт Флорат, Люси Хефлих, Рихард Хаусслер, Эллен Банг. На этот раз в сюжет фильма вмешалась политика — в Германии, воющей с Британией, англичане (кроме британских фашистов) были не в чести. Англичанин мистер Грандисон был мировым судьёй в одном ирландском районе и вёл свои дела порой нечестно, а его жена Глория, будучи ирландкой, наоборот, всячески пыталась помогать своим землякам. И вот, когда в Ирландию возвращается барон Джон Эннис, многолетний борец за права ирландцев, у Глории начинают завязываться с ним отношения. Но судья Грандисон конечно же намеревается избавиться от него, используя и не очень благородные варианты.

В 1942 году появились два фильма с участием Ольги Чеховой. 5 сентября 1942 года состоялась премьера картины "Андреас Шлютер" ("Andreas Schlüter"). Режиссер Герберт Майш. Сценаристы: Гельмут Брандис, Герберт Майш, продюсер Виктор фон Струве. Оператор Эвальд Дауб. композитор Вольфганг Целлер.

Художники: Герман Асмус, Курт Херлт, Роберт Херят. Монтаж Урсула Шмидт. Длительность — 1 час 51 минута.

В драме на историческую тему снялись: Вали Арнхайм, Пауль

Дальке, Питер Элыподьц, Эрнст Фриц Фюрбрингер. Генрих Георге, Отто Граф, Ольга Чехова, Херварт Гроссе, Макс Гюльсторф, Карл Гюнтер, Труде Хёфелин. Чехова сыграла графиню Веру Орлевскую.

В Третьем рейхе любили обращаться к славному прошлому Германии и демонстрации как ее героев, так и козней злодеев. Главный герой фильма — талантливый архитектор Андреас Шлютер. После создания памятников Великому курфюрсту и его сыну Фридриху III ему поручают руководить сооружением Берлинского Городского дворца. Но спустя несколько лет из-за интриг, закрученных конкурентом, Шлютера отстраняют от работы и сажают в тюрьму.

30 октября 1942 года прошла премьера фильма "Глазами женщины" ("Mit den Augen einer Frau"). Режиссер Карл Георг Кюльб. Сценаристы: Карл Георг Кюльб, Теа фон Харбоу, Жолт Харшаньи, продюсеры: Густав Альтофф, Карл Хофер. Оператор Пауль Ришке, композитор Джузеппе Беччe, художники: Отто Рейссер, Вилли Шиллер, Альфред Бюкен.

Монтаж Херберт Б. Фредерсдорф. Длительность — 1 час 40 минут.

В фильме снимались: Ада Чехова, Ольга Чехова, Густав Фрёлих, Карл Мартелл, Франц Шафхайтлин, Фриц Вагнер, Марина фон Дитмар, Эрика фон Телльман, Хильда фон Штольц, Мали Дельшафт.

В 1943 году кинопроизводство уже терпящего военное поражение Третьего рейха снимало только три фильма с участием Ольги Чеховой. 18 июня 1943 года состоялась премьера фильма "Вечное звучание" ("Der ewige Klang"). Режиссер Гюнтер Риттау, сценаристы: Артур А. Кунерт, Гюнтер Риттау. Оператор Уилли Куле, композитор Франц Гроте. Художник Мари Луиз Леманн, монтаж Алиса Людвиг. В главных ролях: Эльфрида Датциг, Ольга Чехова, Эрнст Вильгельм Борхерт, О.Э. Хассе, Жорж Буланжер, Ганс Денджел, Ольга Энгель, Леопольд Эстерль.

В картине рассказывается история про двух братьев скрипачей: один был простым любителем, а другой виртуозом. Однажды они поругались из-за украденной скрипки, но через несколько лет снова стали вместе играть, позабыв о прошлых неурядицах.

5 ноября 1943 года состоялась премьера фильма "Путешествие в прошлое" ("Reise in die Vergangenheit"). Режиссер Ганс Х. Церлетт, сценаристы: Ганс Х. Церлетт, Жюльен Дювивье, Герда Итал. Оператор Бруно Штефан, композитор Бернхард Эйхгорн. Художники: Генрих Вейдерманн, Мария Поммер-Улиг, монтаж Готтлиб Мадль

В этой мелодраме сыграли: Ольга Чехова, Фердинанд Мариан, Марго Хильшер, Хильде Хилдебранд, Вилль Дом, Теодор Лоос, Ханс Лейбельт, Фриц Одемар, Ева Тиншманн. Главную роль исполнила Чехова.

Сюжет картины не блещет оригинальностью, но зато позволяет тронуть за живое сентиментального зрителя (вернее — зрительницу). Вдова Марианна фон дер Халден решает вернуться к прошлой жизни. Для этого она приезжает к своей бывшей любви певцу Паулю Шнайдеру, но тот вспоминает об их романе лишь с иронией. Остальные встречи также не давали результата, до тех пор пока Марианна не повстречала на концерте своей дочери Аниты старого возлюбленного Фрица Элмера, являвшегося музыкальным руководителем и не подозревавшего о том, что Анита его дочь.

30 ноября 1943 года состоялась премьера картины "Опасное чувство" ("Gefährlicher Frühling"). Режиссер Ганс Деппе. Сценаристы: Вальтер Лик, Курт Бурнлер, продюсер Вальтер Больц. Композитор Лотар Брюне, художник Вальтер Рёриг, монтаж Анна Хёллеринг. Время 1 час 29 минут.

В главных ролях: Ольга Чехова, Винни Маркус, Зигфрид Бройер, Пауль Дальке, Фриц Вагнер, Хильдегард Грета, Вальтер Лик, Франц Шафхайтлин, Ганс Штибнер, Курт Весперманн. В главной роли — Ольга Чехова.

В 1944 году начались съемки фильма "Мелюзина" ("Melusina", Австрия, Германия). Режиссер Ганс Штайнхофф. Сценаристы: Эрнст Хасселбах, Ганс Штайнхофф, продюсер Ганс Штайнхофф. Оператор Рихард Ангст, композитор Михаэль Яри. Художники: Гельмут Хаак, Курт Херлт, Роберт Херлт. Монтаж Элизабет Певни. Премьера фильма прошла через 70 лет после съемок — 2 марта 2014 года… В картине сыграли: Ольга Чехова, Зигфрид Бройер, Ангелика Хауфф, Фридрих Домин, Лиза Сибел, Ганс Адалберт Шлеттов, Гретль Райнер. В главной роли снялась Ольга Чехова.

После окончания Второй мировой войны

27 февраля 1948 года состоялась премьера первого послевоенного фильма с участием Ольги Чеховой — "В храме Венеры" ("Im Tempel der Venus", Германия). Режиссер Ганс Х. Церлетт. Сценаристы: Ганс Х. Церлетт, Курт Й. Браун, продюсер Эрих Пальме. Оператор Хайнц Шнакерц, композитор Лео Лойкс. Художники: Франц Би, Бруно Лютц, монтаж Эрих Пальме. Время — 1 час 31 минута. В главных ролях: Ольга Чехова, Вилли Биргель, Герман Шпеельманс, Олли Хольцман, Фридрих Домин,

Эрика фон Телльман, Хуберт фон Майеринк, Маргарете Хаген, Беппо Брем, Антон Фарбер.

10 февраля 1950 года состоялась премьера фильма "Одна ночь в разлуке" (другой вариант названия "Ночь в отдельном кабинете", "Eine Nacht im Separee", ФРГ). Режиссер Ганс Деппе. Сценаристы: Бобби Э. Лютге, Франц Арнольд, Эрнст Бах. Продюсер Курт Ульрих, оператор Курт Шульц, композитор Рудольф Нельсон. Художники: Габриэль Пеллон, Уолтер Краатц. Монтаж Маргарет Стейнборн

В этой комедии сыграли: Курт Сейферт, Ольга Чехова, Сопя Циманн, Грети Шёрг, Пауль Хёрбигер, Георг Томалла, Рудольф Шюндлер, Эрнст Вальдов, Марта Хубнер. В главной роли — Ольга Чехова.

25 мая 1950 года состоялась премьера фильма "Двое в одном костюме" ("Zwei in einem Anzug", ФРГ). Режиссер Джо Штёкель. Сценаристы: Франц Зейц, Джо Штёкель. Продюсер Оскар Марион, операторы: Йозеф Иллиг, Франц Кох. Художник Макс Зеефельдер, монтаж Луиза Драйер-Захсенберг. Время 1 час 35 минут.

В этой комедии снимались: Джо Штёкель, Вольф Альбах-Ретти, Хейни Гебель, Ольга Чехова, Рудольф Рейфф, Ханнес Кепплер, Труде Хёфелин, Элиза Аулингер, Гилда Бауэрмейстер, Рудольф Фогель.

1 сентября 1950 года прошла премьера фильма "Мятеж в раю" ("Aufruhr im Paradies", ФРГ). Режиссер Джо Штёкель, сценарий Джо Штёкель. Оператор Пауль Групп, композитор Вернер Бохманн. Художник Макс Зеефельдер, монтаж Луиза Драйер-Захсенберг. Время 1 час 35 минут.

В этом комедийном фильме снялись: Ольга Чехова, Труде Хёфелин, Элфи Пертрамер, Олли Губо, Виктор Штааль, Джо Штёкель, Беппо Врем, Рудольф Рейфф, Хейни Гёбель.

2 марта 1951 года состоялась мировая премьера фильма "Вожделение" ("Begierde, ФРГ). Режиссер Карл Георг Кюльб. Сценаристы: Карл Георг Кюльб, Ги де Мопассан. Оператор Фридль Бен-Грунд, композитор Герберт Ярцвук. Художники: Эрнст Х. Альбрехт, Урсула Маес, монтаж Гертруд Хинц-Нишвиц. Время — 1 час 45 минут.

В этой фильме-драме снимались: Винни Маркус, Рихард Хаусслер, Ольга Чехова, Гизела Факкельдей, Фриц Одемар, Вальтер Янссен, Рольф Мёбиус.

15 марта 1951 года состоялась мировая премьера картины "Женщина с сердцем" ("Eine Frau mit Herz", ФРГ). Режиссер Рудольф Югерт. Сценаристы: Карл Георг Кюльб, Вольф Ноймайстер. Продюсер Ольга Чехова, Георг Рихтер. Оператор Эрих Клаунигк, композитор Вернер Бохманн. Художники: Фриц

Люк, Ганс Зонле. Монтаж Фриц Штапенхёрст. Длительность этой комедии — 1 час 28 минут.

В фильме снимались: Густав Кнут, Зигфрид Бройер, Зузи Николетти, Виктор Штааль, Питер Брак, Николос Эллин.

8 ноября 1951 года состоялась премьера "Мой друг — вор" ("Mein Freund, der Dieb", ФРГ). Режиссер Гельмут Вайс, сценарий Гельмут Вайс. Оператор Эрих Клаунигк, композитор Вернер Бохманн. Художники: Вальтер Хааг, Ганс Куцнер. Монтаж Аннелизе Шённенбек. Время — 1 час 29 минут.

В этой комедии сыграли: Ханс Зёнкер, Вера Мольнар, Харди Крюгер, Ольга Чехова, Теодор Данеггер, Кэте Хаак, Марианна Кох, Эдгар Людовичи, Хейни Мюллер.

Помимо этих трех фильмов, в 1951 году на экраны вышла картина "Талант к счастью, или Тайна супружества" ("Das Talent zum Gluck, ФРГ), в которой Ольга Чехова сыграла главную роль.

Но Чехова была не только популярной актрисой (хотя возраст уже сказывался и подросло новое поколение актрис), но и расчетливым продюсером. Так, 22 апреля 1952 года состоялась премьера фильма "За монастырскими стенами* ("Hinter Klostermauern, ФРГ). Слоган: "He defied every law!!" Режиссер Харальд Райнль. Сценаристы: Эрих Кренке, Харальд Райнлъ, Ганс Надерер. Продюсер Вальтер Траут, Ольга Чехова. Оператор Франц Кох, композитор Джузеппе Бечче. Художники: Роберт Херлт, Готфрид Вилл, Тедди Тирай. Монтаж Й. Йоахим Барч. Время — 1 час 39 минут.

В этой фильме-драме снялись: Ольга Чехова, Филин Дорн, Доротеа Вик, Маргит Саад, Маргарете Хаген, Вальтер Янссен, Хедвига Бляйбтрой, Гаральд Холберг, Ханна Ральф.

21 мая 1953 года прошла премьера фильма "Сегодня ночью произошло" ("Heute nacht passiert's", Австрия). Режиссер Франц Антель. Сценаристы: Карл Георг Кюльб, Вернер П. Цибасо. Продюсеры: Джохен Гензов, Франц Зайц. Оператор Эрнст В. Калинке, композитор Хайно Газе. Художники: Арне Флекстад, Сепп Ротхауэр. Монтаж Анджелика Аппель. Время — 1 час 26 минут.

В этой комедии в главных ролях снялись: Ганс Холт, Тео Линген, Ханс Лейбельт, Хуберт фон Майеринк, Кристиана Джэнсен, Ингрид Лутс, Ильза Петри, Лони Хойзер, Шарлотта Даудерт, Эва Керблер.

22 декабря 1953 года состоялась мировая премьера фильма "Всё для папы" ("Alles für Papa", ФРГ). Режиссер Карл Хартл. Сценаристы: Карл Хартл, Гуго Мария Критц. Продюсер Лугги Вальдлайтнер, оператор Оскар Шнирх, композитор Лотар Олиас. Художники: Габриэль Пеллон, Шарлотта Флемминг. Монтаж

Вальтер Фредерсдорф. Время — 1 час 30 минут.

В этой комедии снялись: Йоханна Мац, Курд Юргенс, Пеер Шмидт, Ольга Чехова, Ина Малфатти, Вальтер Янссен, Хедвиг Вангель, Кэте Хаак, Эдельвейс Мальхин, Франц Шафхайтлин.

4 мая 1954 года прошла мировая премьера картины "Роза-Ресли" ("Rosen-Resli", ФРГ).

Режиссер Харальд Райнль. Сценаристы: Харальд Райнль, Мария фон дер Остен-Сакен, Джоанна Спири. Продюсеры: Пол Ганс Фритш, Мария фон дер Остен-Сакен. Оператор Вальтер Римль, композитор Бернхард Эйхгорн. Художник Генрих Бейзенхерц, монтаж Гертруда Петерман. Время — 1 час 25 минут.

В этой драме снимались: Кристина Кауфманн, Йозефин Киппер, Пауль Клингер, Катрина Мауберг, Арно Ассманн, Кэте Хаак, Ольга Чехова, Труде Хёфелин, Отто Гебюр, Густи Вольф.

11 октября 1954 года состоялась премьера фильма "Ротмистр Вронский" ("Rittmeister Wronski", ФРГ). Режиссер Ульрих Эрфурт. Сценаристы: Аксель Эгтебрехт, Михаил Салтыков. Продюсер Вилли Хофман-Андерсен, оператор Игорь Оберберг. композитор Норберт Шульце, художники: Фриц Мауришат, Гюнтер Броста, Зинаида Руднов. Длительность — 1 час 39 минут.

В этом триллере снялись: Вилли Биргель, Элизабет Фликеншильдт, Антье Вайссгербер, Ильзе Штеппат, Ирена фон Мейендорф, Пауль Хартманн, Клаус Хольм, Ольга Чехова.

25 августа 1955 года прошла премьера кинофильма "Я была безобразной девицей" ("Ich war ein hasslisches Mädchen", ФРГ). Режиссер Вольфганг Либенайнер. Сценаристы: Эберхард Кайндорф, Йоханна Зибелиус, Аннемари Селинко. Оператор Бруно Штефан, композитор Херберт Трантов. Художники: Матиас Маттис, Эллен Шмидт, Гертруда Сартиг. Монтаж Вальтер фон Бонхорст. Время — 1 час 36 минут.

В главных ролях в этой комедийной мелодраме снялись: Соня Циманн, Дитер Борше, Карлхайнц Бём, Марианна Вишман, Эрика Ремберг, Татьяна Зайс, Ольга Чехова, Мали Дельшафт, Бруно Фриц, Эвелин Кюннеке.

27 октября 1955 года состоялась мировая премьера картины "Нагие кольца" ("Die Barrings", ФРГ). Режиссер Рольф Тиле. Сценаристы: Феликс Люткендорф, Рольф Тиле, Уильям фон Симпсон. Продюсер Лугги Вальдлайтнер, оператор Гюнтер Андерс. Композитор Фридрих Мейер, художники: Вальтер Хааг, Ганс Куцнер, Шарлотта Флемминг. Монтаж Александра Анатра. Длительность этой кинодрамы — 1 час 47 минут.

В главных ролях снялись: Дитер Борше, Надя Тиллер, Пауль Хартманн, Соня Саттер, Хайнц Хильперт, Ян Хендрикс, Лил Даговер, Ольга Чехова, Ида Вюст, Тило фон Берлешп.

25 декабря 1963 года прошла мировая премьера фильма "Джек и Дженни" ("Jack und Jenny", ФРГ). Режиссеры; Виктор Викас, Стив Превин. Сценаристы: Курт Нахманн, Томас Кек. Питер Л ус. Продюсеры: Джеро Векер, Вернер М. Ленц. Время — 1 час 26 минут.

В главных ролях снялись: Бретт Хэлси, Зента Бергер, Михаэль Хинц, Марион Михаэль, Экарт Дюкс, Пауль Клингер, Иван Десни, Фридрих Джолов, Михаэль Ферхёвен, Гарри Лайбауэр.

20 февраля 1971 года состоялась мировая премьера "Gestrickte Spuren" (ТВ) (Австрия, ФРГ). Режиссер Георг Маришка. Сценаристы: Георг Маришка, Лида Виневич. Время — 3 часа.

В этой драме в главных ролях снялись: Курт Нахманн, Альфред Бём, Питер Нойссер, Кристина Кауфманн, Эдвин Ноэль, Ганс Холт, Рудольф Мелихар, Ольга Чехова, Петра Шюрманн.

18 декабря 1973 года состоялась мировая премьера картины "Близнецы из Имменхофа" ("Die Zwillinge vom Immenhof", ФРГ). Режиссер Вольфганг Шляйф. Сценаристы: Вольфганг Шляйф, Курт Нахманн. Продюсер Джеро Векер. Время — 1 час 34 минуты.

В этой семейной драме в главных ролях снялись: Хайди Брюль, Хорст Янсон, Бригит Вестхаузен, Бетина Вестхаузен, Ютта Шпайдель, Катарина Браурен, Вера Грубер, Бернд Херцшпрунг, Франц Шафхайтлин, Гюнтер Людке.

Брижит Фосс, она же Далли, после многих лет возвращается на свою родину в поместье Имменхоф, где теперь живёт новая семья: Александр Аркенс, его дочки близняшки Билли и Бобби, а также их бабушка. Сёстры быстро привыкают к Далли и надеются, что она останется с ними. Но вскоре их отец узнаёт об окончания срока аренды поместья, в результате чего над ними нависает угроза переезда.

13 сентября 1974 года состоялась премьера "Весны в Имменхофе" ("Frühling auf Immenhof", ФРГ). Режиссер Вольфганг Шляйф. Продюсер Джеро Векер. Сценаристы: Вольфганг Шляйф, Йоханиес Вайс. Время — 1 час 33 минуты.

В главных ролях в этом приключенческом семейном фильме снялись: Хайди Брюль, Хорст Янсон, Бригит Вестхаузен, Бетина Вестхаузен, Галия Фоллина, Катарина Браурен, Вера Грубер, Генри Вэйл, Франц Шафхайтлин, Гюнтер Людке.

История, в которой главное место уделено супружеской паре и их насущным проблемам. Далли и Александр Аркенс поженились, но их поместье по-прежнему оставалось в тяжелом экономическом положении. В то время как Далли хотела занять деньги у друзей, Александр намеревался открыть клуб верховой езды, но жена была категорически против этого. А времени остаётся всё меньше и меньше…

Чехова сыграла саму себя

4 октября 1975 года состоялась премьера "Treffpunkt Herz" (ТВ) (ФРГ), где Чехова играет саму себя (гостя). Слоган: "Gala-Abend zugunsten der Deutschen Krebshilfe". Режиссер Эккехард Бёмер.

В главных ролях: Ганс Губбертен, Пауль Хёрбигер, Петер Александер, Катя Эбштейн, Курт Эдельхаген, Хансйёрг Фельми, Элизабет Фликеншильдт, Петер Франкенфельд, Франц Гроте, Иоханнес Хестере.

Жизнь после смерти

Ольга Чехова прожила долгую жизнь и так долго сохраняла свою знаменитую красоту что в одном из французских уфологических журналов как-то раз появилась статья, утверждающая, что актриса является то ли женщиной-иопланетянкой, то ли вовсе вечно юным сигомом, а ее косметические средства содержат секретные зелья из звездных далей.

Ну и конечно, до сих пор не умолкают споры о кинозвезде-разведчице. Поэтому не приходится удивляться, что и сейчас Ольга Чехова становится героиней фильмов, в которых причудливо переплетаются любовные страсти и шпионские авантюры. Достаточно вспомнить в качестве примера российский сериал "Контригра", повествующий о событиях вокруг Нюрнбергского процесса. По версии авторов сценария, ядерное "чудо-оружие", о котором упоминает Ольга Константиновна в своих мемуарах, немецкие ученые все же успели создать, только Третий рейх оно спасти не успело. Зато теперь уцелевшие нацисты рассчитывают хотя бы отомстить. Атомная бомба была заложена под Нюрнбергом, с тем чтобы привести ее в действие спустя год-полтора и вызвать ужас и панику среди оккупационных властей. Переиграть "мстителей" предстоит Лаврентию Берии, которого играет Вячеслав Гришечкин, и Ольге Чеховой в исполнении Марии Порошиной.

Она всю жизнь признавалась, что боится однообразия, что и побуждает ее стремиться на сцену и съемочную площадку, где она снова и снова проживала многие и многие жизни своих персонажей. Теперь она сама стала персонажем, обретя неисчислимо обновляющуюся сценическую и экранную жизнь.